

Annotation

В древней земле Немедии, чтобы избежать тюремной камеры, Конан из Киммерии соглашается выдать себя за сына и наследника барона Эйнарсона. Калисса, чувственная дочь барона, имеет другие планы на Конана, равно как и Эвадна, воинственная предводительница мятежников. Водоворот дворцовых интриг — яд в чашку и кинжала убийцы в темноте — и Конан должен возглавить армию Динандара против культа змеепоклонников — рабов древнего зла. И мертвые полководцы из рода Эйнарсонов поднимаются из древних могил дабы поразить любого, кто угрожает их линии.

Роман Конан Полководец(Conan the Warlord) на русском языке не издавался

• Конан Полководец

- Пролог. Воинство мертвых
- Глава 1. Пляска дубинок
- Глава 2. Дворец барона
- Глава 3. Обучение
- Глава 4. Гробница
- Глава 5. Меч и кнут
- <u>Глава 6. Нектар и яд</u>
- Глава 7. Гонка
- Глава 8. Кровавая река
- Глава 9. Избранница смерти
- Глава 10. Наследник
- Глава 11. Восставшие из праха
- Глава 12. Господин Варвар
- Глава 13. Поход в бездну
- Глава 14. Алый восход
- Глава 15. Змея
- Глава 16. Сердце змеи
- Глава 17. Возвращение
- Глава 18. Меч Эйнара
- Эпилог. Колесница

Пролог. Воинство мертвых

Пустынные и безлюдные Варакельские топи. Окутанные легендами и тайнами, тянутся они от границ восточной Немедии через острова и болота в Бритунийскую степь, туда, где рождается солнце. Давным давно эти места, одинаково непроходимые для человека, коня или лодки, превратились в черный омут, затягивающий в свое бездонное брюхо одиноких путников и безрассудных искателей приключений.

Но для одиннадцатилетнего парнишки жизнь на краю столь загадочных, неисследованных земель была полна будораживших воображение надежд и стремлений приоткрыть завесу тайны, прикоснуться к следам давно прошедших столетий и самому стать участником каких-нибудь невероятных событий. Его тревожили печальные крики птиц, доносившиеся с болот, леденящее душу завывание ветра. В шелесте тростника ему чудились не то стоны, не то шепот чьих-либо призрачных голосов. Мальчик по имени Лар рос один, без братьев и сестер. И был по натуре мечтателем. Какая-то неудержимая сила заставляла его вопреки предостережениям родителей бродить вдали от родных полей.

Лар оставил свой бревенчатый плот в зарослях тростника и соскочил на открытую им землю. Паренек буквально горел страстным желанием исследовать ее. Отец почему-то никогда не говорил об этой земле, хотя, несомненно, что-то знал о ней. Суровый немногословный старик знал о Варакельских топях больше, чем кто-нибудь, однако хранил молчание.

Лар не ведал даже, был ли открытый им клочок земли островом или полуостровом. Скорее всего, облик земли менялся от сезона к сезону, в зависимости от ежегодного противоборства между половодьем и засухой.

Лар продвигался медленно, то кругами обходя трясины, то продираясь сквозь густой кустарник. При этом не забывал зорко поглядывать по сторонам, чтобы избежать нежелательной встречи с медведем, камышовым котом или змеей. Наконец, открылась ровная пустошь, теперь можно без опаски ступить на сухую, твердую землю. Пустошь покрывал ровный ковер зеленой травы, — совсем как те поля рядом с фермой, которые возделывал его отец. Почему же здесь столь богатая пахотная земля еще не заселена?

Опираясь на шест, Лар ускорил шаг, но обойдя плотные заросли ольхи, внезапно замер от неожиданности. Прямо перед ним возникло ужасное зрелище: вздыбленный скелет коня. На спине мертвого скакуна — скалящийся всадник-скелет в ржавых доспехах.

Лар не поддался суеверному ужасу, не кинулся очертя голову обратно, поскольку считал всякую панику ниже своего достоинства. Здравый смысл подсказывал ему, что непосредственной опасности для жизни пока нет. Он только немного подался назад, укрывшись за густой листвой, и замер. Затаив дыхание, Лар внимательно вслушивался в окружающие звуки, но улавливал только шелест листьев да биение собственного сердца. Ничего похожего на топот копыт или звон оружия. Постояв еще несколько минут и окончательно успокоившись, Лар осторожно шагнул вперед и выглянул из-за листвы.

Призрачный всадник все так же застыл в отчаянном галопе. Единственным движением в этом царстве безмолвия и неподвижности были развевающиеся на ветру клочья бесцветной одежды, все еще свисавшие с костей и цепляющиеся за остатки панциря.

Лар разглядел, что конь и всадник прибиты к земле деревянным колом. Кол пронзил живот и седло коня, прошел сквозь пустую грудную клетку всадника и — тут Лар впервые содрогнулся от ужаса — острым концом проткнул череп мертвого воина. Ржавый шлем всадника, некогда венчавший голову воителя, теперь возвышался в нескольких дюймах над ней, слегка покачиваясь на деревянном острие.

В свои одиннадцать лет Лар уже знал, что подобный тип казни предпочитали суровые бритунийцы. Мысль о том, что и всадник и лошадь были проткнуты насквозь заживо, вызвала у него тошноту, хотя он и не мог оторвать глаз от страшного зрелища.

Лар сделал еще несколько шагов вперед, стараясь все же держаться на почтительном расстоянии от морды коня, задранной высоко кверху и глядящей невидимым взглядом на своего седока. С трепетом и восхищением Лар разглядел, что всадник, судя по остаткам богатых доспехов, был полководцем, или по крайней мере командиром отряда.

Расположенные почти правильным строем позади своего командира, девять других всадников были насажены на колья таким же жутким способом. Некоторые скелеты уже осыпались и валялись на земле бесформенной грудой костей, в то время как другие всадники еще гордо восседали в седлах, облаченные в ржавые кольчуги. К поясам воителей все так же грозно пристегнуты покрытые зеленью медные рукоятки кривых сабель.

Большинство деревенских мальчишек, конечно, не выдержали бы подобного зрелища и помчались домой, стараясь поскорее забыть о зловещем открытии. Одни решились бы рассказать родителям об отряде призраков-скелетов, изрядно приукрашивая свой рассказ всякими небылицами, другие оставили бы увиденное в тайне.

Но Лар был не из их числа. С раннего детства он уже глубоко задумывался над тем, что доводилось услышать поздними вечерами у огня. Ведь взрослые думали, что парнишка спокойно спит. Он рос мечтателем, и его воображение и любознательность не давали места страху.

Вот и сейчас он продолжал двигаться меж останками мертвого воинства, и хоть мурашки бегали у него по спине, азарт исследователя вновь взял верх. В центре кавалерийского строя Лар увидел обломки колесницы. Кони, некогда везшие ее, не были пронзены кольями, как другие, — это были просто груды костей со спутанной кожаной полуистлевшей упряжью. Сама же колесница представляла собой нагромождение рухнувших бревен, расколотых спиц и перекладин и разбросанных вокруг них костей, покрытых лишайником. Это были остатки одиннадцатого человеческого скелета, череп которого был несомненно расколот острым клинком. Приглядевшись к уцелевшей части черепа, Лар заметил, что он отличается от других какой-то странной плоской и удлиненной формой, а также сильно выпуклыми неровными зубами.

И вдруг в центре всей этой груды развалин что-то сверкнуло из-под кожаных лохмотьев, которые скорее всего служили навесом колесницы. Лар наклонился, и в глаза ему ударил яркий блеск непотускневшей от времени странной вещицы. Приглядевшись, Лар застыл от изумления. Золотая фигурка! Опустившись на колени, он принялся отдирать куски кожи, расчищая доступ к находке. Сухие кости затрещали, когда он нетерпеливо отпихнул их в сторону.

Это оказался овальный золотой ларец, украшенный драгоценными камнями и имевший форму змеиной головы. Даже тому, кто видел немало причудливых вещиц, отлитых из металла, сложность и изысканность формы ларца могла бы показаться просто сверхъестественной. Когда Лар осторожно коснулся кончиком пальца змеиного глаза, чтобы стереть с него пыль, граненая поверхность засверкала необыкновенно глубоким и ясным зеленым светом. Зубы змеи были также из драгоценных камней, отшлифованных в виде суживающихся призм, такими же прозрачными и сверкающими, как глаза.

На задней стороне ларца Лар увидел петли. Он просунул слегка дрожавшую руку между зубами и осторожно поднял крышку. Она поддалась с трудом, но Лару все же удалось поставить ее прямо. В лучах солнца сверкнула зеркально полированная внутренняя поверхность змеиной пасти. Дно ларца было полно кроваво-красных драгоценных камней, из груды которых высовывался змеиный язык. Настоящее сокровище висело именно на его остром раздвоенном кончике — золотое, инкрустированное камнями ожерелье.

Лар знал о коронах и сокровищах только из волшебных сказок, которые рассказывала ему мать долгими зимними вечерами. Не решаясь дотронуться до ожерелья, он посмотрел на его отражение на сверкающей крышке шкатулки.

Внезапный холод пронзил мальчишку насквозь, и ужас заполнил сердце. В этот момент Лар был почти уверен — стоит ему только взглянуть вверх и он увидит, как всадники-скелеты оживают, распрямляют высохшие белые конечности, зловеще вращают скрипучими шеями и поворачивая к нему своих страшных мертвенно-бледных коней. Несколько мгновений Лар не осмеливался поднять глаза, но наконец ему удалось пересилить себя и посмотреть вверх.

К счастью, ничего жуткого не произошло. Всадники по-прежнему оставались на своих местах. ближайший скелет вздымался прямо над ним, такой же ужасный, как и раньше, и такой же неподвижный.

Изменилось разве что небо — теперь оно было затянуто тяжелыми свинцовыми облаками, возвещавшими о перемене погоды. На земле же все было спокойно, лишь стебли высокой травы слегка колыхались от дуновения ветра.

Лар размышлял о том, что могло угрожать ему здесь, что было такого сверхъестественного или дьявольского в этом месте. Почему он должен бояться этих полуистлевших обломков былой трагедии, разыгравшейся давным-давно, может быть, когда его еще не было на свете? Он слышал много рассказов о жутких и таинственных явлениях, но теперь не верил в них и презирал за трусость тех, кто с суеверным страхом рассказывал о всяких мистических чудесах. Все эти россказни не для него! Лар решительно повернулся к шкатулке и сунул руку внутрь, чтобы взять ожерелье.

Но как только он дотронулся до сокровища, щелкнул замок, и крышка захлопнулась. Лар вскрикнул от боли, почувствовав, как один из острых, как игла, змеиных зубов пронзил запястье до кости. Свободной рукой паренек попытался приподнять тяжелую, снабженную сильной пружиной крышку, но ему это не удавалось. Рану сильно жгло, будто в нее попала кислота. Лар почувствовал, как рука медленно коченеет. К горлу подкатила тошнота.

Наконец, ему все же удалось освободиться от проклятой шкатулки, уже сквозь туман смутно увидев, что с пронзившего его змеиного зуба капала не только кровь, но и тягучий желтый яд. Шатаясь, он побрел назад, к зарослям ольхи, с трудом различая дорогу, ведомый еще не угасшим чувством вернуться домой.

* * *

Три дня спустя его нашел отец. С безумным взглядом Лар бродил по заросшему тростником болоту рядом с полем дикого лука. Он не отвечал ни на какие вопросы отца, и, как тот ни тряс его, не произнес ни единого звука. Старик поднял сына на руки и понес домой, где в тревоге ждала их мать.

— Лар! О, Лар, мое дорогое дитя, почему ты меня не послушался? Обещай, что никогда больше не уйдешь от твоей мамы! — обезумевшая от горя женщина вымыла и обтерла мальчика мягким полотенцем, положила на тюфяк перед огнем и сделала припарку на гноящуюся рану.

Через некоторое время, когда отец пошел обратно в поля, она попыталась накормить сына горячим супом, но Лар плотно сжимал зубы. Мать поднесла деревянную ложку к его губам и стала убеждать съесть хоть немного, но Лар внезапно схватил ее руку и сильно укусил. Мать пронзительно закричала и отдернула руку, чувствуя сильное жжение.

Глава 1. Пляска дубинок

Подземная тюрьма, казалось, была насквозь пропитана человеческими страданиями. Зловонная тьма делала почти осязаемым густой туман отчаяния, лишь усугублявшийся благодаря единственному источнику света — тонкому пыльному лучу, падавшему из окна.

Два десятка заключенных бесцельно бродили по камере или сидели на корточках, привалившись к грубым каменным стенам. Некоторые из них были немедийскими рабами, темнолицыми угрюмыми людьми в простых рубахах до колен, перевязанных на поясе истрепанными веревками. Другие, одетые в более пестрые лохмотья, выглядели чужестранцами — это были или беспечные хитроватые уличные воришки из Динандара, или небогатые путешественники, что-то не поделившие с местными властями. Отличились друг от друга заключенные и чисто физически — здесь маялись и плотные дюжие крепыши, слонявшиеся от двери до окна, и измученные пытками доходяги, стонущие по темным углам. Самый несчастный вид был у одного из них, лежавшего лицом вниз на грязном полу прямо посреди камеры, поджав под себя ноги. В таком скрюченном состоянии он лежал уже несколько дней, но именно сегодня почему-то привлеку особое внимание сокамерников.

- Эй, Джайлер! Смотри-ка, никак Столпа окочурился?
- Точно, загнулся парень. Надо унести его отсюда, а то скоро он начнет вонять!

Крепкий, заросший густой бородой арестант, решительно подошел к двери и начал дубасить по ней огромным кулачищем.

- Эй, начальник! Идите сюда! У нас тут один умер сегодня утром! Унесите его, а то он разведет нам червей!
- Уберите его! Он уже воняет! Унесите его! отдельные крики и вопли слились в нестройный, но мощный хор, к которому присоединились все, кто был способен кричать. За исключением одного.

Это был варвар-северянин, высокий мускулистый парень лет восемнадцати с растрепанными черными волосами и едва пробивающейся бородой. Он был одет, как горожанин, но с первого взгляда видно, что одежда явно с чужого плеча. Он лениво прохаживался вдоль стены. В его неторопливых движениях проглядывалась кошачья гибкость, резко контрастировавшая с грубой и тесной одеждой. Варвар неотрывно смотрел на дверь, время от времени что-то шепча стоявшему рядом о ним головорезу со сломанным носом, который изредка добавлял к общему хору громкие презрительные насмешки.

- Идут! Ухмыляющееся лицо горбоносого внезапно стало серьезным. Ну, теперь держись, Конан!
 - Ты тоже. Рудо. Да поможет нам Кром!

Со стороны коридора кто-то с силой ударил по двери. Молодой варвар напружинился и замер. Крики его сокамерников стихли.

— Эй, вы, подонки! — загромыхал чей-то голос из-за двери. — Если сейчас же не будет порядка, перестреляю всех, как бешеных псов!

Тот самый бородач, первым поднявший шум в камере, вытянулся перед смотровым отверстием в двери и указал на неподвижную фигуру, распростертую на полу.

- Господин начальник, почтительно произнес он, Столпа умер уже несколько часов назад, а камера переполнена, он скоро начнет разлагаться. Мы бы очень хотели, чтобы его унесли отсюда.
- Ax, умер? насмешливо отозвался невидимый за дверью стражник. И какой же негодяй задушил его?

Бородач нервно передернул плечами.

- Никто его не трогал, поспешно проговорил он. Просто он был совсем уж доходяга. Болел долго, вы же знаете!
- Хоть бы вы все сдохли вместе с ним! раздраженно пробормотал стражник. А откуда я знаю, что вы не пытаетесь заморочить мне голову?

Заключенные переглянулись, и по камере пронесся легкий гул недовольства. Горбоносый Рудо быстро шагнул к двери и оттолкнул в сторону бородача.

— Господин начальник, можете сами убедиться...

Он подошел к неподвижному телу, занес назад ногу в котурне и точно рассчитанным движением нанес удар в бок несчастного Столпы, так что тот откатился по скользкому полу на расстояние вытянутой руки.

— Мучения Столпы окончились, господин начальник, — Рудо повернулся к двери и слегка склонил голову. — А наши только начинаются. Так вы возьмете его? Очень просим.

В подземном каземате воцарилось гробовое молчание. Заключенные затаили дыхание, застыв, как камни. За дверью послышались приглушенные голоса, затем стражник рявкнул через глазок:

- Ладно. Но вынесете вы его сами. И только двое из вас, не больше. Ты, Фалмар и...
- Я! торопливо крикнул Рудо и тут же склонился над Столпой. Бородатый Фалмар подхватил тело с другой стороны и они направились к двери.

Раздался глухой скрежет отодвигаемого засова, и заключенные нервно зашевелились.

Тяжелая дверная панель подалась внутрь.

— Ну, пошли! Да поживее! — Резко скомандовал появившийся и дверном проеме человек в бронзовом шлеме и красном мундире городской гвардии. Подняв арбалет и держа узников на прицеле, гвардеец жестом велел арестантам выходить. Те послушно двинулись вперед вместе со своей ношей. Второй тюремщик ухватился за скобу засова, намереваясь немедленно захлопнуть дверь.

Но как только Рудо и Фалмар прошли через дверь, напряженная скованность заключенных мгновенно исчезла. Они стремительно рванулись к двери. Впереди всех оказался молодой варвар. Северянин схватил за руку тюремщика, стоявшего у двери и резко вывернул ее, втолкнув его самого в камеру. Тем временем Рудо и Фалмар набросились на гвардейца в красном мундире, швырнув в него свою ношу, которая вылетела из их рук с такой силой, что сбила стражника с ног.

Конан пытался вырвать тяжелую деревянную дубинку из рук тюремщика, которого он швырнул в камеру под ноги бегущим заключенным, но оружие было крепко пристегнуто ремнем к запястью.

Юный варвар с остервенением начал выкручивать ремень, пока тот не треснул, и дубинка оказалась у него в руках, Издав пронзительный воинственный крик, от которого у врагов кровь стыла в жилах, Конан бросился в поток людей, валивших через дверь.

В караульном помещении уже вовсю кипела драка. Толстощекий стражник, которого первого сбили с ног и обезоружили, пытался выползти из свалки, отчаянно барахтаясь. В груде тел, навалившихся на него, были заметны по крайней мере еще четыре других стражника. Два тюремщика выскочили из камеры пыток, но Конан уже встречал их на верхней ступеньке узкой каменной лестницы.

Удар дубинкой пришелся вскользь по шлему стражника, но все же он кубарем полетел вниз по лестнице к освещенному светом факела дверному проему. Тем временем второй стражник успел атаковать Конана, огрев его дубинкой по плечу. Юный варвар, стиснув зубы от боли, яростно набросился на противника. Завязалась отчаянная схватка, дубинки трещали, но Конану удалось одержать верх. Он ударил стражника по пальцам, тот на мгновение замер. Этого

оказалось достаточно. Следующим ударом северянин сбил тюремщика с ног. На него тут же прыгнул какой-то всклокоченный заключенный, чтобы захватить оружие.

Тем временем варвар метнулся к лестнице, ведущей наверх, где толпились другие стражники. Горбоносый Рудо орудовал разряженным арбалетом, словно боевым молотом. Остальные арестанты дрались голыми кулакам, да так лихо, что прижали тюремщиков к стене. Фалмар навалился на толстого стражника, перехватил дубинку и, используя ее как своеобразный рычаг, пытался придушить слабо отбивающегося противника. И только костлявый Столпа не принимал участия в драке — он лежал, неуклюже раскинувшись на полу у основания лестницы и выглядел в этот момент еще более мертвым, чем раньше.

Конан бросился в самую гущу схватки, щедро раздавая удары направо и налево. Тюремщиков не спасали даже шлемы, тяжелые кулаки северянина валили стражников, как два цепа — снопы спелой пшеницы. То тут, то там раздавался треск ломающихся костей и дикие крики боли.

Яростный ритм битвы охватил молодого варвара. Его движения напоминали некий сложный, бешеный танец. Когда вражеская дубинка попадала Конану по руке или по ребрам, вспышка боли только подстегивала его и ускоряла темп. Обманное движение в сторону, бросок вперед, парирование, удар! Свирепая киммерийская кровь вопила в его ушах дикую песнь!

Шум и столпотворение вокруг него уже казались Конану обыденным фоном. Он чувствовал себя всемогущим и неуязвимым, враги падали перед ним, как подкошенные.

Но тут юный варвар услышал сзади громкий настойчивый крик, заставивший его вернуться к реальности. Дико озираясь по сторонам, он увидел, что из нижней тюрьмы подоспели новые стражники и закрыли выход из камеры, затолкав туда при этом несколько заключенных. Некоторые вообще не покидали ее из трусости или физической немощи; одним словом, ряды мятежников поредели. Высокий круглолицый надзиратель Флетта, стоя у дверей камеры вместе с двумя стражниками усердно работал тяжелой медной колотушкой, с азартом опуская ее на головы тех, кого только мог достать.

Для тех заключенных, кто еще продолжал сражаться, оставалась надежда прорваться вверх по лестнице. Ее защищали двое стражников, медленно отступавших ступенька за ступенькой под натиском Рудо и Фалмара.

Но вот наверху зазвучали отрывистые команды. Раздался топот ног подоспевшего подкрепления, и вниз по узкой лестнице устремились Железные гвардейцы, одетые в черные металлические шлемы и панцири. Приблизившись к схватке, они молниеносно вытащили длинные кривые сабли.

Их командир шагнул под арку и остановился на верхней ступеньке. Это был высокий худощавый человек с жестким лицом и аккуратными черными усиками. Положив руку на эфес сабли, скрытой под плащом, он молча смотрел вниз на сражающихся, шепнув только несколько слов младшему офицеру, спускавшемуся по лестнице.

С этого времени борьба стала жестокой и короткой. Более удачливые заключенные падали под дубинками стражников, другим повезло меньше — их или рубили, или пронзали насквозь длинные сабли Железной гвардии. Конана окружили и обезоружили, но он продолжал отчаянно биться, пока сзади ему не набросили на лицо какую-то грязную вонючую тряпку.

Рухнув под ударами врага на колени, варвар еще яростнее замолотил кулаками, отбивая удары со всех сторон, в любой момент ожидая почувствовать леденящий холод стали, пронзающей внутренности. Однако северянина только били и пинали, не давая подняться. Потом навалились, скрутили руки и крепко связали за спиной, прижав голову к коленям.

Вокруг раздавались звуки резких ударов, стоны и мольбы о пощаде. Схватка закончилась. Конан не мог понять, почему с ним обошлись не так, как с другими, и воображение уже рисовало ему ужасные картины пыток и унижений, которые, должно быть, ожидали его в

будущем.

Он услышал, как оставшихся в живых заключенных погнали обратно в камеру, сопровождая их водворение на место бранью, проклятьями и пинками, — но его все еще держали на коленях. И вот наконец он услышал, как кто-то произнес рядом с ним ровным спокойным голосом:

- Этого парня зовут Конан?
- Да, господин. Он киммериец. Опасный бунтовщик и скорее всего один из зачинщиков мятежа, голос стражника был полон ненависти и презрения. С вашего позволения, маршал Дарвальд, ему надо бы укоротить руки. А лучше всего просто прибить.
 - Дайте-ка на него взглянуть.

Тряпку стащили, и Конан увидел перед собой пол, устланный телами недавних участников сражения. Повернув голову, он увидел высокого офицера в черном плаще и стражника с разбитым носом. Офицер мельком глянул на пленника и без всякого выражения произнес:

— Посадите его в одиночную камеру, а затем мы его перевезем, — Маршал Дарвальд повернулся и пошел прочь, бросив на ходу через плечо. — Он будет отослан под власть барона.

Глава 2. Дворец барона

Боевая колесница неспешно громыхала по тихим улицам Динандара, и десятки невидимых глаз тайно наблюдали за ней из темных окон и укромных щелок. Несмотря на поздний час, появление колесницы было немедленно замечено. В унылом провинциальном городке происходило не так уж много событий, поэтому появление колесницы вызвало такой интерес — или ради того, чтобы наутро пустить какие-нибудь сплетни о готовящемся военном перевороте или политических интригах, или из простого обывательского страха.

Для пассажиров колесницы это путешествие было не слишком приятным. На мощеной булыжником дороге, приспособленной для конных, немилосердно трясло. Окованные железом колеса периодически застревали в сточных желобах, перерезавших мостовую.

Возница и пассажир, сидевшие бок о бок на обитой войлоком доске, неистово тряслись, то и дело наваливаясь друг на друга. Но гораздо тяжелее было тому, кто лежал ничком на полу со связанными сзади руками.

- А ну, лежи тихо, грязный варвар, или я сейчас успокою тебя дубинкой! Угрозу возница тут же подкрепил сильным ударом тяжелой рукояткой кинжала.
- Кром! Я ведь сейчас сдохну! Крик того, кому достался удар, приглушило грубое войлочное одеяло, наброшенное сверху на пленника. И так дышать нечем!
- Тихо, киммериец! Голос пассажира, одетого в черный плащ, был как всегда спокойным и невозмутимым. Барон приказал, чтобы ни одна живая душа тебя не увидела, иначе ты уже не будешь нужен барону. Тогда тебя ждет участь, которая больше соответствует твоему положению в мире и твоим недавним преступлениям. Если будешь лежать спокойно, еще поживешь немного, Маршал Дарвальд презрительно посмотрел вниз. Не суетись и не пытайся распутать свои веревки. Мы почти приехали.

Возница присвистнул и тряхнул поводьями, подстегивая трех гнедых жеребцов. Колесница покатила по бревенчатому мосту, казавшемуся гладким, как полотно по сравнению с мощеной булыжником дорогой. Конан услышал оклик, краткое приветствие и скрип открываемых ворот, затем колесница остановилась.

С Конана сдернули одеяло и выволокли из колесницы в густую грязь. Он упал на одно колено и, с трудом сохранив равновесие, резко выпрямился. Маршал двинулся к большому высокому зданию, похожему на мрачный дворец или на крепость; возница подтолкнул Конана в том же направлении. Варвар глянул на него так, что тот отпрянул, забыв о связанных руках пленника. Конан огляделся вокруг, разминая затекшие конечности, затем мрачно пошел вперед в сопровождении своего конвоира.

Входная дверь была открыта, и изнутри на каменное крыльцо лился уютный желтый свет. Но маршал Дарвальд не обратил никакого внимания на этот знак гостеприимства и, подойдя к обитой железом небольшой двери, хорошо спрятанной в глубокой нише, вытащил ключ и вставил замок. Дверь с тихим шорохом открылась, все трое прошли в большую, хорошо освещенную прихожую. Сквозь арочный проем Конан увидел просторный, богато украшенный холл с яркими цветными гобеленами и массивной лестницей посередине.

— Закрой двери, — приказал маршал, — и возница закрыл на засов сначала дверь, через которую они вошли, а затем поспешил прикрыть массивную резную дверь, ведущую в зал.

Дарвальд жестом приказал Конану сесть на скамью, тянущуюся вдоль стены, а сам остался стоять рядом.

— Эй, киммериец, — Маршал пристально взглянул на своего пленника. — Когда тебя схватили, при тебе были монеты Заморы и золотые драхмы Бельверуса. Ты тогда болтался на

юге, ведь так? Северянин неопределенно кивнул. Он знал, что в немедийской столице был совершен ряд

— Отвечай, когда с тобой говорят! Как долго ты был в Динандаре?

кровавых преступлений, которые запросто могли повесить на него.

— Да дней двенадцать, — Конан опустил глаза в пол, чтобы взгляд не выдал его.

Маршал задумчиво — потрогал усы.

- У тебя есть какие-нибудь родственники или знакомые в Немедии?
- Нет, Конан про себя немного удивился вопросу.
- Ты уверен? Может быть, каких-нибудь женщин из твоей родни привозили на юг как невест? Дарвальд наклонился, глядя пленнику в глаза, но на лице варвара было только мрачное недоумение. Не дождавшись ответа, маршал выпрямился. Ну, хорошо, парень. Вот ты пришел с северных равнин, и что ты думаешь о чудесах нашей цивилизации? Он улыбнулся с каким-то новым, фальшивым оттенком сердечности. Тебе нравятся хайборийские земли?

Юный варвар несколько мгновений размышлял, затем посмотрел Дарвальду прямо в лицо.

— Не знаю... я никогда не видел такого богатства, как в южных городах. Впрочем, как и грязи, мерзости и нищеты, — с трудом проговорил Копан, удивленно мотая головой. — В Киммерии, конечно, тоже случается голод, могут голодать целые племена, но уж если они процветают, то процветают все вместе. А здесь честные люди умирают с голода, а прожорливые богачи жируют за их счет.

Глаза Дарвальда сузились от отвращения.

- Тебе бы лучше оставить эти рассуждения в своих снежных болотах, приятель, а не то в Динандаре за это могут вырвать язык, Он помолчал, затем, с любопытством взглянул на Конана. Однако ты довольно неплохо говоришь по-немедийски. Как тебе удалось выучить его?
- Немедийцы часто появлялись у наших границ, пытаясь захватить наши земли, пожал плечами Конан. В юности я не раз сражался с их бандами, у него был такой вид, как будто он и впрямь считал, что его юность была в довольно отдаленном прошлом. Помню, мы хорошо помяли им бока возле крепости Улайю.
 - Это были восточные немедийцы, да?
 - Селяне с равнин... И прочий сброд...
- Понятно, задумчиво кивнул маршал. А что ты думаешь насчет твоего поступления на службу барону?
- Почему бы и нет? равнодушно отозвался Копан. Только убивать моих сородичей или шпионить против них я не собираюсь.

Лицо Дарвальда впервые смягчилось.

— Ладно, — Он повернулся к вознице. — Ему надо дать одежду получше, чтобы предстать перед бароном, — Маршал брезгливо сморщил нос. — Вот только с мытьем придется подождать. Свайнн, поищи для него что-нибудь подходящее.

Свайнн повернулся к развешенной на крюках вдоль стены одежде и выбрал короткую зеленую куртку и рыжевато-коричневые штаны, затем молча показал их Дарвальду.

Маршал кивнул:

— А теперь освободи его от веревок.

Свайнн недоверчиво взглянул на маршала, затем положил одежду на скамью, вытащил нож и подошел к Конану. Северянин встал и повернулся к нему боком.

Свайнн снова застыл в нерешительности.

— Не бойся, — подбодрил его Дарвальд. — Если у него есть хоть капля здравого смысла, он поймет, что здесь-то уж ему будет всяко лучше, чем в тюрьме или на рудниках.

Резким движением клинка Свайнн перерезал путы. Конан вытянул руки вперед, разминая их и сбрасывая остатки веревки. Свайнн потянул его за рубашку, чтобы помочь переодеться.

— Назад! — Резким ударом локтем Конан отбросил его к стене.

Свайнн едва удержался на ногах. Крепко выругавшись, он замахнулся на Конана кинжалом.

- Оставь его, Свайнн, нетерпеливо проговорил Дарвальд. И убери подальше свой тесак для репы. А ты, парень, он повернулся к молодому варвару, давай-ка скидывай эти грязные лохмотья, которые ты бог знает где стащил.
- Это моя одежда, Конан метнул злобный взгляд на обоих, потом чуть расслабился. Если бы мне вздумалось украсть, то я выбрал бы что-нибудь получше.

Он стянул с себя рубашку, треснувшую на спине во время битвы на дубинках, затем снял грубые потрепанные штаны и бросил их на пол, обнажив красивое мускулистое тело, обильно покрытое ссадинами, синяками и рубцами. Но несмотря на то, что эти раны еще явно давали о себе знать, двигался киммериец с удивительной гибкостью и мощью молодого леопарда.

Облачившись в новую одежду и завязав на ногах кожаные сандалии, Конан выпрямился и взглянул на Дарвальда.

— Годится, — кивнул маршал. — Пошли.

Дарвальд толкнул деревянную дверь в стене, за которой открылась винтовая лестница, ведущая в одну из угловых башен замка. Они поднялись в небольшую комнату с узкими окнамибойницами и, миновав галерею, вошли в роскошный покой.

Увидев их, с кресел с высокой резной, спинкой поднялись двое — высокий пожилой господин с серебристыми усами и пухлый розовощекий человечек, по-видимому, его вассал.

— А, Дарвальд! Значит, это и есть тот мальчишка?

Высокий господин, стоявший к ним вполоборота, был истинным аристократом. Одетый в красивую кожаную юбку и шелковую рубашку, с серебряным кинжалом на поясе, он казался олицетворением мужественности и благородства. Жесткие черты лица немного смягчали седые усы и бакенбарды. Но когда он повернулся к вошедшим, Конан увидел, что благородный лик аристократа обезображен синевато-багровым шрамом. Шрам рассекал лицо от глаза до нижней губы так, что оно казалось удивленно-надменным. Один глаз, по всей видимости, был мертвым, но тем не менее Конан поежился, ощутив на себе силу взгляда барона.

Тот, кто находился в комнате вместе с ним, являл собой разительный контраст по сравнению со старым аристократом. С первого взгляда ясно, что этот пухлый розовощекий толстяк — полное ничтожество. Однако, уверенно напускает на себя вид знающего себе цену незаменимого помощника. Его невзрачная серая куртка была слишком туго подпоясана ремнем, так что живот потешно выпячивался, но при этом толстяк держался гордо и уверенно.

Дарвальд коротко поклонился, неотрывно глядя на барона.

— Да, милорд, — как всегда ровным голосом произнес он. — Это тот самый парень, о котором я вам говорил. Дикий киммериец, но тем не менее, как мне кажется, имеющий достаточно здравого смысла. Конан, тебе предоставляется возможность преклонить колени перед бароном Бальдром Эйнарсоном.

Но Конан ограничился лишь кивком.

Дарвальд в бешенстве повернулся к нему:

— Киммериец, ты должен встать на колени! Это необходимо для твоего же блага.

Конан продолжал стоять, бесстрастно глядя на барона.

Рука Дарвальда потянулась к эфесу сабли.

- Упрямый варвар! злобно воскликнул он. В твоем положении следует быть посговорчивее!
 - Маршал! спокойно, но с оттенком удивления произнес барон. Оставьте его. В том,

что вы от него требуете, нет никакой необходимости. Более того, это даже лучше, что у мальчишки нет привычки повиноваться. Это только помешало бы ему исполнить свою роль должным образом.

- Конечно, милорд, кивнул маршал, бросив еще один взгляд на мрачного пленника. Прошу меня простить. Так вы находите сходство соответствующим?
- Да, улыбнулся Бальдр. В его лице есть нечто такое, что придает киммерийским мужчинам суровость, а... их женщинам красоту, При этих словах бровь барона слегка дернулась, будто от нахлынувших воспоминаний, затем он принялся пристально изучать Конана. Так, волосы ему надо постричь покороче, усы тоже подровнять, как у моего сына, тогда их сходство будет вполне подходящим.

Толстяк, сложив пухлые руки на животе, церемонно поклонился барону:

- Милорд, вы действительно полагаете, что этот грубый варвар может сойти за молодого Фавиана?
- Да, Своретта, рассмеялся барон. И если мой сын и наследник будет иногда ходить в простой одежде, как его телохранитель, и почаще носить шлем, это только пойдет ему на пользу.
- Понятно, кивнул Своретта. Милорд, но вы не боитесь ввести в ваш дом незнакомца, да еще такого строптивого, как этот? Не создаст ли это еще большую опасность, чем та, которую вы пытаетесь избежать? Поскольку я отвечаю за безопасность, то могу заверить вас, что сохранить в тайне задуманное будет чрезвычайно трудно.
- Своретта, мы ведь уже все обсудили, резко прервал его барон, не глядя на своего советника, как будто привык, что тот все время рядом. Может быть, в Динандаре действительно трудно сохранить в тайне весь этот маскарад, но в походе по провинции это будет намного проще. Я не хочу рисковать жизнью своего наследника, поэтому твердо убежден, что двойник ему крайне необходим. В наше неспокойное время, когда то тут, то там вспыхивают бунты и мятежи, моя единственная забота укрепить власть баронства в Динандаре. Мы должны сделать все, чтобы не допустить гражданской войны, Бальдр возвысил голос, как будто, произносил тронную речь. Моя власть здесь достаточно крепка, но когда закончится мой земной срок, ее переход к следующему поколению не должен вызвать никаких осложнений. А это возможно только при сохранении нашего рода, ведущего свое начало от моего священного предка Эйнара, к которому благоволили бессмертные боги! Ну, так как вы считаете, является ли жизненно важным для нас, чтобы жизнь моего единственного сына и наследника была сохранена?

Пылающим взглядом Бальдр окинул своих слушателей, хранивших напряженное молчание, которое, впрочем, тотчас же сменилось льстивыми улыбками и поклонами полного согласия. Однако барон, казалось, не удовлетворился зим и продолжал сверлить взглядом присутствовавших, выискивая какие-нибудь признаки сомнения.

Наконец, Своретта решился успокоить своего сюзерена:

- Да, милорд, вы совершенно правы. Я полностью с вами согласен и могу предложить в поддержку вашей божественной миссии только одно свою жизнь, Для пущего эффекта он сделал паузу, склонившись в глубоком поклоне. Поэтому сделаю все возможное от меня, чтобы обеспечить успех этого плана, Своретта еще раз поклонился и приник губами к протянутой руке барона.
- Вот и хорошо, с удовлетворением в голосе произнес Бальдр и величественно подняв руку, указал на Конана. А что касается этого юноши, то он войдет в наш дом как личный телохранитель. Вы говорите, он драчун? Великолепно! Но ему надо еще многому научиться и хорошим манерам, и искусству верховой езды, и еще многому другому. А еще он должен поменьше раскрывать рот, потому что вряд ли когда-нибудь избавится от своего ужасного

киммерийского акцента!

Конан бесстрастно смотрел прямо перед собой, как будто этот разговор касался не его, а кого-то другого.

Бальдр повернулся к маршалу.

- Дарвальд, обеспечьте его необходимой одеждой и жильем. И не забудьте позаботиться о том, чтобы его усы были похожи на усы моего сына! Барон вновь окинул присутствовавших суровым взглядом. И запомните все: наша тайна не должна выйти за пределы этой комнаты. Если даже возникнут какие-нибудь слухи и подозрения, никто из вас не должен сделать ни единого намека в подтверждение их. Ты понял, мальчик? Он посмотрел Конану в глаза.
- Да, спокойно кивнул киммериец и неожиданно для всех спросил: А сколько вы будете мне платить?

Дарвальд напрягся, не зная, как реагировать на очередную дерзость варвара, но Бальдр лишь слегка усмехнулся.

— Не о таких пустяках тебе сейчас надо беспокоиться. Помимо того, что тебе даруется жизнь, еда и крыша над головой, ты будешь получать еще одну золотую драхму каждые две недели, — Барон извлек монету из небольшого кошелька, лежавшего на столе, и бросил ее Конану.

В этот момент занавес из зеленого бархата в задней части комнаты откинулся, и перед взорами присутствующих предстал юный аристократ, немного нетвердой походкой вошедший в комнату.

Это был высокий и мускулистый юноша, одетый в шелковую рубашку и длинную шерстяную юбку, доходившую до его высоких кавалерийских ботинок; на поясе висел длинный кинжал с украшенной драгоценными камнями рукояткой. Его густые черные волосы и твердая челюсть выдавали в нем присутствие киммерийской крови, хотя изящество и благородство черт рода Эйнарсонов тоже были явно заметны.

Юноша прошелся по комнате и, подойдя к столу, оперся о него рукой — то ли, чтобы усилить театральный эффект от своего неожиданного появления, то ли чтобы просто удерживать равновесие.

— Так-так, совещание! Решаются важные государственные дела! — произнес он с пафосом, но при этом таким заплетающимся языком, что всем стало ясно, что молодой Эйнарсон изрядно перебрал. — А почему это меня не пригласили? Почему мне не оказали честь принять участие в столь высоком собрании?

Барон бросил на сына взгляд, полный презрения и горечи:

— Фавиан, когда ты своим поведением докажешь, что достоин принимать участие в решении важных дел, тебя будут приглашать. Но не раньше.

Фавиан выпрямил спину, но все же продолжал опираться рукой о стол.

- А если предмет обсуждения касается непосредственно меня, отец? Я ведь догадываюсь, о чем здесь говорили! Он злобно взглянул на Конана и неуверенно ткнул в его сторону пальцем. Этот немытый разбойник с большой дороги будет теперь изображать меня на публике? Или я ошибаюсь?
- Нет, ты не ошибаешься, холодно отозвался Бальдр. Ты все правильно понял, пока подслушивал за дверью.

Фавиан дернулся, как от невидимого удара, но ничего не сказал, взглянув на отца с немым укором. Возможно, это обвинение было несправедливым.

— Но ты сделал слишком поспешные выводы, — продолжал барон. — Я не собираюсь покушаться на твои права и привилегии. Я лишь намереваюсь принять чрезвычайные меры, чтобы обеспечить твою безопасность в предстоящем походе. Ты можешь ехать в обозе, Фавиан, и

заниматься вопросами снабжения и торговли, а для боя... лучше подойдет варвар.

— Ах вот как! Я ценю заботу о моей жизни, отец, — Фавиан оттолкнулся от стола и пошатываясь двинулся вперед. — Но только достойно ли сыну барона прокатиться через всю провинцию, занимаясь всякой ерундой, в то время как этот бандит, вытащенный из тюрьмы, в полной мере насладится боевой славой! Отец, вы не думаете, что это оскорбительно для меня? — Он сильно качнулся, но сумел удержаться на ногах. Барон протянул руку, чтобы поддержать его, но Фавиан отмахнулся от нее и подошел к Конану. — Я сам могу выполнить свой долг лучше, чем какой-то допотопный дикарь! А ну-ка, варвар, посмотри на меня!

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, затем Фавиан замахнулся и ткнул кулаком в сторону Конана, метя ему в лицо, но при этом потерял равновесие и снова чуть не упал. Киммериец схватил его руку и, не прикладывая больших усилий, развернул сына барона и отшвырнул его от себя. Фавиан отлетел к креслу и неуклюже плюхнулся в него. Беспомощно вытянув ноги, он начал судорожно шарить в поисках кинжала, но никак не мог его найти.

Зато Дарвальд, Свайнн и Своретта уже обнажили свое оружие и теперь приближались к Конану, который ждал их, приняв боевую стойку и даже готовый схватить тяжелую скамью, чтобы отразить атаку.

Но снова вмешался барон:

— Стойте! Оставьте его. Мой сын сегодня выпил пару лишних кубков и сам напросился на неприятности. Северянин всего лишь защищался и кстати показал себя достойным бойцом, за что я ему и плачу. Так что уберите свое оружие.

Своретта нахмурился и покачал головой:

- Милорд, неужели вы позволите этому мерзавцу думать, что он может безнаказанно ударить благородного немедийца?
- Хватит! Бальдр поднял руку, давая присутствующим понять, что разговор окончен. Я же сказал, что все в порядке. Дело решено, и я уже устал. Своретта, проводите моего сына в его покой, а вы, Дарвальд, позаботьтесь о новичке. И всем отдыхать.
 - Спокойной ночи, мой господин, хором отозвались все, кроме Конана и Фавиана.

Барон Бальдр повернулся, пересек комнату и вышел через дверь, закрытую зеленой бархатной портьерой.

Но не Своретта, а Дарвальд занялся пьяным Фавианом, успокаивая и увещевая его, а глава разведки подошел к Конану, крепко сжимая рукоятку кинжала. Глаза приземистого толстяка недобро поблескивали.

— Вот значит как, варвар? Ты, конечно, думаешь, что сумел втереться в доверие к барону и теперь будешь злоупотреблять им? Не успел вылезти из тюремной камеры, а уже качаешь права! — Своретта зловеще ухмыльнулся, и лицо его исказилось нескрываемой ненавистью. — Но я предупреждаю тебя, что капризы и прихоти в доме барона приходят и уходят, иногда очень быстро. Но только одна вещь в этом доме будет всегда, — последние слова он произнес совсем тихо, почти шепотом, так что его не слышал никто, кроме Конана, — это мое влияние! И — если ты еще раз выкинешь что-либо подобное, то очень сильно пожалеешь об этом, потому что самым легким наказанием для тебя будет вернуться обратно в тюрьму.

Своретта замолчал, глядя Конану в глаза. Его плечо слегка дернулось, как будто он собирался ударить киммерийца, но остановило его, видимо то, с каким спокойствием и равнодушием тот выслушал его угрозы. Пробормотав сквозь зубы грязное ругательство, глава разведки повернулся и быстрым шагом отошел от Конана.

Глава 3. Обучение

Солнце, стоявшее в зените, ярко освещало внутренний двор. Жара, опалявшая весь город, казалась особенно невыносимой именно здесь, в этом замкнутом пространстве между домом и высокой наружной стеной. Взмыленные после утренней тренировки кони были покрыты пылью — и, как казалось Конану, он и сам был весь покрыт пылью, особенно его лицо и запекшиеся, пересохшие губы.

- Так-так, уже лучше, варвар. Но все-таки тебе еще надо научиться прямо сидеть на коне, Голос Дарвальда был спокойным и бесстрастным. Ну что ты так гнешься? Мы, немедийские кавалеристы, говорим так: «Сиди высоко и оставь рабам и коням делать всю работу!» Маршал засмеялся и погладил усы. Но ты, как я вижу, никогда не достигнешь уровня немедийского простолюдина, не то что аристократа!
- Я слышал, что работа с конем заключается в том, чтобы беречь его силу и скорость, задыхаясь, пробормотал в ответ Конан. Но вообще, это седло такое жесткое, а стремена расположены слишком низко.
- Ты оценишь и жесткость седла и то, что стремена зафиксированы на определенной высоте, когда тебе придется размахивать тяжелым оружием в бою, с усмешкой сказал Дарвальд. Ну ладно, на сегодня достаточно. Я вполне удовлетворен уже хотя бы тем, что у тебя начинают появляться мозоли, Дарвальд легко соскочил с коня на землю, не проявляя никаких признаков усталости после многочасовой тренировки. А теперь пора поесть. После обеда у тебя будет тренировка с мастером фехтования Эвольдом. Надеюсь, он тебя кое-чему научит.

Конан неловко слез с коня и, поглядывая на Дарвальда и стараясь подражать ему, привязал поводья к одному из колец, вбитых в каменную стену. Затем, едва волоча ноги, он пошел через пыльный двор в ту сторону, куда направился маршал. Солнце нещадно жгло ему плечи и шею, которую еще недавно закрывали длинные волосы. Конан задыхался, чувствуя, как все тело его разбито непривычной тренировкой, как болят его мышцы, с каким трудом ему дается каждый шаг.

- Куда ты идешь, киммериец? Дарвальд остановился и повернулся к Конану.
- Я? Конан тоже остановился и непонимающе уставился на маршала. Обедать.
- Твой обед ждет тебя в столовой для слуг, за кухней, Дарвальд указал на одну из дверей особняка. Такие варвары, как ты... Он засмеялся и, махнув рукой, быстрыми шагами пошел по направлению к другой двери, Таким дикарям не место в офицерской трапезной!

Пробормотав проклятие, Конан понуро направился к дверям кухни. Едва он перестудил через порог, как ему показалось, что он оказался в темной пещере. Солнечный свет исчез, вместе с ним исчезла и жара, и Конан почувствовал освежающую прохладу. Но это длилось лишь мгновение — изнутри на него нахлынула другая волна жары и какого-то, как ему показалось, адского пламени. Он с трудом различил, что это пылали огни огромной кухонной печи, сплошь уставленной медными чанами и котлами, пар от которых клубился среди развешанных колбас, окороков и связок лука и чеснока, прежде чем улетучивался через закопченую дыру в центре потолка. Помещение было так насыщено разнообразными запахами, что всякий, кто попадал туда, немедленно начинал ощущать урчание в желудке.

— Ты чего, есть хочешь, варвар?

Из всех тех, кто, склонившись, орудовал над столами для приготовления пищи, только одна молодая девушка выпрямилась и с любопытством посмотрела на вошедшего. Это явно была немедийская крестьянка, довольно симпатичная, красоту которой подчеркивал ее наряд —

широкая юбка и тонкая белая блуза, перехваченная поясом из яркой пряжи. Глаза ее были искусно подведены — по-видимому, сажей, — что придавало ее лицу немного загадочное выражение.

— Ну знаешь, ты пришел слишком поздно. Почти всю еду уже или отправили наверх, или слопали здесь. Ну да ладно, все равно проходи и садись, попробую что-нибудь наскрести для тебя, — Она внезапно рассмеялась так звонко, что ее угрюмые товарки оторвались от своих трудов и удивленно посмотрели на нее. — Да похоже, у тебя настоящий варварский аппетит! Мне надо поторопиться, иначе ты просто съешь меня, да еще и как следует обглодаешь мои косточки! — Девушка направилась к другому столу, покачивая красивыми, округлой формы бедрами.

Конан прошел через кухню и, миновав арочный вход, оказался в мрачной, освещенной единственным узким окошком комнате, служившей столовой для челяди. В центре комнаты стоял длинный стол с грубыми деревянными скамьями, а по двум сторонам ее тянулись отгороженные занавесом спальные комнатушки, отделенные друг от друга деревянными перегородками. Одна из них в дальнем конце, у холодной каменной стены, предназначалась Конану.

Он скользнул по ней взглядом и усмехнулся. Пусть комнатушка и холодная, зато она будет спасать его от проклятой изнурительной жары, хотя в любом случае он не собирался здесь долго оставаться — может быть, даже и на эту ночь. Морщась от боли в мышцах, Конан медленно опустился на скамью.

В комнату вошла девушка, неся широкий деревянный поднос с едой и грациозно покачивая бедрами и плечами. Конан лишь мгновение задержал взгляд на содержимом подноса, затем его внимание приковали волнующие формы красивой фигуры девушки. Она поставила свою ношу на стол и придвинула к Конану тяжелый глиняный кувшин с красным вином, наклонившись так низко, что предоставила ему возможность еще лучше рассмотреть ее прелести.

- Вот пожалуйста, варвар! Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы удовлетворить твои северные аппетиты. Если же нет, то предупреди меня заранее, Она звонко рассмеялась. А то тебе еще придет в голову напасть с ножом на какую-нибудь лошадь! Лучше не делай этого, а я постараюсь поискать в кладовке еще что-нибудь для тебя.
- Угу, Конан запихнул в рот горячую репу и захрустел ею, одновременно отламывая толстый ломоть хлеба. Не бойся, лошадь я не съем, несмотря на то, что мне здорово досталось от нее сегодня.

Девушка засмеялась, на этот раз негромко и как-то нежно.

- Как тебя зовут, киммериец? бросив взгляд на занавешенный арочный вход, ведущий на кухню, она оперлась своим круглым, обтянутым юбкой из овечьей шерсти бедром о край стола. Меня Лидия.
 - Меня Конан, с трудом произнес он набитым хлебом ртом.
- Ты... киммериец, правда? Когда я была маленькой, то не была даже уверена, что Киммерия на самом деле существует. Нам рассказывали всякие страшные истории о ней о великанах, людоедах, драконах и других еще более ужасных вещах. Она слегка поежилась. Для нас это была какая-то таинственная и жуткая страна!
- Все это ерунда, Конан отпил большой глоток вина. Тот, кто болтал эти глупости, должно быть, перепутал мою страну с Асгардом и Ванахеймом, где таких ужасов предостаточно.
- О, Глаза Лидии округлились, когда она представила себе страшных людоедов, подстерегающий на каждом шагу зазевавшихся юных девушек. А когда я приехала в город, то узнала, что барон Бальдр еще в молодости привез сюда киммерийскую невесту из своих северных походов госпожу Хильду. Я никогда ее не видела, но говорят, что она была красивая

и добрая, — На мгновение взгляд Лидии стал задумчивым, затем она вновь с любопытством посмотрела на Конана. — С тех пор к северным странам у нас стали лучше относиться. Люди с почтением вспоминают госпожу Хильду, уважают ее дочь Калиссу и даже привыкли к мысли, что когда-нибудь ими будет править ее сын Фавиан. Ты чем-то похож на него, — Она пристально вгляделась в его лицо. — И даже очень.

— Хмм, — неопределенно отозвался Конан, затем тоже бросил на нее внимательный взгляд и принялся задумчиво жевать.-

Родственником он мне, конечно, не является, и я никогда не слышал о его матери, Хильде. Может быть, она была дочерью какого-нибудь правителя из восточных земель, а может, была простой крестьянкой.

Лидия вздохнула:

— Подумать только, что простая девушка из варваров стала баронессой! — Ее карие глаза заблестели. — Да, именно женщина и может подняться высоко в этом мире, а мужчина все-таки ограничен из-за положения своей семьи, — Она взглянула на Конана и поспешно добавила: — Кроме тебя, я думаю. Ты правильно сделал, что поступил на службу в благородное семейство.

Конан опустил глаза и вновь занялся едой.

- А что стало с госпожой Хильдой? равнодушно спросил он.
- О, она умерла, Лидия тоже опустила глаза и вздохнула.
- Умерла? Почему?
- Ее убили. Отравили пирогом с олениной. Говорят, отрава предназначалась для ее мужа, Она понизила голос и оглянулась на вход в кухню. Здесь так много всяких убийц, все время происходят какие-нибудь восстания. Правда, госпожу Хильду убили еще до всех этих ужасов.

Почувствовав, что Конан перестал есть, Лидия удивленно взглянула на него. Нахмурившись, северянин сосредоточенно тыкал ложкой в оставшуюся еду, в том числе и в пирог с неизвестной начинкой.

Он поднял на нее глаза:

- Так ты говоришь, подсыпать яд в пищу здесь является обычным делом?
- О, нет, Конан, прости, я напугала тебя! Лидия виновато посмотрела на него. Я не должна была говорить тебе этого! Не бойся, всю эту еду я приготовила сама. Если хочешь, я могу ее попробовать. Я всегда так делаю перед тем, как отправить еду господам, чтобы убедиться, что она не отравлена.

Она наклонилась, схватила сыр и откусила его, положив маленький остаток на поднос. Затем отломила сочащийся жиром кусок пирога и тоже отправила его в рот.

Конан невольно усмехнулся и перестал хмуриться. Заметив это, Лидия тоже улыбнулась.

- Ох, какой острый пирог! Не возражаешь, если я запью его? Она взяла кувшин с вином и поднесла его к губам.
- Ну, ладно, хватит! Конан засмеялся, схватил ее за руку и притянул к себе. Можешь остановиться. Верю, что на этот раз меня никто не собирался отравить.

Лидия тоже засмеялась, глядя Конану в глаза. Капля вина осталась на ее нижней губе, и она слизнула ее маленьким розовым язычком. Конан неотрывно смотрел на Лидию, и ее восхитительные формы казались ему соблазнительным десертом после обеда. Он приблизил к ней лицо, она сделала то же самое, и наконец их губы встретились. Конан обвил руками ее талию, прижимая Лидию все ближе и ближе к себе. Пустой поднос, разделявший их, отлетел в сторону, и они слились в тесном и жарком объятии.

Неожиданно со стороны кухни раздался звук колокола, сначала один раз, затем другой. Лидия нетерпеливо зашевелилась, но Конан не выпускал ее из своих объятий, прижимая все

крепче и крепче к себе. Лидия начала отчаянно бороться с ним, пытаясь освободиться. Наконец, ей это удалось, и она в гневе ударила северянина рукой по губам.

Изумленный Конан разжал объятия и непонимающе уставился на девушку. Лицо Лидии пылало от ярости. В этот момент она напоминала разъяренную тигрицу.

— Безмозглый варвар! Это же мне звонили! Ты что, хочешь, чтобы меня выпороли? — Лидия вытерла рот тыльной стороной ладони, пригладила волосы и торопливо направилась в кухню, на ходу поправляя складки своей одежды.

В дверном проеме показался костлявый мальчишка с торчащими во все стороны волосами, напоминавшими паклю. Он понимающе взглянул на Конана и нахально улыбнулся, затем подошел к столу, чтобы унести поднос с посудой.

Он едва успел увернуться в сторону, когда мрачный северянин рывком поднялся, отшвырнув скамью, и большими шагами вышел из комнаты.

Мысли путались у Конана в голове. Маленькая мерзавка, как она смела его так использовать! Разве он дал ей повод так обращаться с ним? «Может быть, я сделал что-то не так? — лихорадочно думал он. — Но она же сама этого хотела! Кто их разберет, этих местных. Не поймешь, что у них на уме. Пусть падет проклятье Крома на этих хайборийцев и на их подлые обычаи, которые они гордо называют цивилизацией!»

Конан вышел во двор, и дневная жара снова обрушилась на него. Он замедлил шаг и побрел по двору, волоча ноги, но буря в его груди продолжала бушевать. Впереди, в тени крыльца кузницы, его поджидал огромного роста человек, одетый в кольчужный доспех. Изрядно побитый шлем великан держал в руках.

Конан догадался, что это и есть Эвольд, мастер фехтования. Он непринужденно беседовал с низеньким толстым человечком, едва видимым в тени. Через несколько мгновений, когда толстяк распрощался с воином и быстро пошел к воротам, Конан узнай в нем Своретту.

Нахмурившись, Эвольд мрачно смотрел на приближающегося киммерийца.

— Так, варвар, для начала я напомню тебе о времени! Тебе придется научиться ценить время твоих старших офицеров и не заставлять их ждать тебя, не то поплатишься за это своей грубой северной шкурой, — Плохо выбритое, щетинистое лицо мастера фехтования скривилось от отвращения. — Ладно, на первый раз я тебя прощаю. А теперь скажи мне, тебе когда-нибудь раньше приходилось держать в руках меч?

Конан мрачно взглянул на Эвольда:

- Приходилось.
- Хмм. Северный клинок довольно грубая и неудобная штука, к тому же лезвие у него слишком тяжелое. Ты, должно быть, так же хорошо управляешься с топором! Эвольд повернулся и направился через двор. Да, ну и задание же мне выпало учить такого дикаря, как ты, привыкшего орудовать дубинами и топорами, пользоваться настоящим боевым оружием! Но, по крайней мере, я научу тебя уважать его.

* * *

Солнце все еще продолжало заливать двор неистовым жаром, но теперь оно светило уже с западной стороны. Обливаясь потом, Конан яростно рубил и колол набитое соломой чучело из коровьей шкуры высотой с человеческий рост, прикрепленное к деревянной балке. Наконец, выбившись из сил, Конан замедлил темп, что вызвало бурное неудовольствие мастера фехтования, сидевшего на скамье в тени дома.

— А ну-ка, быстрее! Нет, не так, парень! Шевелись, больше жизни! Ты ведь держишь меч, а

не дубину, — резким, каркающий голосом отдавал команды Эвольд. — Секрет этого лезвия в его легкости, ты можешь молниеносно наносить им любые удары, а вместо этого ты бездельничаешь, как ленивый бык!

Конан снова ускорил ритм ударов. Грубая сырая шкура была уже вся исполосована и изрублена, ее соломенные внутренности валялись по всему двору, на что мастер фехтования не обращал никакого внимания. Волосы Конана слиплись от пота, дышать становилось все труднее, но он не стал просить учителя о передышке, заранее зная, что это бесполезно.

— Используй в бою все возможности. Кривизна этого лезвия позволит тебе отсечь руку противника одним ударом, но только если ты полоснешь по ней, не уменьшая силы, — Для пущей убедительности воин рубанул воздух своей широкой ладонью, затем нахмурился и скрестил руки на груди. — Но вряд ли ты сможешь многому научиться.

Эвольд замолчал и принялся мрачно наблюдать за яростными усилиями Копана. Изнуренный жарой и непрерывными упражнениями, киммериец уже впал в какое-то безразличие, и все мысли его, казалось были направлены на то, чтобы поскорее разделаться с остатками чучела и разнести его в клочья.

— Да, я смотрю ты не многому научишься, сражаясь с соломенным противником, который не двигается и не наносит ответные удары, — покачал головой Эвольд, затем, возвысив голос и уже не глядя на Конана, а как будто обращаясь к невидимой аудитории, продолжал: — Человек — это ничто иное, как весьма хрупкое и непрочное сооружение из мышц и сухожилий, Он наполнен кровью, как простой пузырь. Так вот, когда этот пузырь стоит перед тобой и собирается напасть, твой меч может творить чудеса. Например, взять да и разрубить врага пополам, — Эвольд окинул Конана критическим взглядом. — Если, конечно у тебя кроме меча найдется еще сила и ум. Было бы неплохо, если б барон отдал в наше распоряжение какихнибудь пленных, чтобы на них поупражняться. Сейчас много рабов воображают, будто им дозволено бунтовать, вот и не мешало бы их как следует проучить. Заодно и тебе наука пойдет впрок!

Конан искоса взглянул на учителя фехтования, но ничего не сказал, а только на мгновение опустил меч, чем тут же вызвал очередной взрыв недовольства у старого рубаки.

- Что, силенок не хватает, варвар? Уже скис? крикнул он, презрительно глядя на Копана. А ну, давай-ка поживее! Я не отпущу тебя, пока не добьюсь хоть какого-нибудь результата. Глупый северянин, ты что, невнимательно меня слушал? Нет, с тобой надо подругому разговаривать! Эвольд резко встал и шагнул вперед, застегивая пряжку на шлеме и натягивая длинные кожаные рукавицы.
- Мы будем сражаться? спросил Конан, исподлобья глядя на приближающегося мастера. Ну что ж, очень хорошо. А где мои доспехи?
- Доспехи? хрипло рассмеялся Эвольд. Может быть, и впрямь они тебе нужны, а то ты еще ненароком отрубишь себе руку! Но вое же не бойся, попробуй быть мужчиной, Воин резким движением извлек из ножен меч и поднес его к самому лицу Копана. Покажи теперь, на что ты способен, киммериец! Стоит нам только захотеть, как мы в два счета завоюем всю твою страну, только не очень-то вы нам нужны, Давай, защищайся!

Издав боевой клич. мастер фехтования сделал резкое движение вперед, но Конан успел отскочить в сторону, защищая лицо клинком.

- А теперь попробуем удар слева! Эвольд остановился, затем резко взмахнул мечом, и Конан вынужден был отступить еще на шаг в сторону. Эвольд рассмеялся.
- Хоть ты и увалень, но пляшешь под моим мечом ловко. Пропляшешь так целый день, пока мне не надоест тобой любоваться! Он снова сделал резкий выпад.

Единственно возможный ответ — принять бой. И два клинка скрестились.

— А, теперь ты понял, что твоя нерасторопность могла стоить тебе жизни? — Эвольд начал говорить уже с трудом, задыхаясь от разговора во время фехтования, но удары продолжал наносить с неослабевающей силой.

Конан понимал, что находится в невыигрышном положении по сравнению со своим закованным в доспехи противником, но от смертельного поцелуя меча его спасала врожденная реакция и гибкость дикаря. Раздетый до пояса, он не получил еще ни одной царапины, ловко увертываясь и нанося ответные удары, с каждой секундой чувствуя, что все более и более уверенно сжимает в руке меч.

Кузнецу и конюху, которые молча стояли неподалеку, наблюдая за происходящим, поединок вовсе не казался учебным боем или практическим упражнением. Они хорошо знали мастера фехтования, знали, что он мог смягчить смертельную силу своих ударов, нанося их плашмя. По тому, как яростно горели его глаза, они понимали, что это не один из тех обычных уроков фехтования, которые давал Эвольд, а схватка не на жизнь, а на смерть.

Это уже понимал и Конан. И у него не было иного выбора, как только убить своего врага. В том, что перед ним враг, Конан не сомневался — он видел, как перед началом так называемого урока Эвольд непринужденно беседовал со Свореттой. Теперь он догадывался, о чем они могли говорить. Они задумали его прикончить.

Тяжело дыша, учитель наносил ученику беспорядочные удары, как будто забыв о недавно произнесенной речи относительно изящного владения мечом.

И вот наконец самый яростный их выпад друг против друга произошел одновременно. Клинки скрестились, прозвучал режущий ухо скрежет стали, и оба меча сломались почти у самой рукояти. Клинки сверкнули и разлетелись в разные стороны.

После нескольких мгновений неожиданной тишины вновь загрохотал хриплый голос Эвольда:

— Ты что, придурок! Да эти мечи по своей ценности были в десять раз выше, чем десять таких, как ты!

Обезумев от злобы, Эвольд со всей силой швырнул рукоять прямо в лицо Конану. Но киммериец опять опередил его, резко пригнувшись и в мгновение ока уже вцепившись в шею противника. Тяжелым эфесом Конан колотил по лицу и груди Эвольда до тех пор, пока его не оттащили конюх и кузнец. С Эвольдом было покончено.

Во дворе появился Дарвальд и, хмуро взглянув на распростертого на земле мастера фехтования, приказал обоим свидетелям происшествия унести его. Несколько мгновений Дарвальд молча смотрел на Конана, затем отвернулся и стал ждать возвращения свидетелей.

Их рассказ был сбивчивым, но весьма оживленным. Они поглядывали на Конана, ожидая, что Дарвальд сейчас прикажет схватить его. Нетрудно было заметить, что в их взглядах явно сквозило восхищение.

Но никакого приказа не последовало. Маршал произнес несколько слов осуждения, затем резко повернулся и ушел.

* * *

Облившись из ведра холодной водой, Конан вернулся в комнату, отведенную для слуг и устало опустился на скамью. За столом уже сидели несколько человек, приветливо пригласившие северянина разделить с ними ужин. Они с любопытством спрашивали Конана о недавней битве, но их участие было немного натянутым, и во время ужина он не раз слышал приглушенный шепот, который сразу же стихал, как только киммериец поворачивался в сторону

говорящих.

Потом слуги один за другим разошлись. Конан тоже поднялся и направился к своей кровати, как вдруг кто-то положил ему руку на плечо. Еще не оборачиваясь, он понял, что эта мягкая теплая рука была рукой Лидии.

Он медленно повернулся и взглянул девушке в лицо, тускло освещенное неровным светом оплывших свеч, стоявших на столе. Лидия была одета в скромное платье, красиво отделанное бисером и вероятно надеваемое ею для прислуживания за столом барона. Конан отступил на шаг, но девушка удержала его. Не говоря ни слова и продолжая смотреть ему в глаза, она прильнула к нему. Не в силах больше сдерживаться, Конан страстно обнял ее.

Несколько мгновений они стояли, крепко прижавшись друг к другу, затем Лидия молча взяла северянина за руку и повела в свой закуток.

Глава 4. Гробница

— В основе науки о врожденном превосходстве одной личности над другой лежит знание и вера в непреложность этого превосходства, — с чувством произнес Лотиан, старший советник барона, отвечающий за правила дипломатического этикета. Он наклонил свею седую голову, то ли в знак почтения к этому закону бытия, то ли избегая смотреть в глаза тому, кого сейчас обучал этим премудростям. — Знание о превосходстве выдающихся личностей должно быть первым и господствующим инстинктом у каждого жителя страны, от короля до самого последнего... слуги. Я могу внушить это знание даже простому варв... — Он запнулся и бросил быстрый взгляд на юношу, сидевшего напротив него, затем кашлянул и, вновь опустив голову, продолжал. — Правда, я пока еще не уверен, что такой необразованный чужеземец, как ты, привыкший... ну скажем к неоднородному и неоформившемуся стилю правления, сможешь быстро, усвоить эту идею.

Конан молчал, спокойно и внимательно глядя на советника. Тот вновь откашлялся и, потеряв какую-то важную мысль, уткнулся в листы шпаргалки, разложенные перед ним на столе. Этот широкий стол и низкий диван почти заполняли небольшую комнату, освещенную полосой света, падавшего из узкого стрельчатого окна.

- У нас в Киммерии нормальные правители, подал голос Конан, пока его наставник выискивал утерянную мысль. Одни лучше, другие хуже.
- О, здесь есть разница! воскликнул Лотиан, быстро подняв голову. В Немедии, как и во всех хайборейских королевствах, правят кровные аристократы. И правят хорошо! И поскольку они обладают врожденным превосходством над другими, просто не могут править плохо. Поэтому они должны неуклонно усиливать свою власть и могущество!

Конан пожал плечами, и советник тут же заискивающе закивал головой.

- Конечно, я понимаю, что твоей родной стране такой идеи не хватает. Но это потому, что вы еще недостаточно развиты. И даже высший слой вашего... родового общества не достиг осознания идеи лидерства.
- А низший и тем более, вдруг поддакнул Конан советнику, изобразив само простодушие. Мы нарушаем законы, болтаемся по тюрьмам. И все потому, что мы дикари!

Лотиан нахмурился, снова не зная, что сказать. Шелестя листами пергамента, он опять попытался найти ответ на какую-то важную мысль, в глубине души ужасно переживая, что ему выпала роль учителя дикаря, в то время как он больше всего любил беседовать с высокопоставленными особами и непременно давать им какие-нибудь мудрые советы. Более того, он просто побаивался своего ученика, будучи наслышан, что этот сильный и грубый парень может выкинуть со своими учителями, если ему что-то не понравится. Советник украдкой скосил глаза в сторону двери и увидел, что она слегка приоткрыта — благодарение богам! Вновь взглянув на своего ученика, он решил, что все-таки сможет благополучно довести урок до конца и, может быть, даже заслужить доверие и уважение этого варвара.

- В ближайшие дни мы рассмотрим еще несколько сторон идеи благородного лидерства как отдаются и выполняются приказы, что такое геральдика, как крепнет могущество государства... Ну, в общем, все то, что необходимо знать каждому немедийцу, чтобы понимать мудрость власти. Теперь тебе тоже необходимо научиться это понимать, ведь тебе предстоит почетная обязанность быть телохранителем самого барона, не так ли?
 - Так, кивнул Конан.
 - Надеюсь, ты понимаешь, это не совсем обычная роль.
 - Охрана, слуги... все это, конечно всегда присутствует на всех уровнях власти, но твоя

работа немного выпадает из привычной схемы, — Лотиан опять задумался, подбирая слова, чтобы как можно болеет осторожно продолжить эту тему. — Власть короля представляют местные правители. Конечно, сам он никогда не бывает в таком отдаленном от центра княжестве, как наше, но тем не менее его шпионы кишмя кишат повсюду, поэтому его власть остается абсолютной даже здесь.

— Как? — удивленно спросил Конан. — Бароны и король Ласло не очень-то жалуют друг друга?

Советник опять пробежал глазами по своим записям.

- Ну, это не простой вопрос, неуверенно произнес он. Мы все заботимся о благе и процветании королевства. Но люди не всегда любят местных правителей, которые лично должны обеспечивать порядок, сбор налогов, воинскую повинность и тому подобные не всегда приятные обязанности. Им намного легче любить лидера, который правит издали, которого они и в глазато не видели, но рассказывают друг другу легенды о его доброте и справедливости. Иногда он действительно угождает народу, издавая какой-нибудь указ, незначительным образом ограничивающий впасть местной аристократии. Но бароны, конечно, борются за то, чтобы усилить свою независимость. Поэтому вместо того, чтобы бороться друг с другом за расширение своих владений, они объединяются, стараясь укрепить свое влияние при дворе. Это помогло Немедии за последние годы превратиться в сильное и процветающее государство.
- А что если бароны решат восстать против короля? спросил Конан, озабоченный на самом деле лишь тем, как бы поудобнее усесться на непривычно мягком и низкой диване, обложенный со всех сторон морем подушек. Или наоборот?

Лотиан решительно помотал головой:

— Нет, это маловероятно. В, них слишком сильно уважение к благородней крови и королевскому званию. Но тут есть другая опасность. Из-за твердой позиции, занятой бароном Бальдром относительно дисциплины граждан, а также из-за неправильных представлений об интересах короля к местным делам постепенно стало расти повстанческое движение, направленное против правления барона. Ты, наверное, слышал об этом во время твоего недавнего... пребывания под стражей? — Советник осторожно взглянул на Конана.

Конан пожал плечами.

- Да, я слышал, что происходят какие-то беспорядки, но толком ничего об этом не знаю. Большинство повстанцев и бунтовщиков содержались внизу, в камерах пыток. Иногда кое кого приводили в нашу камеру точнее сказать, приносили, но они были уже не в состоянии чтолибо говорить, тем более произносить подстрекательские речи.
- Да, задумчиво кивнул Лотиан. Бунтарский дух на самом деле не очень силен в простонародье, просто среди них всегда бродят какие-нибудь смутьяны, которые сами по себе не представляют реальной угрозы. Но, как говорит советник Своретта, каждый мелкий воришка это будущий грабитель, каждый драчун мятежник, а каждый болтун из таверны тайный распространитель опасных для власти идей. Барон и так подозрителен, а Своретта еще постоянно нашептывает ему на ухоподобные мысли.

Советник задумался, но тут услышал, как слуга за дверью загремел посудой, и вздрогнув, молча напомнил себе о необходимости соблюдать осторожность. Глаза и уши мастера Своретты были везде. Лотиан взглянул на приоткрытую дверь теперь уже с чувством сожаления. Конан с интересом наблюдал за ним.

— Как бы то ни было, — откашлявшись, произнес Лотиан. — Бунтовщики, похоже, верят, что если они свергнут тирана, то в благодарность получат от короля Ласло контроль над Динандаром. Конечно, это пустая болтовня, но она очень опасна, поскольку подрывают веру народа в справедливость правления рода Эйнарсонов

— А правда, что Эйнарсоны считают свою родословную от какого-то божественного предка? — спросил Конан. — Я слышал, как Бальдр что-то говорил об этом.

Лотиан вновь осторожно взглянул на дверь.

- Да, они считают, что так, кивнул он. Может быть, здесь есть зерно правды, а может быть, просто красивая легенда, передающаяся в семье от поколения к поколению. Но это не так уж важно. Если бы я был бароном, то не слишком бы рассчитывал на это предание, когда хотел бы укрепить свое правление. Искусная политика куда важнее.
 - И хорошие мечи, так?
- Нет, не так, дитя мое, покачал головой советник. Меч может быстро превратить человека в прах. Только умная политика может привести к процветанию государства, а не оружие!

Лотиан снова углубился в свои записи. Ему уже не казалось слишком тяжелым учить необразованного дикаря основам государственного управления. Чужеземец, похоже, довольно послушный и не такой уж тупой ученик. Советник откашлялся и продолжил урок.

— Теперь рассмотрим, как происходят некоторые установленные законом ритуалы...

* * *

Пока советник продолжал монотонно бубнить, Конан, утопая в подушках, думал о Лидии. Перспектива продолжения тайных свиданий с ней отодвинула на второй план его намерение сбежать из дома барона при первой же удобной возможности. В конце концов, почему бы не остаться в доме еще на какое-то время, чтобы восстановить силы, а заодно и разжиться деньгами? Ах, до чего же хороши, однако, эти южные девушки! Предавшись воспоминаниям о прелестях Лидии, Конан погрузился в сладкий сон.

Внезапно что-то острое кольнуло его, и он мгновенно проснулся. Резко вытянув руку вперед, Конан схватил то, что могло представлять для него угрозу еще до того, как его затуманенный взгляд сфокусировался на неизвестном противнике. Наконец, он увидел, что в руке, которую он крепко схватил, так, что она едва не хрустнула, было зажато всего лишь обыкновенное гусиное перо для письма.

Копан поднял глаза и увидел склонившееся над ним испуганное и негодующее лицо Лотиана, своего учителя. Ученик осторожно разжал стальную хватку на тонком старческом запястье и, немного смутившись, откинулся назад.

- Советник тоже отступил назад, потирая и массируя руку, но тут же вновь вспомнил о своей роли учителя:
- Ах вот как, спать во время урока! Хорошо же, юный невежа, будь уверен, что завтра я тебя основательно погоняю по тем знаниям, которые ты сегодня получил. Потом заново изучим те вопросы, во время, которых ты сладко спал. А теперь иди!

Конан поднялся с дивана, вышел из комнаты и направился в нижние помещения дома. Спускаясь по ступеням винтовой лестницы он думал о том, что несмотря на то, что ему не пришлось испытать никаких физических нагрузок, урок Лотиана вымотал его основательно.

Упражнения с оружием, напротив, скорее стали нравиться ему с тех пор, как за его обучение взялся маршал Дарвальд. И уроки верховой езды тоже стали вполне приемлемыми под ненавязчивым наблюдением кузнеца Арга. После напряжения первых дней Конан начал чувствовать себя спокойнее среди немедийцев, поначалу казавшихся ему непонятными и противными вместе со всеми своими обычаями и привычками.

Прежде чем войти в коридор нижнего этажа, он осторожно заглянул через арочный проем.

У него было ощущение, что за ним наблюдают.

Войдя на кухню, Конан помог нести обед для слуг, а затем помог его съесть. Слуги уже начали привыкать к чужеземцу и даже симпатизировали ему, особенно толстый грубоватый старший повар Велда. Еще он явно нравился хитрющему мальчишке с волосами как пакля по имени Глин и поваренку Локи, на лбу у которого красовалась вмятина от удара ослиного копыта, полученного в детстве, отчего бедняга был не вполне нормальным.

Зверский аппетит Конана не представлял угрозы никому из сотрапезников, поскольку в нижней части дома еды всегда имелось в изобилии, так же как она по-королевски расточалась и наверху, где проживали господа аристократы. Как обычно, во время обеда Лидия весело подшучивала над киммерийцем, а он так же весело завораживал своих слушателей разными героическими легендами и небылицами о северных великанах и троллях.

Наконец, все разошлись спать, и Конан после недолгого, но нетерпеливого ожидания в своем закутке, осторожно прокрался к Лидии... Они обнялись и зашептались, тесно прижимаясь друг к другу.

- Даже в Немедии время от времени случается, что девушка из низших слоев может понравиться благородному господину, и он возьмет ее себе в жены, ворковала Лидия о своих сокровенных мечтах. Вот в некоторых других южных землях правят королевы и жрицы, и мужчина там должен стараться добиться какого-то положения. Но у нас, если женщина красива и сильна духом, то тоже может подняться высоко. Как госпожа Хильда!
- Да, и удача ей будет сопутствовать до тех пор, пока не окончится ядом в пироге или ножом в спине, прошептал в ответ Конан.
- Я прислуживаю у барона за столом, Конан, продолжала Лидия, не обращая внимания на его колкость. И заметила, что молодой господин Фавиан заглядывается на меня. Он пылкий юноша и уже достиг того возраста, в котором можно жениться.
- Хочу предупредить тебя, что он даже слишком пылкий и к тому же здорово злоупотребляет вином.
- Ну и что? отозвалась девушка. Благородных господ нельзя судить той же мерой, что простых людей. Звание и ответственность это тяжелая ноша, так что иногда можно и позволить себе немного лишнего.
- Ах вот как? Ну если ты так хочешь высоко подняться, то почему бы тебе тогда не окрутить самого старика? Тут ты уже попадешь на самую вершину, а Фавиану станешь дорогой мамочкой, Конан приглушенно рассмеялся, но в его тоне прозвучали нотки цинизма.
- О нет, Конан! совершенно серьезно возразила Лидия. Есть одна государственная тайна, правда, она хорошо всем известна Бальдру не нужны женщины. В последней бритунийской пограничной войне, незадолго до того, как родился Фавиан, барон получил два тяжелых ранения одно в лицо, а другое намного ниже, вот здесь! И рука Лидии тут же выразительно поползла вниз. Что за опасный обычай у немедийских аристократов носить юбки! Вот почему он так трясется за Фавиана, как за последнего отпрыска рода Эйнарсонов.
 - Понятно, процедил Конан.
- Но я понимаю, ты конечно, шутил, когда предложил мне выйти замуж за барона, Лидия нежно коснулась щеки Конана. Ведь Бальдр уже старик и скоро выживет из ума, да и внешне он по сравнению с Фавианом просто урод! А Фавиан красивый, как и ты... может, даже еще красивее. Как же быть?

Позже, ослабевший от безумных ласк, Конан бесшумно вылез из жаркой постели. Стараясь не разбудить девушку, он оделся и, проскользнув через зашторенный дверной проем, прошел в общую комнату.

Но направлялся он не к своему тюфяку, набитому сеном. Он прошел через комнату и вышел

на кухню, тускло освещенную красноватыми углями в печи. Подойдя к полуоткрытой двери в коридор, Конан осторожно выглянул и увидел часового, стоявшего у стены рядом с дверью, ведущей во двор.

Часовой был в полной форме, включая стальной шлем и кирасу Солдат переминался с ноги на ногу и скорее всего, чтобы размяться, должен был бы пройтись по коридору. Конан затаился и стал ждать.

Вскоре он действительно услышал тяжелые шаги. Часовой вошел в кухню, обошел ее кругом и повернул обратно. Выбрав момент, Конан неслышно встал позади него и прошел в коридор.

Тихо и бесшумно киммериец двигался через темные кладовые, подобно пантере, вышедшей ночью на охоту и пробирающейся через северные леса в поисках добычи. Добычей Конана должно было стать то, о чем он не раз слышал в легендах и рассказах — огромные сокровища, которые всегда была во всех замках баронов. Уверенность в том, что часть их достанется ему, придавала ему решительности и делала его зрение более острым, а слух более тонким.

Им двигала еще и надежда заранее найти какой-нибудь выход, чтобы потом, когда понадобится, воспользоваться им. В Предыдущую ночь он смог пробраться на крышу замка, откуда увидел шлемы прохаживавшихся по двору часовых, и понял, что двор охраняется слишком хорошо, чтобы надеяться легко проскочить через него. Но какой-нибудь выход все-таки должен быть!

Теперь, пробираясь через темную кладовую, он нашупал ведущую наверх лестницу, но едва собрался подняться на первую ступеньку, как наверху скрипнула дверь. Мелькнула полоска света, и Конан тут же спрятался за корзину для белья. Свет приближался, и Конан увидел, что источником его были три свечи, вставленные в канделябр. Звук шагов того, кто спускался по ступенькам, заставил его пригнуть голову и затаить дыхание. Но когда свет проплыл мимо него, Конан рискнул выглянуть и увидел героический профиль барона Бальдра.

Конан взглянул наверх и увидел, что дверь закрыта. Осторожно выбравшись из своего убежища, он медленно, двинулся за бароном, ломая голову, что понадобилось знатной особе делать в нижнем этаже дома в столь поздний час. Странный для экскурсии наряд барона состоял из длинной ночной рубашки и кожаной юбки поверх нее, а на груди поблескивал тяжелый амулет в виде звезды с шестью кинжаловидными лучами.

Ночной путешественник шел спокойно, не оборачиваясь, как человек, твердо знающий свою цель. Конан был озадачен, увидев, что барон уверенно направляется к пустому углу большой сводчатой кладовой. Интересно, а вдруг Бальдр как раз собрался навестить свои сокровища, запрятанные в какой-нибудь бочке иди корзине? А может, под полом?

Подойдя к дальней стене комнаты, барон поставил канделябр на корзину и подошел к пыльному ткацкому станку с натянутой на него материей, напоминавшей паутину, которую сплел какой-то гигантский паук. Взявшись за раму обеими руками, барон отодвинул ее в сторону, и Конан увидел низкий арочный вход в стене, закрытый железной дверью.

Не открывая никакого замка, Бальдр просто потянул за железную скобу, и дверь отворилась со скрежетом и дребезжанием, эхом отдавшимися в темный пустоте. Барон взял канделябр и, пригнувшись, вошел в узкий туннель.

Когда света стало почти не видно, Конан подкрался к проему и решился войти внутрь. Едва не свалившись с крутой неровной ступеньки, он с трудом удержался и начал быстро спускаться, стараясь не потерять из виду свет, исчезающий где-то внизу.

Помещение у основания лестницы оказалось склепом с несколькими альковами и гробницами, установленными между ними. Опасаясь, как бы барон не оглянулся и не увидел его крадущимся вдоль узкого прохода, Конан быстро спрятался за одну из гробниц.

Это были саркофаги последних правителей Динандара. Конан догадался об этом, увидев

выбитые на их мраморной поверхности руны и геральдические символы. На каждой гробнице лежал заржавевший меч и кольчуга, бывшие вероятно когда-то любимыми принадлежностями благородного покойника, засунутого внутрь.

Конану стало немного не по себе. Он испытывал суеверный страх перед могилами и тем, что было у них внутри. Хотя некоторые из доспехов могли быть из золота или серебра, но вряд ли эта могильная рухлядь была теми сокровищами, которые он искал. Он не хотел не то что прикасаться к ним, но даже смотреть в их сторону, однако каждый раз, когда ему казалось, что барон собирается обернуться, приходилось прятаться за очередную гробницу и даже плотно прижиматься к ней.

Они шли уже довольно долго, и Конан начал размышлять, под какими помещениями замка мог проходить сейчас этот длинный мрачный туннель. По всей видимости они находились уже вне его пределов.

И тут он увидел конец путешествия — тупик, в котором находился огромный, украшенный орнаментом саркофаг.

Остановившись, барон преклонил перед ним колени, затем протянул руку к остаткам доспехов, лежавших на нем, поднял невероятных размеров меч и приставил его к стене. Его рукоятка была украшена шестиконечной звездой, похожей на тот амулет, что был на груди барона. Бальдр поставил канделябр напротив меча, и звезда ярко засверкала огнями, драгоценных камней, украшавших ее, напоминая символ над алтарем.

Свет вокруг гробницы, казалось, стал ярче, и Конан вновь ощутил трепет. На миг он подумал, что оружие живое и само излучает сияние. Было что-то сверхъестественное и жуткое в том, как огни плясали и дрожали на древнем металле, и Конан какое-то время не мог даже понять, старым он был или новым, заржавевшим или чисто отполированным. На мгновение Конан отвернулся, чтобы не смотреть на это зрелище.

Бальдр вновь опустился на колени и преклонил голову. Конан подкрался еще поближе и спрятался за последний саркофаг в нескольких шагах от барона. На крышке его тоже лежали доспехи, но Конана удивило, что они сохранились гораздо лучше в этой несомненно более старой части склепа, чем в той, откуда началось его путешествие.

Бальдр поднял голову и заговорил, обращаясь к мечу. Это был непонятный архаический диалект, но Конан все же смог уловить суть этого ритуального заклинания.

— Священный меч Эйнара! Меч моего предка, мы чтим тебя! Мы воспеваем те времена, когда твой владелец был королем. Мы помним те времена и чтим их. О, священный меч, прошу тебя, охраняй нас, охраняй наш род. Веди нас на бой за наше великое право оставаться властителями на земле нашего народа!

Бальдр продолжал свое молитвенное пение, а свет тем временем становился все ярче и ярче. Теперь Конан мог отчетливо видеть, как блики играли на сверкающем клинке, который какое-то время назад был весь изъеден ржавчиной. Несомненное присутствие каких-то чар поразило его, и он с трепетом огляделся вокруг, ожидая увидеть среди пляшущих теней склепа еще что-нибудь сверхьестественное.

Затем его вдруг пронзила другая, еще болей ужасная мысль: ведь Бальдр, должно быть, скоро закончит свой ритуал и двинутся обратно. Даже если Конану удастся укрыться за саркофагом и затем последовать за бароном, то когда он доберется до выхода из катакомб, то обнаружит его закрытым, и надежды выбраться отсюда у него уже не будет.

Мысль быть похороненным заживо в этом склепе вместе со всеми его ужасами и тайнами заставила киммерийца содрогнуться. Не спуская глаз с кланяющегося и молящегося барона, он стал прокрадываться назад. Когда ему удалось отступить на безопасное расстояние, куда не проникал свет, он обернулся и увидел, что барон умолк и начал подниматься с колен.

Успокоившись, Конан благополучно нашупал остаток пути среди гробниц, затем кладовых, кухни и без сил рухнул на свою кровать.

Он был все еще возбужден увиденным, но одна мысль, согревала ему душу. Там, в склепе, он обнаружил нечто ценное — выход, который он искал.

В одной из ниш у гробницы, за которой он прятался, оказалась потайная дверь. Когда Конан наклонился к щели между ней и полом и вдохнул теплый воздух, струившийся из нее, то сразу узнал его.

Прошлой ночью, лежа на крыше замка, он увидел за оградой невдалеке от него реку и заросли жасмина на ее берегу. Ветерок донес до него тогда их аромат.

Этой ночью в затхлом сыром склепе он уловил под дверью запах цветущих жасминов, который бывает только летней ночью.

А между тем...

Страшная долина.

Со стороны Варакела до небес поднимались столбы дыма. Через поля и рощицы, топча сады и изгороди, двигалась огромная пестрая колонна,

Это были крестьяне, крепкие мужчины и румяные женщины, в грубой рабочей одежде, предназначенной для ежедневного тяжелого труда. Они шли маршем, как армия, размахивая своими молотильными цепами и вилами, как мечам, но на их лицах отсутствовало всякое выражение. Их родные поля и фермы остались далеко позади, их дома, конюшни и стога сена пылали, охваченные, неистовым пламенем.

Когда на их пути появлялся какой-нибудь дом, то от колонны немедленно отделялась группа, которая окружала его со всех сторон и поджигала. Крыс и кошек, первыми выскакивавших из горящих домов, тут же хватали и жадно пожирали. В облике этих людей не было уже ничего человеческого: когда двое или трое из них сталкивались, набрасываясь на одну и ту же добычу, то вырывали ее друг у друга, сплетаясь в один клубок борющихся тел.

Но когда их добычей становились люди, — то картина была другой. На одну жертву набрасывалось до десяти исступленных озверевших налетчиков, валили на землю и жадно впивались зубами в различные части ее тела. Но вместо того, чтобы разорвать и сожрать жертву, ее только кусали, затем отступали и ждали, когда она поднимется с земли. Когда ослабевший человек, пошатываясь, поднимался, он смотрел на мир уже другими глазами. Взяв свои вилы или топору он присоединялся к колонне и шел дальше с ними, став одним из них.

Они шли боевым строем, но при этом не слышно было ни труб, ни барабанов, не развевались знамена, не отдавались команды. Казалось, завоеватели были все равны между собой, среди них не выделялся ни один, кто бы мог быть их предводителем.

И все же он был. В стороне от колонны, по узкой неровной дорожке громыхала повозка. Переделанная из телеги и украшен сверкающими металлическими деталями и яркой драпировкой, запряженная тремя крепкими рабочими лошадьми, она двигалась как будто отдельно, своим путем, появившись откуда-то со стороны. Когда повозка приблизилась к колонне, ни с той, ни с другой стороны не последовало ни возгласов приветствия, ни даже обмена взглядами. Затем дорога свернула, и повозка вновь удалилась от толпы на значительные расстояние.

Она везла трех пассажиров, двое из которых стояли спереди, управляя лошадьми, — сильный, мускулистый мужчина в фартуке кузнеца с черными от копоти руками и лицом, и высокий чернобородый парень, одетый в звериные шкуры, судя по всему, охотник.

Третий пассажир в ленивой позе лежал позади них на кровати, сделанной из подушек. Он был закутан в пурпурную шаль, вышитую золотом, а на лбу у него сиял золотой венок, указывающий на то, что его обладатель явно претендовал на королевское звание. И при этом это

был всего лишь мальчик.

Мальчик по имени Лар. Тот самый Лар, — дитя болот и равнин, которого когда-то укусила золотая змея. Однажды он поднялся с кровати, где долго пролежал в забытьи, и объявил себя новым правителем.

Его армия, идущая, по долине, постоянно пополнялась новыми участниками, но Лар смотрел на все происходящее с видом царственной скуки.

Повозка переехала через мелки ручей и устремилась в сторону небольшой вязовой рощи. Проехав по ней, она остановилась у небольшого домика, сделанного из камней, поросших зеленым, мхом.

Пешие пришли сюда первыми, о чем ясно говорила сломанная дверь домика, а также загоравшаяся уже со всех сторон соломенная крыша. Кузнец и охотник соскочили с повозки, а юная царственная особа приподнялась со своего ложа и облокотилась на подушки.

В этот момент двое крестьян выволокли из дома старика с испуганным лицом и всклокоченными седыми волосами.

— Нет, только не кусайте его! — звонко крикнул Лар, увидев, что крестьяне уже потянули руки старика к своим жадно оскалившимся зубам. — Сначала я поговорю с ним.

Он спрыгнуло повозки и подошел к ним, то же самое сделали два его помощника. Старик стоял, не шелохнувшись, продолжая испуганно смотреть на Лара.

— Ну что, старый колдун, кончилась твоя жалкая власть в этих местах? Теперь пришел другой, более великий волшебник, так что тебе придется убраться, — звонкий мальчишеский голос Лара совершенно не соответствовал зловещим словам, произнесенным им.

Он нетерпеливо щелкнул пальцами, и двое помощников толкнули старика на колени. Теперь Лар мог смотреть на старика сверху вниз.

— Ну-ка, скажи мне, у тебя было время отправить слово твоим улетевшим собратьям? — Лар взглянул на пустые клетки, стоявшие у домика. — Я вижу, что твои голуби улетели. И наверное, стали разносить вести обо мне. И что же ты хотел другим сообщить о новой вере, охватившей долину? — Лар прохаживался перед стариком с важным видом, как ребенок, играющий в завоевателя. — Что все твои колдуны слишком глупы, чтобы противостоять мне?

Старик молчал, сжав сморщенные побелевшие губы. Бусы из костей и зубов на его шее и сумка для сбора трав, висевшая на поясе, говорили, что он деревенский знахарь. В нем не чувствовалось ни сверхъестественной силы, ни колдовской власти над людьми. Он со страхом и недоверием смотрел на своего мучителя и ничего не отвечал.

— Ну ладно, хватит! Он не будет говорить, — Лар взглянул на свою свиту и сунул руку под одежду. — Кольните-ка его!

Покорно и бесстрастно плечистый охотник извлек короткое сверкающее лезвие из-под своей шкуры и ткнул им старика в бок. Пронзительно вскрикнув от боли и удивления, пленник начал извиваться в мощных ручищах кузнеца.

В то короткое мгновение, когда рот его был открыт, рука Лара выскользнула из-под полы и метнулась к лицу старика так быстро, что это движение можно было и не заметить. Но тем не менее юный царек успел втолкнуть в рот старика что-то маленькое, черное и блестящее, похожее на извивающегося головастика.

Старик лязгнул зубами, мгновенно забыв о боли от удара ножом, и глаза его расширились от изумления. Огромная лапа кузнеца тут же схватила его за подбородок, чтобы он не смог открыть рот.

Лар пристально смотрел на лицо старика, на котором удивленное выражение сменилось тревожным, затем паническим и наконец исказилось муками агонии. Из глаз его текли слезы, все тело сотрясалось от конвульсий.-

— Кузнец все продолжал сжимать его рот. Лар. Сделал нетерпеливый жест, и кузнец убрал руку. Юное чудовище наклонилось над стариком, приставив ухо почти вплотную к его рту, который теперь слегка приоткрылся. Затаив дыхание, Лар внимательно слушал старика, хотя другим могло показаться, что тот издает только слабые вздохи и шипение. Иногда он кивал, как будто услышал хороший и полезный совет, который обычно дают Мудрые старцы.

Наконец он выпрямился с удовлетворенным видом, открыл рот старика и извлек оттуда нечто черное, извивавшееся в его руках. Сунув его себе обратно за пазуху, он кивнул своим помощникам, чтобы бросили умирающего старика. С беспечным видом Лар направился к повозке. Кузнец и охотник поспешили за ним.

— Поехали!

Глава 5. Меч и кнут

— Клянусь бородой Митры, такого торса я еще не видел! Где ты раздобыл его, парень? — Оружейник Дру снял с обнаженной груди Конана свой самый большой панцирь и водрузил его на один из тяжелых болтов, вбитых в стену оружейной мастерской. — Нет, здесь тебе больше ничего не подойдет.

Он повернулся к барону Бальдру, который, скрестив руки на груди, с легкой улыбкой смотрел на происходящее.

- Милорд, я не могу переделать что-нибудь из того, что здесь уже имеется. Мне придется сделать новый, озабоченно произнес оружейник.
- Да, киммерийские парни вырастают огромными, Барон протянул руку и пощупал бицепс Конана. Дикая северная жизненная сила… В моем сыне она тоже есть, но не так явно как и этом юноше.
- А что, если он сам попробует выковать себе доспехи? спросил кузнец Арга. Конан сказал мне, что его отец был кузнецом. Их народ привык использовать примитивные, убогие кузни, но при этом там выковывают огромные мечи. Для этого требуется огромная физическая сила, чтобы раздувать мехи.
- Да, поэтому у них такое мощное телосложение, Барон оценивающе смотрел на Конана, огромную грудь которого украшало множество рубцов, а на шее был явно заметен след от железного обруча. Но у меня есть более важная работа для него, чем труд в кузнице, Он повернулся к оружейнику. Сколько времени потребуется, чтобы сделать новый панцирь?
 - По крайней мере неделя, милорд.

Барон нахмурился и покачал головой:

- Нет, это слишком много. А ты можешь переделать ему панцирь из старого панциря Фавиана?
- Думаю, да, милорд, кивнул Дру. Молодой лорд тоже отличается крепким телосложением... хотя все же не таким, как, этот парень.
- Ладно, пошли, Барон повернулся и вышел из мастерской, остальные трое двинулись за ним. Конан вышел последним, на ходу натягивая куртку.
- Они быстро прошли через главный холл и направились к широкой мраморной лестнице. Конан оказался здесь впервые и поэтому старался не упустить возможность рассмотреть все как следует. Сейчас был полдень, и холл был пуст, за исключением Железных гвардейцев, неподвижно стоявших у входных дверей с бесстрастным выражением лица.

Поднявшись по лестнице, они прошли через мезонин и вышли в коридор, который Конан уже видел во время своего первого ночного исследования. Остановившись у черной полированной двери, Бальдр два раза постучал и, не дожидаясь ответа открыл дверь и вошел. Остальные последовали за ним.

В просторной комнате с высокими потолками никого не было. Барон кивнул, и Арга подошел к окну и отдернул тяжелые плотные шторы. В комнату хлынул свет, и Конан стал с любопытством оглядываться. Вдоль стен, украшенных яркими коврами и кавалерийскими принадлежностями, стояла резная мебель, среди которой выделялась большая кровать с беспорядочно раскиданными на ней одеялами.

Бальдр подошел к большому гардеробу рядом с кроватью и открыл дверцы. Множество висевшей там одежды издавало запах талька.

— Я думаю, здесь мы подберем что-нибудь подходящее, — сказал барон и начал перебирать развешанные вдоль стен боевые наряды. Немного помедлив, Дру присоединился к нему, начав

просматривать одежду с другого конца.

Вскоре оружейник вытянул кирасу со множеством вмятин и царапин и изрядно потертую кожаную юбку, с медными пластинами.

- Старое тренировочое снаряжение лорда Фавиана, пробормотал он. Боюсь, милорд, из него ничего уже не сделать.
- И не надо, отозвался барон, задумчиво теребя рукав женского платья из тонкой алой материи. Вытащив, его, он несколько мгновений мял его в руках, затем решительно бросил на пол.

Наконец барон извлек довольно впечатляющий боевой наряд, состоявший из стального нагрудного панциря, отделанного черной кожей, как у Железной Гвардии, но более изящно изготовленный и украшенный серебряными деталями Над ним висел соответствующий шлем с серебряными украшениями.

- Ну. а как насчет этого? Барон приложил панцирь к груди Конана.
- Если немного переделать, то будет то, что надо, милорд. Но это же новый костюм молодого лорда, сделанный по вашему распоряжению для участия в баронском конклаве, озабоченно произнес Дру. Сомневаюсь, что у вашего сына останется еще что-нибудь такое красивое.
 - У нас есть более важные задачи, чем красоваться перед

другими баронами. Для Фавиана мы подберем что-нибудь попроще, а ты, переделаешь его наряд так, чтобы плечи у него казались пошире, как у этого парня, — ответил барон и повернулся к Конану. — Ну-ка давай, примерь.

- Но, милорд, неужели действительно необходимо, чтобы телохранитель носил такой красивый костюм в походе по провинции? продолжал протестовать Дру, глядя, как Конан надевает на себя панцирь.
- Не надо больше никаких вопросов, отрезал барон, сурово взглянув на оружейника. И никому об этом не говорить. Все поняли?
 - Да, милорд, смутившись, ответил Дру.
- Теперь подними руки, парень. Да, ремни надо удлинить, но чтобы это было красиво. Что там такое?

Барон резко обернулся, услышав звук открываемой двери позади него. Арга и Дру шагнули вперед, чтобы схватить непрошеного гостя, но тут же замерли, увидев, что им оказался молодой лорд.

В его облике что-то изменилось, и он стал чуть-чуть больше похож на Конана. Увидев присутствующих, Фавиан застыл в изумлении, но затем глаза его сузились, а красивое лицо потемнело от гнева.

— Ах вот как, отец! Опять что-то затевается у меня за спиной! Для вас было недостаточно решить, что я должен скрывать мое лицо и мое имя. Теперь вы надумали сделать обыск в моем гардеробе! Ну и как вы это объясните? — крикнул он, с силой швырнув свой охотничий лук на широкую полку у двери.

Барон на мгновение растерялся, но затем его лицо вновь обрело черты сурового повелителя.

- Все это делается по причинам безопасности, Фавиан, только и всего, холодно произнес он. Кроме того, я не обязан объяснять тебе свои действия. Помни, любое решение, которое я принимаю, направлено только во благо тебе.
- Вы вторглись в пределы моей собственности! злобно сказал молодой лорд, выйдя на середину комнаты. Вы взяли мой лучший боевой костюм и надели его на этого проклятого варвара! Что будет дальше? Может быть, мне придется теперь дружески хлопать его по плечу? По его отвратительной грязной коже? Ну уж нет, этого делать я не буду!

Он направился к гардеробу, намереваясь закрыть его, но барон преградил ему путь.

- Что тебе придется или не придется делать, Фавиан, это не тебе решать, спокойно оказал Бальдр. Помни, у тебя ничего нет в этом мире кроме того, что дал тебе я. И ничего, что я не мог бы взять обратно, если решу, что ты этого не заслуживаешь!
- Но это уже слишком, отец! Фавиан повернулся к Конану. Эй ты, а ну немедленно сними со своего немытого тела мой панцирь!

Конан вопросительно взглянул на барона, но в этот момент Фавиан с силой толкнул его в грудь, так что киммериец, качнулся, но с места все же не сдвинулся. Фавиан толкнул его еще раз, но Конан продолжал стоять, спокойно глядя на своего недруга.

Тогда внезапно молодой лорд, отступив на шаг, выхватил из-за пояса кнут и размахнулся, намереваясь ударить по незащищенному лицу и рукам Копана. Киммериец поднял руку для защиты и молниеносным движением перехватил кнут за его конец, затем, вырвав его из руки Фавиана, швырнул в дальний угол комнаты.

— Ax так, несчастный раб! Ладно, посмотрим. Как видишь, я сегодня не пьян и не безоружен.

В воздухе раздался визг рапиры, вынимаемой из ножен, в тот же миг ее острие мелькнуло у самых ног Конана, но северянин успел отскочить назад. Так повторилось еще несколько раз, и Конану пришлось перепрыгнуть через кровать, чтобы не быть загнанным в угол.

— Стоять! — крикнул барон Бальдр, но при этом обращался он вовсе не к дерущимся, а к Дру и Арге, которые, схватившись за кинжалы, напряженно следили за развитием событий. Барон быстро снял со стены меч и бросил его Конану. — Давай, телохранитель, защищайся! Покажи, на что ты способен.

Киммериец ловко поймал меч и выставил его перед собой как раз в тот момент, когда рапира перепрыгнувшего, через кровать Фавиана была почти у самого его лица.

— Давай, Фавиан! — подбодрил сына барон.

Рапира Фавиана задела по пустым ножнам, висевшим на стене, и они отлетели на середину комнаты, но молодой лорд в ярости не замечал ничего. Его удары стали более частыми и ожесточенными, но Конан ловко парировал их, теперь уже сам перейдя в нападение. Его меч оказался тяжелым и тупым, кожаное сплетение рукоятки протерлось от старости, и граненый металлический стержень больно впивался в его руку.

— Фавиан, точнее! Не трать зря силы! — продолжал наставлять сына барон. — Киммериец очень вынослив, а ты можешь скоро выдохнуться. Лови подходящий момент и старайся не упустить свой шанс.

Наибольшие неудобства Конану доставлял его тесный нагрудный панцирь, стесняющий движения и затрудняющий дыхание, но сила и точность его ударов от этого не слабели. А Фавиан действительно уже начал выдыхаться. Он тратил больше сил и времени на то, чтобы делать отвлекающие маневры и угрожающие движения, чем точные выпады. Не раз его рапира натыкалась на кирасу Конана, и он сосредоточил все внимание, чтобы попасть ему по ногам или по лицу.

— Точнее, сын! Тесни его, загоняй в угол!

Но исход борьбы был уже ясен. Удары Конана были сильными и точными, и хотя он не собирался убить или даже ранить своего противника, вид у него был угрожающий. Еще один удар, и он увидел смертельный страх в глазах Фавиана. Барон хотел было крикнуть еще что-то в поддержку сына, но молодой лорд уже выставил рапиру вертикально перед собой, что на языке фехтовальщиков означало, что он сдается. Конан опустил оружие.

— Ну, варвар, я вижу, ты извлек огромную пользу из наших тренировок, — Тяжело дыша, Фавиан вложил рапиру в ножны, а затем, к изумлению Конана, он шагнул вперед и положил руку

киммерийцу на плечо. — Надо было сразиться с тобой на две недели раньше, хотя бедняге Эвольду не повезло даже тогда. Ну что ж, ты прошел мой маленький тест, и если я должен иметь телохранителя, то я согласен, что им будешь ты.

Фавиан взглянул на остальных, которые стояли в растерянности, понимая, что это был вовсе не тест. Ненависть молодого лорда к киммерийцу была очевидна, и все были удивлены этой внезапной сценой примирения. Чтобы скрыть неловкость, Дру занялся расстановкой опрокинутой вовремя сражения мебели, Арга взял у Конана меч, вложил в ножны и повесил на стену, а барон спокойно отдал им незначительные распоряжения и ушел, не попрощавшись, с замкнутым и надменным лицом. Конан снял панцирь и отдал его Дру, но когда собрался уйти вместе с остальными, Фавиан остановил его.

— Теперь, после того, как мы скрестили мечи, что ты скажешь насчет того, чтобы нам вместе выпить, киммериец? — спросил, он и направился к шкафчику рядом с кроватью, откуда вытащил глиняную бутыль и два кубка. — Честно говоря, я считаю выпивку благородным видом спорта, и охотнее упражнялся бы в нем, чем в чем-либо другом.

* * *

Некоторое время спустя Конан, обильно накачанный густым сладкий ликером, весело рассказывал своему хозяину о потасовке в тюрьме. Ликером была перепачкана его куртка, так же, как и охотничий наряд Фавиана, изрядно был залит им и стол.

- И вот, когда они выволокли меня оттуда, я был уверен, что меня сейчас вздернут на виселице, но вместо этого я неожиданно попадаю в благородный дом! Чужеземец в этой стране не может и мечтать о такой удаче, Конан сделал очередной большой глоток. Но для вас, должно быть, только прибавилось хлопот. Я вовсе не хотел этого, Фавиан.
- Да ну, не думай об этом, Конан! небрежно махнул рукой юный лорд. Разве ты виноват, что похож на меня или что попал в тюрьму именно в такой момент? А кстати, за что тебя посадили?
- Я ни в чем не виноват, клянусь, замотал головой Конан. Просто я попала небольшую переделку.
- И ты не связан с бунтовщиками? Может быть, ты призывал к мятежу? Фавиан пристально посмотрел на него.
- Какой там мятеж! Я и знать ничего не знал. Просто я врезал одному стражнику по морде... но это только потому, что он сам напросился.
- А, понятно, кивнул Фавиан. Последнее время они все взбудоражены. Во-первых, разговоры о мятеже, а во-вторых еще этот культ змеи, о котором кругом ползут слухи. Не знаю, есть ли во всем этом реальная угроза для правления моего отца, но я знаю одно: если сейчас принять наиболее строгие меры, то меньше хлопот будет потом.

Фавиан налил из бутыли еще Конану, затем, чуть поменьше себе.

- А что это за строгие меры? спросил Конан, залпом осушив свой кубок.
- Своретта говорит, что всех будоражат смутьяны, которые говорят, что налоги и подати слишком велики. Так вот, друг мой, именно тут-то я и могу сверкнуть во всей красе. Если бы отец разрешил мне возглавить конный отряд в провинции, я бы показал этому отрепью, что такое бунтовать! Я бы им устроил мятеж!

Конан смотрел на свой кубок затуманенным взглядом, язык, слипшийся от сладкого ликера, уже едва ворочался.

— Я хорошо знаю селян, — сказал он. — Они не способны готовить какой-то большой

мятеж. Те, кого я видел в тюрьме, совсем не показались мне кровожадными.

— Селяне? Кровожадные? Ну, конечно, нет! — Фавиан цинично рассмеялся. — Если бы они были кровожадными, то они не были бы селянами-земледельцами. Но есть одно, что позволяет сохранять власть Эйнарсонов — абсолютная и безоговорочная жестокость, несмотря на все сладкозвучные разглагольствования советника Лотиана. С того времени, как мой предок Эйнар — или его еще более дряхлый предок, кто бы ни начал это, — так вот, когда он впервые взял в руки меч и стал учиться искусству кровавой бойни, он понял, что тем самым может поднять себя над своими товарищами. И с этого дня меч стал главным выражением нашего превосходства. Убийственное искусство войны — мы всегда должны следовать ему, и если мы забудем об этом хоть на какое-то время, то мы погибли.

Увлеченный собственной речью, Фавиан встал и взял в руки свой меч. Бросив ножны на кровать, он вытянул меч перед собой:

- Как странно, Конан, что этот ужасный инструмент является главным орудием в решении человеческих судеб! Он просто режет мясо, но при этом он поддерживает курс империи и охраняет нас, Эйнарсонов!
- Разве только меч охраняет? спросил Конан, чувствуя как заводится Фавиан. А как насчет сверхъестественной защиты вашего рода?
- Откуда ты знаешь об этом? Фавиан подозрительно взглянул на киммерийца и бросил меч на кровать. Кто тебе сказал?
- Однажды барон как-то обмолвился об этом, Конан сделал один глоток. И по замку тоже ходят слухи.
- Я думаю, они ходят и вокруг замка, Фавиан сел за стол, взял кубок в руки и начал задумчиво вертеть его в руках. Знаешь, Конан, скоро я достигну возраста посвящения в тайну моей семьи. И тогда, может быть, я пойму, просто ли пугают этой легендой доверчивых дураков или во всем этом что-то есть. Но вот только ты, киммериец, никогда не поймешь судьба ли тебя охраняет или ты просто хорошо делаешь свою работу.

Фавиан заткнул пробкой бутыль и сгреб кубки. Конан смотрел на залитый ликером стол и уже ничего не хотел говорить.

— Ладно, парень, мне надо готовиться к ужину, — сказал Фавиан. — А тебе надо торопиться к своему. Но мы еще поговорим. И если мой отец не остынет к этой идее сохранения нашего рода, то твоя удача будет и дальше тебе улыбаться.

Конан вышел из комнаты Фавиана слегка пошатываясь, с головой, затуманенной крепкой выпивкой. С трудом найдя путь вниз, он спустился в комнату слуг и сел за стол.

Лидия не появлялись, и Конан не заводил своих обычных разговоров за ужином. Он был необычно молчалив и, рассеянно доедая свой ужин, размышлял о том, что теперь ему стало известно о Фавиане. Проведя с ним половину дня, Конан понял, что у наследника барона изменчивый и непостоянный характер, а его малодушие принесет еще всем немало неприятностей. Чутье подсказывало Конану, что все это прекрасно знает барон Бальдр.

Внезапно появившись в общей комнате, Лидия быстро прошла через нее, даже не взглянув на Конана. Он тяжело поднялся из-за цивилизованных мужчин и женщин я их непредсказуемые настроения.

* * *

Уже поздно ночью Конана разбудили какие-то неясные звуки: тяжелые шаги и приглушенные рыдания. Он быстро вскочил на ноги и отдернул занавеску. Мерцание свечей

было слабым, но Конан успел увидеть полуодетую фигуру, только что исчезнувшую в одном из альковов.

Это была Лидия. В одно мгновение Конан пересек комнату и вошел в темный закуток.

- Лидия, шепотом сказал он, опустившись на колени перед ее постелью, где она лежала, содрогаясь в рыданиях. Что случилось, девочка моя? Тебя кто-нибудь обидел?
- Нет, Конан, уйди, пожалуйста, с трудом произнесла она. Не беспокойся, все нормально.
- Да что же такое, милая? Ты можешь мне сказать... О, Кром! Рука Конана коснулась вздувшихся горячих рубцов на спине девушки, они были липкими от крови. Кто это сделал, скажи мне?

Но Лидия ничего не ответила. Когда Конан собирался вновь спросить ее, он вдруг услышал металлический звук кованых ботинок в соседней общей комнате. Шаги приблизились к алькову, и жесткий бесстрастный, голос спросил:

- Здесь есть девушка по имени Лидия?
- Да, сэр, вот там ее кровать, откликнулся юношеский голос.

Конан отдернул занавеску и увидел двух Железных гвардейцев, один из которых держал в руке пику, а другой — горящую свечу. Из-за занавесок других закутков стали выглядывать слуги, но никто из них не проронил ни слова.

- Девушка Лидия, ты пойдешь с нами, приказал один из гвардейцев.
- Никуда она не пойдет. Она плохо себя чувствует, Конан вышел из алькова, задернув за собой занавеску, чтобы не было видно Лидии.
- Она должна пойти с нами по приказу барона. Отойди в сторону! гвардеец поднял пику, увидев, что Конан не двигается с места. Второй гвардеец поставил свечу на стол и положил руку на рукоятку меча.

В этот момент из-за занавески вышла Лидия. Пошатываясь, она прошла мимо Конана и подошла к гвардейцам. На ней было наспех наброшенное меховое одеяло, но Конан увидел часть спины с ярко-красными свежими рубцами, и ярость закипела у него в груди. Остатки опьянения исчезли бесследно.

Гвардеец со свечой пошел вперед, за ним двинулась Лидия, шествие замыкал гвардеец с пикой, который, услышав, что киммериец направился за ними, остановился и поднял свое оружие. Но Конан не отступил ни на шаг, молча глядя гвардейцу в глаза. Поколебавшись несколько мгновений, гвардеец повернулся и поспешил за удаляющейся свечой.

Они прошли через ночные коридоры и поднялись по лестнице наверх. Миновав несколько открытых дверей, они остановились у одной из них. Гвардеец с пикой вновь обернулся и загородил Конану древком вход в комнату.

Это была комната Фавиана. На кровати, среди беспорядочно разбросанных одеял, сидел полуодетый юный лорд, опустив голову и уперевшись руками в колени. Посреди комнаты стоял барон Бальдр, всем своим видом выражая крайнее недовольство и гнев. Рядом с ним со злорадным выражением на лице стоял Своретта.

Когда Лидию втолкнули в комнату, она упала на одно колено — или из почтения к присутствующим, или от слабости. Барон подошел к ней и, схватив за волосы, поднял ее залитое слезами лицо к свету.

— Итак, что здесь делала эта девица, простая прислужница за столом? — гневно спросил барон, отойдя от Лидии.

Фавиан поднял голову и заговорил усталым и все еще пьяным голосом:

— Она заигрывала со мной, отец. Она навязывалась мне, но у нее ничего не вышло. Слишком много хочет эта простая девка! — Он встретился глазами с Лидией, и на его лице

появилась наглая усмешка. — Когда они стала слишком уж назойлива, я наказал ее кнутом. Разве я неправильно поступил, отец?

Бальдр встал перед Фавианом, испепеляя его взглядом.

- Фавиан, неужели я должен объяснять, почему я так возмущен? Я не тащу к себе полуголых девок, как скотину, по коридорам замка! Не забывай, что это мой дом, а не заморанский бордель! Это дом твоей матери, барон нервно прошелся по комнате, затем снова подошел к сыну. Если тебе необходимо давать выход своим страстям, можно делать это и другим способом. Но твое поведение скандально и вульгарно, оно идет во вред морали всего дома!
- Ладно, отец, я извиняюсь, раз ты так хочешь, раздраженно мотнул головой Фавиан. Но, может быть, хватит об этом?
- Хватит? Ну хорошо. Но только с этого момента прекращаются твои вольности, жестко произнес барон. Теперь ты будешь находиться под постоянным присмотром. А эта женщина в доме больше оставаться не может, она должна быть казнена.
 - Отец! испуганно воскликнул Фавиан. Разве нельзя просто отослать ее куда-нибудь?
- Домашняя прислуга не должна вступать в какие-либо отношения с благородными господами. Это из ряда вон выходящий случай, Бальдр презрительно указал рукой в сторону Лидии, которая вновь горько зарыдала. А если сна вернется через год с ребенком в подоле и будет претендовать на какие-то права?
- Отец, ну почему сейчас это стало такой проблемой? Фавиан нетерпеливо поднялся с кровати. Ведь раньше тебя это не волновало. Ну ладно, убей ее, если считаешь, что это необходимо, но только оставьте меня сейчас в покое!

Услышав шум борьбы, все повернули голову к двери.

- Милорд, этот человек... он шел за нами из помещения для слуг, крикнул гвардеец с пикой, тщетно, пытаясь сдержать натиск Конана, рвавшегося в комнату. Оттолкнув гвардейца так, что тот упал на пол, киммериец перешагнул через него и подбежал к Лидии.
 - Эй, парень! рявкнул барон. Ты что это себе позволяешь?
- Милорд барон, Конан с трудом выговорил это непривычное для него выражение почтения. Эта девушка никому не хотела причинить вреда. Она и так уже пострадала, так не отнимайте у нее еще и жизнь!

Оба гвардейца подошли к Конану, уперев оружие ему в грудь.

- А тебе-то что до всего этого? недоуменно спросил барон.
- Милорд, вмешался Своретта, подойдя ближе к барону. Как только варвар появился в вашем доме, он сразу же спутался с этой девкой. Мои люди доложили мне, что против молодого лорда Фавиана замышлялся план: девка должна была своей притворной любовью втереться ему в доверие, чтобы затем вымогать из него деньги или еще хуже совсем окрутить его.

Глаза Фавиана медленно встретились с глазами Конана.

— А я-то сегодня пытался помириться с ним! А оказывается, этот дикарь задумал подложить девку в мою постель, чтобы потом отобрать у меня все, что я имею! — Он повернул пылающее лицо к барону. — Вы правы, отец! Если бы я знал о ее намерениях, я бы отстегал кнутом ее дважды, нет, трижды!

Теперь барон, казалось, был удовлетворен поворотом дела.

— Вот видишь, Фавиан, к чему может привести твоя неразборчивость. Так что мы не можем оставить ее в живых...

Но его прервал шум отодвигаемых портьер в дальней части комнаты. Конан посмотрел туда, как и все остальные, и увидел молодую женщину с рыжими волосами и бледным лицом, закутанную в зеленый бархатный плед. В мерцающем свете свечей она казалась необыкновенно красивой.

— Отец, неужели вы сможете казнить это бедное дитя?

Барон поднял руку предупреждающим жестом:

- Калисса, не вмешивайся, дорогая. Это дело отца и сына.
- О, нет, Калисса подошла к кровати и остановилась рядом с Фавианом. Я как раз слышало как вы говорили, что это касается всего дома. Моя мать заботилась об этом доме, пока была жива, так что и я имею право высказать свое мнение. Я считаю, что надо отправить девушку домой. Ведь у нее есть где-то дом!

Пока Бальдр растерянно смотрел на дочь, за него ответил Своретта:

- Госпожа Калисса, все это не так просто. Вред уже причинен, и мы должны занять твердую позицию по отношению к такого рода вещам.
- Чепуха, советник, резко прервала его Калисса. Вашим шпионам в нашем доме следует лучше информировать вас. Калисса повернулась к отцу. Девушку Лидию любят все слуги. Если вы убьете ее, то наживете себе немало врагов среди них. Но самое главное вам придется иметь дело с этой необузданной личностью.

Калисса жестом указала на Конана, который напряженно смотрел на происходящее, сдерживаемый двумя гвардейцами. Барон бросил на него желчный взгляд и вновь посмотрел на дочь, не зная, что сказать.

- Отец, вы же знаете, что это всего лишь один из неблаговидных поступков моего брата, Калисса дотронулась до руки Фавиана, и тот нервно дернулся. Зачем же вести дело к дальнейшим неприятностям? Она подошла к Лидии и склонилась над ней. Дитя мое, где твой дом?
- В Варакеле, дрожащим голосом отозвалась девушка. Это пограничная область на северо-востоке.
 - Ты хочешь туда вернуться?

Лидия схватила Калиссу за руку.

- О, пожалуйста, моя госпожа, обливаясь слезами, забормотала она. Пожалуйста!
- Пойдем, я перевяжу твои раны, Калисса помогла несчастной девушке подняться и повела ее по направлению к зашторенной двери.
 - Лидия! в отчаянии крикнул Конан, пытаясь прорваться сквозь заслон гвардейцев.
- А что вы думаете насчет этого неисправимого тупого дикаря, милорд? раздался резкий голос Своретты. Я предупреждал вашу светлость, что он может принести нам немало хлопот.

Барон посмотрел вслед удалявшимся женщинам, затем перевел холодный взгляд на Конана.

— Запомни свое место, варвар, — жестко произнес он. — А не то я найду тебе что-нибудь получше — стальную клетку или камеру пыток. И забудь эту девку, ты больше ее никогда не увидишь.

Глава 6. Нектар и яд

Но Конану все же удалось увидеться с Лидией еще раз, прежде чем ее увезли в родные места. Ему помог в этом кузнец Арга, который напутствовал возницу под навесом конюшни и старательно делал вид, что не замечает, как к повозке, где под навесом со связанными руками лежала Лидия, подкрадывается киммериец.

- Лидия, дорогая, у тебя все будет в порядке? Твои родные ничего тебе не сделают? Ты только скажи слово, и я разнесу в клочья всю эту стражу и на руках унесу тебя отсюда!
- Конан долго ждал ее ответа, но она молчала. Он смотрел на ее бледное измученное лицо, лишенное всякого выражения, и сердце его сжималось от жалости. Он искал слова, которые могли бы успокоить ее боль, но не находил.
- Лидия, не отчаивайся. Твоя мечта подняться наверх здесь была напрасной. Эти благородные подонки никогда бы не оценили тебя. Для тебя будет лучше, если ты уедешь подальше от этого проклятого дома, вдали отсюда ты будешь намного более счастлива...
- Не надо, перестань! Красные от слез глаза Лидии внезапно сверкнули. Ты прав, мне больше не нужны лорды и их благородные лакеи, Ее губы скривились в презрительной усмешке, которая явно относилась и к нему. Но я не откажусь от своей мечты. Есть и другие способы подняться наверх в Немедии!

Конана удивила столь непривычная для Лидии вспышка ярости. Это могло быть просто истерикой, но по ее жесткому взгляду и полным ненависти словам было понятно, что Лидию переполняет чувство мести.

— В стране полыхает мятеж. Я присоединюсь к ним и пойду до конца. Я еще вернусь сюда, но только с огнем и мечом! Я очищу землю от всей этой грязи!

Конан с тоской смотрел на свою недавнюю возлюбленную, переполняясь страхом за нее.

— Ну что ты, Лидия, успокойся. Побудь лучше дома, отдохни...

Арга наконец отвернулся от возницы и крикнул страже, чтобы открывали ворота. Конан замер в оцепенении и едва успел погладить пальцы Лидии в знак прощания. Когда повозка тронулась, он тихо сказал ей вслед: — Кром будет охранять тебя, моя бедная Лидия!

Стараясь отогнать от себя печальные мысли, он включился вместе с другими обитателями дома в приготовления к празднествам в честь отъезда барона в поход по провинциям Динандара. Конан перетаскивал вверх и вниз тяжелые скамьи и табуреты, выколачивал пыль из гобеленов и выполнял другие задания, совсем не соответствующие его способностям и положению, например, полировал до блеска ночные горшки в комнатах или лущил бобы. Кухня превратилась в ад: огромные медные котлы кипели все сразу, жаровни чадили, источая немыслимые ароматы, сводя с ума любого, а уж тем более наделенного волчьим аппетитом северянина.

Несколько раз ему удавалось стянуть какой-нибудь кусок, не взирая на риск получить по затылку удар мощной руки Велды. В очередной раз, когда Конан прокрался на кухню за добычей, его нашел Своретта. Мастер шпионажа коротко приказал ему надеть недавно изготовленный костюм, переделанный из наряда Фавиана, быть наготове и ждать дальнейших указаний.

* * *

Когда праздник был уже в самом разгаре, Конан прокрался наверх в одну из угловых башен замка. Он уже не мог усидеть в своем тесном душном закутке, где ничем не мог занять свои мысли, кроме воспоминаний о Лидии и сомнений, пора ли ему уже покидать этот

ненормальный дом или еще не пришло время.

Праздничная атмосфера в замке сказывалась и в пустите на кухне, и в суматохе в коридорах, запахах разлитого вина на лестницах и непрерывном гуле громких голосов. Конан старался оставаться незамеченным, избегая проходить через наиболее оживленные места, однако с удовольствием заметил, что спокойно проходит мимо стражи в своем черно-золотистом шлеме и великолепной, хотя все же чуть тесноватой кирасе.

Бесшумно проскользнув мимо шепчущихся любовников через узкую темную боковую комнату, Конан вышел на внутренний балкон. Как он и надеялся, в этой части галереи было не очень людно, но зато внизу, в главном зале, освещенном множеством свечей и горящих масляных сосудов, пировало великое множество гостей. Сверху Конану хорошо было видно, как многие из них, устав от обильных возлияний и немыслимых яств, поднимались из-за, столов и прогуливались по залам и лестницам.

Большинство из них с виду были торговцами, крупными землевладельцами и их вассалами. То тут, то там слышались громкие возгласы, выражавшие восхищение великолепием и пышностью убранства замка барона. Более знатные гости, аристократы и гвардейские офицеры, группировались вокруг барона, ведя с ним оживленные беседы и давая напутствия. Конану бросилось в глаза, что все гости неумеренно налегали на вино.

Стража в лице Железных гвардейцев располагалась в равных интервалах вдоль стен и лестниц и казалась по количеству почти равной гостям. Вооруженные до зубов, Железные гвардейцы бесстрастно взирали на пирующих, не упуская однако из виду

ничего, что могло бы вызвать тревогу. Конан с досадой подумал, что он не вооружен даже простым кухонным ножом.

Ему стало уже невыносимо душно, поскольку весь жар от светильников поднимался наверх, и он нетерпеливым движением поднял забрало шлема, но неожиданно совсем рядом прозвучал юношеский голос?

— А, лорд Фавиан! Вы решили удалиться подальше от нас, толпы грубых неотесанных гостей из провинции!

Мгновенно опустив забрало и сделав вид, что не слышал приветствия, Конан сделал несколько шагов в сторону, но чья-то костлявая рука цепко впилась ему в локоть.

— Фавиан, милорд, — забубнил высокий юноша с темным от деревенского загара лицом. — Как я рад, что нашел вас! — Под убийственным взглядом Конана рука мгновенно убралась, но назойливый гость продолжал заискивающе заглядывать ему в глаза. — Я... я Ралфик, помните, сэр? Мы с вами как-то весело провели время в поместье моего отца... разве вы не помните, ваша светлость?

Конан в ярости смотрел на неуклюжего долговязого парня, примерно такого же, как и он, возраста, но явно никогда не участвовавшего в боях и походах. Его лицо было рябым от оспы, одежда безвкусна, а волосы пострижены скобкой, наверняка с помощью глиняного горшка. Но каким бы ни был собеседник, Конану пришлось играть свою роль до конца. Он ответил юноше величественным кивком и промычал что-то нечленораздельное, стараясь выглядеть как можно больше солидным и надменным.

— О, да, милорд, — подхватил деревенский простак, обрадовавшись, что его признали. — Мы здорово повеселились на нашей маленькой пирушке! Ах, эти крестьянские свадьбы! Особенно, когда невесты молоды и невинны и ужас как трепещут перед своими благородными хозяевами! — Ралфик мечтательно закатил глаза к потолку, но затем, встретив суровый взгляд Конана, неуверенно заулыбался. — Милорд, я понимаю, что вы могли кое-что и забыть — ведь мы выпили столько вина!

Конан нахмурился, заметив, что громкий блеющий голос Ралфика уже начал привлекать

внимание других гостей, находившихся неподалеку. Некоторые даже начали приближаться к ним, на ходу прихлебывая мед из своих кубков, которые разносили гостям снующие повсюду слуги в коричневых куртках и юбках.

Между тем Ралфик начал подозрительно вглядываться в лицо Конана, почувствовав, что тут что-то неладно, но все же продолжал свою назойливую болтовню:

— Помните, сэр, того молодого офицера... как же его звали? Арнулф! Мы с ним играли в кости всю ночь и обставили начисто!

Теряя остатки терпения, Конан сжал кулак, намереваясь заехать болтуну по лицу, чтобы заставишь его замолчать, но в этот момент к ним торопливо подошел слуга с кубком меда на подносе.

- Милорд Фавиан! Прошу прощения, сэр, Вручив кубок замершему от неожиданности Конану, он так же торопливо удалился.
- А, лакей, должно быть, хорошо обучен, раз нашел вас в этой суматохе! И хорошо понимает, что вам сейчас самое время промочить горло! засмеялся Ралфик. Болван так ликовал, что к его смеху присоединились и те, кто находился поблизости.

Конана мучила жажда, и он нетерпеливо поднес кубок ко рту, но в последний момент он внезапно нашел лучшее применение своему меду. Изобразив на лице гримасу боли, он схватился за живот и, быстро вложив кубок в руку Ралфика, пошатываясь, пошел прочь.

— О, зачем, спасибо, сэр! — забормотал Ралфик вслед удалявшемуся Конану. — Ваше здоровье, лорд Фавиан! Желаю, чтобы ваш желудок поскорее прошел!

Конан был уже у дверей боковой комнаты, когда резкий крик заставил его обернуться. Поколебавшись мгновение, он решительно пошел назад, опустив забрало.

На полу у перил лежал Ралфик, закатив глаза и царапая грудь ногтями, из его широко раскрытого рта валила кровавая пена. Злополучный кубок валялся рядом с ним, и остатки меда шипели и пенились на натертом до блеска деревянном полу.

Над умирающим сыном помещика уже склонились другие гости, а Железные гвардейцы, бесцеремонно расталкивая гуляк, торопливо прокладывали себе дорогу к месту происшествия. Увидев это, Конан тут же изменил направление и устремился в ту сторону, в которой исчез отравитель.

Конан знал дом барона уже достаточно хорошо, чтобы угадать направление, по которому мог уйти убийца. Свернув в арочный вход в конце коридора, он ринулся вниз через четыре ступеньки сразу. Пробежав еще один коридор, он свернул за угол и остановился как вкопанный.

Его охота закончилась. Мертвый отравитель лежал на полу с торчащим из груди кинжалом, а над ним стоял Своретта, вытиравший кровь платком со своей толстой руки.

Мастер шпионажа резко вскинул голову и уставился на Конана.

— А, лорд Фавиан! — воскликнул он и, оглянувшись, тихо продолжал. — Я знаю, кто ты, но из соображений безопасности буду тебя так называть. Не знаю, что ты здесь делаешь, но тебе надо оставаться готовым к любым неожиданностям. Твоя работа может уже начаться сегодня ночью!

Двое гвардейцев с шумом ворвались в проход, и Своретта тут же потребовал у них отчета. Когда они рассказали ему об отравлении и смерти Ралфика, он понимающий кивнул, искоса бросив взгляд на Конана.

Несколько мгновений спустя вновь раздался звук стремительных шагов, и из-за поворота показался барон Бальдр в сопровождении двух гвардейцев.

Своретта подобострастно взглянул на барона и злорадно улыбнулся.

— Это известный заговорщик, милорд, один из тех проклятых мятежников, — сказал он, пнув ногой распростертое тело. — Я столкнулся с ним в коридоре, узнал и убил его. Затем мне

доложили, что он уже успел совершить свое черное дело, пытаясь подсунуть яд вашему сыну. К счастью, ему это не удалось.

— Да, действительно, к счастью, — Вид у барона был ликующий. Повернувшись, он взглянул на Конана. — Пойдем со мной, парень.

Уведя Конана подальше от Железных гвардейцев, барон возбужденно заговорил:

— Видишь, как мудро я поступил, наняв тебя! И ты уже начал оправдывать мое доверие, привлекая к себе наших врагов. Сейчас ты иди в комнату моего сына и жди там до утра, а Фавиана мы укроем где-нибудь в другом месте. Будь начеку: этой ночью опасности еще не кончились!

Коротко кивнув в знак повиновения, Конан повернулся и пошел наверх, грубо толкая плечом попадавшихся ему на пути Железных гвардейцев и зазевавшихся гуляк. Опустив забрало, он не отвечал ни на какие приветствия, напряженно размышляя о недавних событиях. Внезапное появление убийцы и такая же внезапная его смерть, роль Своретты в этом деле — все это порождало много загадок, над которыми надо было основательно подумать.

У дверей комнаты Фавиана стражи не было. Конан вошел и, убедившись, что внутри никто не прячется, подошел к столу, на котором стоял хрустальный графин с вином. Пить по-прежнему хотелось, но после недавнего происшествия он побоялся даже пригубить вино. Так же, несмотря на усталость, он не решился даже прилечь на широкую мягкую кровать. Вместо этого Конан снял шлем и панцирь, положил их на кровать и укрыл одеялом так, чтобы создалась видимость лежащего тела.

Выбрав из висевшего на стене оружия меч, Конан снял его со стены и задул свечи. Не стесненный доспехами, он теперь свободно передвигался по темной комнате. Выбрав мягкое кресло напротив окна, он опустился в него и стал ждать.

* * *

Два призрака охотились друг за другом в темных залах дворца. Возникнув из теней, они сцепились друг с другом и покатились по тускло освещенному полу. В темных плащах, с надетыми на голову капюшонами, они казались сплошной шевелящейся массой. Попав в бледный луч луны, оба подняли головы, и оказалось, что это не человеческие лица, а злобно оскалившиеся огромные жуткие пасти и излитые кровью волчьи глаза...

Сон. Всего лишь кошмарный сон, начал медленно понимать Конан. Он открыл глаза, с трудом вспоминая, где находится. Подняв голову, Конан огляделся, и вдруг кровь застыла у него, в жилах — в бледном свете луны он увидел зловещий образ из своего сна. По темной комнате медленно и бесшумно скользила загадочная фигура с низко надвинутым на лицо капюшоном. Затаив дыхание, Конан следил, как она подкрадывается к кровати и наклоняется над ней.

Он услышал сдавленный крик и, вскочив на ноги, в два прыжка оказался рядом с таинственным незнакомцем. Бросившись на него, Конан навалился на ночного гостя всем телом и сдавил ему горло своими могучими руками. Жертва захрипела, пытаясь оказатьсопротивление, но Конан не увидел никаких признаков оружия.

Продолжая одной рукой сжимать горло незнакомца, он сунул другую руку ему под плащ в поисках меча или кинжала, но единственным оружием, которое он там обнаружил, были мягкие женские груди и нежный изгиб талии и бедер. Пробормотав сквозь зубы проклятье, Конан подхватил женщину на руки и понес к окну. Сорвав с нее капюшон, он повернул к свету ее лицо.

Это была Калисса, дочь барона. Конан усадил ее на пол у стены и сел рядом.

— Чтобы не было никаких недоразумений, миледи... Я не ваш брат, — взяв ее за

подбородок, прошептал он ей на ухо. Он ждал ее реакции, но она только слабо шевельнула рукой, и Конан вновь наклонился к ее уху. — Если вы издадите хоть стон, я буду вынужден заставить вас замолчать. Не бойтесь, я не причиню вам вреда, но я не хочу, чтобы вы кричали, иначе могут подумать, что я собирался изнасиловать благородную даму. Вы обещаете выслушать меня, прежде чем своими криками разбудите весь дом?

Она медленно повернула к Конану лицо и взглянула на него с удивительным спокойствием. То, что произошло дальше, поразило его — вместо того, чтобы вырваться, Калисса мягко прижалась лицом к его шее.

— Ого, дорогая, что вы хотите этим сказать, — Конан осторожно погладил ее пальцы, все еще не доверяя Калиссе и ожидая, что в ее руке может быть зажато какое-нибудь тонкое лезвие. Убедившись, что там ничего нет и что ее руки ответили на его прикосновение нежным пожатием, он придвинулся к Калиссе ближе и обнял ее. Через мгновение их губы встретились.

Ее объятия стали более жаркими, а губы более нетерпеливыми. Ее тело обещало Конану все, что он захочет, но, превозмогая желание, он осторожно отстранился от Калиссы.

— Вы... что-то слишком ласковы сегодня, — едва дыша, произнес он. — А все-таки кого вы ожидали найти в этой кровати?

Конан почувствовал, как ее спина слегка напряглась. Она ослабила объятия и тоже отодвинулась от него, глядя ему в глаза. Ее голос прозвучал мягко и спокойно:

- Ты много себе позволяещь, телохранитель! Задавить желание, чтобы дать волю своему подозрению! Но если ты так настаиваешь, я отвечу. Я пришла сюда поговорить с моим братом, но вместо него нашла лишь холодные доспехи в его кровати. Сначала я ничего не поняла, но когда открыла забрало, то там не оказалось лица, и я страшно испугалась. А тут еще ты навалился на меня, как злодей, из темноты. Но я знаю что ты не сделал ничего плохого с Фавианом. Теперь я понимаю, почему тебя взяли на службу, в замок, хотя раньше меня удивляло твое присутствие среди нас.
- Вы имеете в виду, что я подхожу для определенной роли, Конан взглянул на дверь, оставленную Калиссой приоткрытой. Но эта роль сегодня ночью только началась, а вот когда она кончится не знаю. Во всяком случае, мы не можем сидеть сейчас спокойно рядом с кроватью вашего брата. Один из нас он или я очень притягивает внимание убийцы.
- Тогда в моей комнате нам будет спокойнее, Калисса взяла Конана за руку и повела через задрапированную дверь в соседнюю комнату.

Пройдя через маленький узкий, коридорчик, они вошли в комнату Калиссы и заперли дверь на ключ

- Так вы знали о сегодняшнем отравлений? спросил Конан, усаживаясь рядом с ней на мягкую удобную кровать.
- Да. Хотя и не понимаю, как могло быть задумано это покушение, ведь мой брат в это время сидел на скамье рядом со мной и пил такой же мед, только не отравленный, ответила Калисса, устраиваясь на подушках.
- Кубок предназначался мне, мрачно произнес Конан. А затем, чтобы скрыть следы, Своретта убил отравителя.

Неужели ты вдруг стал такой важной персоной и попал в самый центр интриг, плетущихся вокруг нашей семьи? — скептически поинтересовалась Калисса, но Конан уловил нотку зависти.

- Да нет, просто я всем своим видом раздражаю Своретту. Убив меня, он докажет барону, что вокруг полно мятежников и подтолкнет его к решительным действиям. А тем самым увеличит и свою власть.
- Может быть, это и правда, задумчиво проговорила Калисса. У Своретты всегда здесь были сильные позиции, но его тайная власть намного сильнее.

- По-моему, только один Лотиан пытается противостоять ему.
- Да, Лотиан! усмехнулась Калисса. Наш безобидный болтливый детский учитель. Как раз сегодня мой отец грозился заковать его в железо за то, что он посмел отговаривать его от суровых мер против мятежников. Ну и удовольствие я получила сегодня от праздника!
- Я рад, что мне не пришлось в нем участвовать. Хотя все же и я успел получить кое-какие удовольствия.
- О, Конан! Калисса вдруг страстно обняла его за плечи. И все же это мог быть прекрасный вечер, несмотря на все интриги! Этот праздник напомнил мне детство, когда наш дом был окружен садами и оживлен лучшими бардами и танцорами. Праздники были каждый вечер, и в них принимало участие столько гостей! Наша страна была тогда намного счастливее...
 - А что было, когда госпожа Хильда была жива?
- О, это было давно, вздохнула Калисса. Даже Фавиан слишком молод, чтобы помнить все хорошо. С тех пор многое изменилось. Мой отец... она вдруг замолчала.
 - Барон не был таким жестоким правителем в те времена?
- Нет, он был благородным рыцарем, героем. А мать была как добрая фея, она смягчала его гнев и выводила его из уныния. О, нет, она не была слабой, они вместе прекрасно дополняли друг друга. Она принесла тепло не только в дом, но и в весь Динандар. Ее смерть была большой потерей для всех и величайшим преступлением, она вновь замолчала. Если бы она была жива, то и я была бы лучше.
- A еще ваша семья это длинная линия свирепых воителей, закаленных в боях и бесчувственных к смерти и страданиям, не так ли?
- Да, у нас есть такой семейный культ. Эта старая легенда помогает иногда, когда надо собрать силы для борьбы. Немедия беспокойная страна, то крестьянские бунты, то войны с другими баронами. К тому же Динандар не окружен, как другие провинции, горами и реками, так что отец восполняет эту незащищенность постоянной боевой готовностью. Он не надеется жить в мире. Он одержим войной.
 - А как насчет охраны вашего рода предками Эйнарсонов?
- Ну, нет, это уже сплошные суеверия! Глаза Калиссы сверкнули в темноте. Меня это нисколько на волнует. Надеюсь, что и Фавиан забудет эту чепуху, когда станет бароном. Я могу помочь ему править мудро, у меня есть идеи, как улучшить торговлю в провинции, как более справедливо собирать налоги. Мой отец ни за что не будет этим заниматься, потому что это якобы отклонение от традиций нашего рода. Они игнорируют мое мнение по государственным вопросам, потому что я женщина, они даже не собираются взять меня в завтрашний поход! Но на Фавиана я имею кое-какое влияние.
- И поэтому вы прокрадываетесь ночью в кровать вашего брата, чтобы тайно совещаться с ним о государственных делах? Неужели вы думаете, что его это интересует? По-моему, он больше увлечен выпивкой и любовными похождениями, чем заботой о хорошем правлении.

Калисса приподнялась, бросив гневный взгляд на Конана, но затем неохотно кивнула:

— Мы действительно теперь не так близки, как раньше, а в последнее время у Фавиана появилось все больше диких выходок. Я тоже изменилась не в лучшую сторону. И если бы не сверхстрогий контроль нашего отца, все могло быть и хуже. Но на самом деле отцу надо всего лишь позволить Фавиану хоть ненадолго ощутить власть, тогда он перестал бы заниматься глупостями и почувствовал бы ответственность и за власть, и за страну. Но отец не доверяет Фавиану, — Калисса откинулась на спину и грустно рассмеялась. — Как странно, что великий барон дорожит своим сыном и наследником превыше всего, разрабатывает сложнейшие планы для его защиты, но при этом относится к нему о презрением, не проявляя ни малейшего признака отцовской любви.

- Кажется, я его понимаю, пробормотал Конан и не в силах больше сдерживаться, начал ласкать Калиссу. На его месте я бы отправил Фавиана в поход не с мечом, а с кнутом в руках.
- Телохранитель, ты просто дикарь, с упреком сказала Калисса, отвечая на его ласки. Лорды часто ведут себя... сумасбродно. Как можно ожидать от кого-нибудь сильного правления, если он никогда не испытал на себе всей крайности власти, даже те, что управляют жизнью и смертью его подданных? Я знаю, что некоторые из наиболее справедливых и всеми любимых правителей как раз отличаются наиболее эксцентричными выходками или распущенностью. Например, наш король Ласло, который живет в роскоши и для своего ублажения держит гарем разного цвета и пола, Слова Калиссы изредка прерывались стонами удовольствия от ласк Конана. Конечно, некоторые из нас я имею в виду людей высокого происхождении свободны от этих слабостей. Но некоторые кажутся чересчур легкомысленными. И все же по сравнению с другими пирушки и любовные приключения моего брата вполне невинны. Кроме того, женщины почти любого круга первыми ищут с ним встречи. Он ведь у нас красавчик, Она приподнялась и взглянула на Конана. Как и ты.
- Значит, вот почему я тебе нравлюсь, произнес Конан, уже едва владея собой. Потому что я похож на твоего брата! Значит, я обязан Фавиану, что ты отдаешь мне сейчас свою любовь?
- Осторожно, телохранитель! Так ты можешь зайти слишком далеко. И вообще, хватит уже болтать, Калисса попыталась стащить с себя плащ, который все еще был на ней. Сними его с меня. Он нам будет мешать.

Она изогнула спину, и Конан нетерпеливо сдернул с нее плащ, бросив его на пол. Когда он при свете луны взглянул на ее обнаженное тело, все поплыло у него перед глазами.

Глава 7. Гонка

- Вон там стоит замок Эдрам, в излучине реки Урлауб, сказал маршал Дарвальд, поравнявшись с колесницей. Мы будем там уже на закате.
- Да, господи, хвала Эйнару! натянув поводья, Свайнн погнал колесницу к высокой насыпи, чтобы получше разглядеть долину. По крайней мере мы уже миновали холмы и горы с их ужасными каменистыми дорогами!

Конан, держась за бронзовое ограждение колесницы, поднялся со скамьи и увидел то, на что указывал Дарвальд — невысокий, но мощный замок, стоявший в изгибе реки в самом центре долины. Построенный из желтого камня, он состоял из пяти круглых башен, соединенных галереями, и внутренним двором с немногочисленными постройками. Напротив главных ворот через реку был перекинут узкий каменный мост с тремя арками.

Неплохое поместье для землевладельца и хорошо защищенное, подумал Конан. К тому же богатое, судя по сочным зеленым полям по обеим сторонам реки и многочисленным домикам, начинавшимся прямо от моста. Кто бы ни владел замком Эдрам, он явно господствовал во всей долине и имел надежный источник налогов и податей.

Дорога пошла вниз, петляя между поросшими лесом холмами. Замок приближался, обещая усталым путникам более гостеприимный ночлег, чем продуваемая ветром пещера в холме, где они провели предыдущую ночь, почти без сна, прислушиваясь к завываниям сов и волков и ежеминутно ожидая нападения разбойников.

Конечно, сорок всадников Бальдра, вооруженные пиками и мечами, не так уж боялись нападения грабителей или мятежников. Но барон продолжал терзаться страхом за жизнь своего сына, поэтому в отряде царила напряженная атмосфера. Сам Фавиан ехал в середине отряда, держась чуть в стороне, в обычной кавалерийской форме, с мрачным и обиженным видом. Впереди конников ехала колесница, управляемая Свайнном, на широкой скамье которой скучал Конан, одетый в доспехи лорда. За колесницей гарцевал на великолепном белом скакуне барон Бальдр в сопровождении Дарвальда и двух других старших офицеров. Своретта в походе не участвовал, он остался в Динандаре держать бразды правления на время отсутствия барона.

Когда дорога спустилась в долину, замок потерялся из виду за лесистыми холмами, и Конан, устав бездельничать, обратился к Свайнну:

- Слушай, дай мне хоть для разнообразия немного подправлять колесницей! Я наблюдал, как ты это делаешь всю дорогу и думаю, что справлюсь, С трудом удерживая равновесие на грохочущей платформе, он встал рядом с возницей и протянул руку к поводьям.
- Нет, варвар! Резко дернув поводьями, Свайнн внезапно погнал колесницу в сторону, отчего Конан, не удержавшись, рухнул обратно на скамью. Если я и вынужден гнуть спину перед тобой, то это только тогда, когда рядом толпы наблюдающих. А здесь ты будешь слушаться меня! Куда тебе управлять колесницей, это искусство тонкое и к тому же благородное!

Пробормотав сквозь зубы проклятие, Конан вновь поднялся.

- Если управление колесницей такое благородное занятие, то почему же все аристократы предпочитают ездить верхом на коне? Свайнн засмеялся.
- Лорд Фавиан сейчас охотно поменялся бы со мной местами! Он очень ловко умеет управлять колесницей. Ты напрасно думаешь, что он такой уж бездельник и пьяница. Вот сейчас ему наверное не по себе, видя, как ты занимаешь его место, Он оглянулся назад, выхватив взглядом из строя всадников угрюмого лорда Фавиана.
- Ладно, я думаю, у него еще найдется повод развеселиться, пробормотал Конан. Дорога снова выровнялась, и он уже уверенно стоял на ногах. Когда-нибудь я тоже научусь управлять

колесницей. Но лучше начать это делать прямо сейчас! — он вдруг вырвал поводья из рук Свайнна, оттолкнув его в сторону.

— Эй, ты что, варвар! — крикнул Свайнн, но вдруг как-то странно застыл и навалился на Конана. — A!..

Конан удивленно взглянул на хрипевшего возницу и увидел длинное древко стрелы, глубоко вонзившейся в его спину, пронзив черный стальной панцирь, как будто он был сделан из пергамента. В тот же момент другая стрела вонзилась в тело Свайнна с другой стороны, пробив панцирь и глубоко войдя в грудную клетку. Еще несколько стрел ударило по колеснице, одна из них с такой силой стукнула Конану по шлему, что искры посыпались у него из глаз.

Чуть поодаль громко заржала и рухнула на дорогу лошадь, всадник кубарем скатился с нее, но тут же вскочил на ноги. Это был маршал Дарвальд. Вырвавшийся вперед конь Бальдра, шатаясь, преградил колеснице дорогу — из его прекрасной белой шеи торчала длинная стрела. Кони, везущие колесницу, рванулись в сторону, и Конан едва удержался на ногах, отчаянно пытаясь справиться с поводьями. Стрелы уже сыпались дождем, кругом раздавались крики и ржание лошадей. Казалось, начинается паника.

Конану мешало тело Свайнна, навалившееся на него, и он с трудом сбросил его на пол. Глаза возницы уже остекленели. Пригибаясь под градом стрел, Конан изо всех сил тянул поводья, но испуганные лошади поднимались на дыбы и пятились назад, едва не опрокидывая колесницу. Он попробовал отпустить поводья, но лошади помчались в разные стороны, и Конан едва не вывалился из колесницы.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

— Расставь пошире ноги, удерживай равновесие! Сейчас все будет в порядке! — прокричал ему в ухо чей-то голос.

Это был Фавиан, который ловко прыгнул с седла своего коня на дно колесницы. Ударившись о скамью и споткнувшись о тело Свайнна, он тут же выпрямился и нашупал поводья среди яростно хлещущих лошадиных хвостов.

— Ну теперь держись! И отодвинься немного, дай мне пространство! — Кожаные поводья словно ожили в руках Фавиана, лошади слаженно рванули вперед, и колесница понеслась прочь от дороги по поляне, утопая, в густой нескошенной траве.

Конан решил, что Фавиан поворачивает назад, чтобы спастись бегством от засады, но вдруг с тревогой увидел, что они мчатся прямо к краю густого леса, откуда не переставая сыпался град стрел. Одна из стрел пролетела между головами коней и едва не угодила в Конана, прожужжав совсем близко от его уха.

— Хорошо, что колесницу так трясет! — прокричал Фавиан. — Мы не очень-то хорошая мишень для них.

Вместо ответа Конан выхватил меч и поднял его над головой, держась одной рукой за поводья.

— Нет, нет, ты дурак! Не меч! Копье! — погнав лошадей еще быстрее, крикнул Фавиан. — Сейчас только копье!

Конан вытащил из колчана, привязанного к колеснице, короткий дротик и, взвесив его в руке, занес над плечом.

— Так, теперь пригнись пониже!

Конан изумился, увидев, что Фавиан не остановил колесницу перед деревьями, а погнал ее прямо в лес. Он едва успел пригнуться, как над ним тут же замелькали ветви деревьев, некоторые из которых, расположенные особенно низко, хлестали его по шлему и древку копья.

Внезапно он увидел темные фигуры, закутанные в плащи, с низко надвинутыми на лицо капюшонами, которые разбегались в разные стороны. Один из убегавших повернулся, поднял

свой огромный лук и натянул тетиву. Рука Копана тут же напряглась, и копье полетело вперед, пронзив незащищенную грудь лучника, который согнулся и упал на бок. Куда улетела стрела, Конан даже не заметил.

— О, да у тебя есть сноровка в этом деле! — весело крикнул Фавиан и резко повернул колесницу в сторону. — Я буду загонять их, а ты убивай! Вот еще один!

Конан приготовился метнуть копье, но на этот раз оно не понадобилось. Убегавший заговорщик споткнулся об упавшую ветку в нескольких шагах от лошадей, одна из которых в то же мгновение вздыбилась и втоптала его в густой мох. Конан ощутил вызвавший тошноту мягкий толчок, когда обитое железом колесо проехало по телу.

— Так, еще один! Разбежались, как крысы, трусливые предатели! Конан, здесь осторожно! — крикнул Фавиан и пригнулся. Колесница взлетела в воздух и пронеслась над упавшим стволом, но не успел Конан выпрямиться, как началась еще более дикая тряска через заросли кустарников и поваленные стволы деревьев.

Они еще раз проехали по человеческому телу, — теперь Конан уже не обратил на это внимание — и погнались за двумя заговорщиками, пытавшимися скрыться за буреломом. Догнав их и убив, они вновь развернулись и помчались дальше в поисках оставшихся в живых фигур в темных плащах.

Услышав сзади крики и топот копыт, Конан оглянулся и увидел, что всадники барона Бальдра тоже мчатся по лесу, преследуя других мятежников. Некоторым из них не повезло — один всадник получил стрелу в горло, двое других были сброшены с коней низко висящими ветвями.

— Все равно слава будет за нами! — крикнул Фавиан, чье внимание было сосредоточено на просеке, видневшейся впереди. — Колесница может проскочить там, где всаднику не проехать, потому что он слишком высоко сидит в седле.

Юный лорд подстегнул коней, и колесница помчалась по узкой извилистой тропе, преследуя двух убегавших заговорщиков. Под поистине демоническим управлением Фавиана, ее колеса, казалось, проводили больше времени в воздухе, чем на земле, перелетая через огромные стволы и массивные скрюченные корни. Гонка становилась все более бешеной, и при каждом полете через очередное препятствие риск вылететь из колесницы для обоих пассажиров все больше и больше возрастал.

— Эй ты, трус! Повернись и сражайся! — Фавиан погнал колесницу на одного из бегущих, который внезапно остановился между двумя деревьями и поднял лук. Фавиан резко рванул в сторону, и стрела пролетела мимо. Не давая заговорщику опомниться, Фавиан помчался прямо на него, чтобы дать Конану возможность нанести точный удар.

Заговорщик повернулся, собираясь бежать, но копье уже пронзило ему спину. Не собираясь бросать копье, потому что оно было последним, Конан на ходу схватил его, но оно так глубоко вошло в тело заговорщика, что пришлось протащить его несколько шагов за колесницей.

Вытащив наконец копье, киммериец поднял его, приготовившись настичь свою последнюю жертву. Но тот, за кем они гнались, уже перелезал через огромный ствол, перескочить через который даже для Фавиана было не под силу. На мгновение заговорщик обернулся и взглянул на Конана, затем спрыгнул вниз и исчез. От этого взгляда Конану стало не по себе. Он ощутил странную уверенность, что ему знакомо лицо, на миг мелькнувшее из-под капюшона. Это было лицо женщины.

— Проклятый змеепоклонник! Ты все равно от меня не уйдешь! — разгоряченный преследованием, Фавиан направил колесницу в объезд, продираясь между запутанных корней огромного дерева. Но ему пришлось остановиться у высокой насыпи, внизу под которой плескался узкий, но глубокий ручей, извиваясь между больших валунов.

Конан соскочил с колесницы и бросился вперед, но женщины нигде не было. Журчание и шум воды заглушали все другие звуки, и как Конан ни прислушивался, не смог уловить ни треска ветки, ни шороха кустов.

Он вернулся к колеснице и помог Фавиану позаботиться о взмыленных, полуживых лошадях. Топот копыт и громкие голоса известили о прибытии всадников, впереди которых ехал Бальдр с выражением крайней тревоги на лице.

- Фавиан! Вот он где! Идите сюда! крикнул он, махнув рукой остальным. Мальчик, зачем же ты умчался так далеко на этой колеснице?
 - Отец, мы убивали мятежников, начал было Фавиан.
- Чтобы больше этого не было! гневно прервал его барон. Тебя самого могли убить, и тогда наш род оборвался бы! Все, с этого момента ты будешь всецело под моим наблюдением.

Рядом с ними остановился маршал Дарвальд.

- Милорд, это был в высшей степени героический поступок! А какое искусство управления колесницей показал Фавиан! В конечном счете именно он разогнал мятежников и стольких их уничтожил по пути.
- Да, неохотно кивнул Бальдр. И варвар тоже показал способность управляться с копьем. Но все же, Фавиан, ты должен научиться быть настоящим командиром и вести свое войско с достоинством, сидя на красивом коне.

Ничего не ответив, Фавиан пошел к воде, чтобы наполнить шлем и напоить лошадей. На мгновение Конан увидел его лицо, искаженное гневом и мокрое от слез.

Продираясь сквозь деревья, к барону подъехал офицер и доложил:

- Одиннадцать мятежников мертвы, господин. К сожалению, никто не остался в живых, чтобы мы могли его допросить. Мы думаем, что еще пятеро или шестеро могли ускользнуть, но преследовать их в этом лесу было бы опасно.
- В этом просто нет необходимости. Сквайр Ульф хорошо знает эту область и скажет нам, как лучше найти их, барон повернулся к Дарвальду. У них была какая-то особая ожесточенность. Похоже, что это поклонники того самого пресловутого культа змеи, судя по их капюшонам. Как вы считаете?

Маршал неопределенно кивнул, будто обдумывая, стоит ему высказывать свое мнение или нет.

- Пока трудно сказать, милорд, наконец произнес он. Плащи явно предназначались для того, чтобы их не узнали. Но те несколько голов, которые у нас теперь есть, могут вывести нас на тех, кто это организовал. А что касается принадлежности к какому-либо культу, то среди мертвых заговорщиков я не нашел никаких фетишей, так же как и знаков отличия.
- Может быть, это просто разбойники, причем самые отвратительные! крикнул в справедливом негодовании Бальдр, и мертвый глаз его вдруг демонически сверкнул. Они убили наших лучших коней! Но проклятые свиньи еще заплатят за убийство этих прекрасных и очень ценных животных!
 - Да, господин. Если бы они были просто грабители, то пожалели бы коней.
- И что только побуждает этих негодяев поднимать восстания и принимать отвратительные религии! в сердцах оказал барон и повернул своего, теперь уже простого коня. Ладно, поехали, надо вернуться на дорогу. Вывози эту повозку отсюда, Фавиан, если можешь, и следуй рядом с нами. Как только мы приедем в замок Эдрам, то сможем узнать у сквайра Ульфа побольше об этих проклятых убийцах. Вперед!

Глава 8. Кровавая река

— Итак, теперь вы понимаете, что эта схватка для обеих сторон дорого стоила, — сказал барон Бальдр, отпив глоток вина из серебряного кубка. — Мы потеряли дюжину наших солдат и несколько лучших коней. В свою очередь мы нанесли им ответный удар и уничтожили большинство из них. Даже мой сын, которому не терпелось показать себя в бою, принял небольшое участие в этом столкновении, — Бальдр взглянул через стол на Бальдра, который сидел в нише окна круглого обеденного зала.

Молодой лорд не ответил ни взглядом, ни словом, все время обеда оставаясь молчаливым. Вертя в руках свой кубок, он задумчиво смотрел в окно. Его двойник Конан сидел в дальнем углу стола и рвал руками остатки жареной свиньи, к которой все остальные, насытившись, уже потеряли интерес.

Хозяин замка, толстый сквайр Ульф, неуклюже повернулся в кресле, чтобы взглянуть на барона.

- Да, милорд, я очень сожалею о ваших потерях. Позор для всей нашей области! Надо было моим людям и мне самому поехать вперед и встретить вас наверху, на холмах. Лучше бы я принял стрелу, которая убила вашего благородного скакуна! он приложил мясистую руку к своей широкой груди и закатил глаза, как будто бы и впрямь был пронзен стрелой. Милорд, обещаю вам принять самые решительные и жесткие меры против мятежников, причем немедленно!
- Мы поможем вам, кивнул барон и взглянул на маршала Дарвальда, затем вновь повернулся к Ульфу. У вас есть какая-нибудь идея насчет местного источника этого мятежа?
- О да, милорд, энергично кивнул Ульф, почесав небритые щеки. Ересь и вероломство сейчас скрываются во многих домах, особенно после возрождения культа змеи. Местами существуют просто целые гнезда змеиных последователей. Вот, например, одна деревня всего полдня езды отсюда там целый рассадник этих негодяев, просто настоящий гадюшник! Если бы вы могли послать туда часть ваших элитных сил, милорд, то мы бы справились с ними, а одному мне, боюсь, это не под силу. Нисколько не сомневаюсь, что именно они приложили руку к предательскому нападению на ваш отряд!
- Понятно, задумчиво произнес барон и снова искоса бросил взгляд на Дарвальда. Хорошо, сквайр, я рад, что вы предложили конкретный план действий, не ставя перед нами неразрешимых загадок и не высказывая бесконечных предположений. Мои люди поедут туда.
- Да, милорд, но действовать надо осторожно, сказал Дарвальд, поглядывая на толстого сквайра с некоторым сомнением. Если вы помните, мы заметили, что ткань, из которой были сделаны плащи, явно городской работы, может быть, из Динандара или Нумалии. Может быть, мятежники пришли сюда с запада.
- Да, но несомненно, у них есть местная поддержка. Ведь почему они не напали на нас на холмах? И куда они попрятались? Нет, маршал, иногда бывают такие ситуации, когда лучше всего действовать быстро и решительно, без тени колебания, Бальдр вновь взглянул на Ульфа. Я пошлю своих всадников вам в помощь. Поведет их мой сын Фавиан на этот раз должным образом, в кавалерийской форме, на сильном боевом коне. Вы тоже поедете, Дарвальд, и будете присматривать за мальчиком. Варвар, конечно, тоже поедет, чтобы обезопасить жизнь моего наследника.
 - Да, барон, покорно наклонил голову Дарвальд.
- Спасибо, господа, подобострастно заулыбался Ульф, но его маленькие глазки смотрели хитро и настороженно. Мы отправим отряд завтра перед рассветом. Сам я останусь

с вами в замке, чтобы обеспечить вашу безопасность и комфорт.

Барон величественно кивнул и посмотрел на сына. Он ожидал, что Фавиан обрадуется и будет горячо благодарить его за столь широкий жест — назначить командовать боевым отрядом всадников ведь не шутка! Но молодой лорд лишь равнодушно оглядел всех присутствующих и вновь стал смотреть в окно. Барон почувствовал разочарование.

Неловкое молчание нарушил Дарвальд:

- Сквайр, вы сказали, что знаете еще что-то о культе змеи. Это так?
- Не просто знаю, злорадно улыбнулся Ульф и самодовольно посмотрел на барона. У меня есть пленник! Он сложил жирные руки на груди, наслаждаясь впечатлением, которое произвел на гостей. Недавно я послал отряд сборщиков налогов вытрясти долг с одного упрямого землевладельца, что живет к востоку отсюда, на Варакильских топях, так вот, они обнаружили его дом заброшенным, а ферму горящей, и никаких следов самого хозяина. Но в лесу неподалеку они выследили мародерствующих мятежников и схватили одного. Он преданный поклонник культа змеи, хотя, вероятно, только недавно приобщившийся.
- И где же этот пленник? Барон нетерпеливо поднялся с места. Когда мы сможем его увидеть?
- Да хоть прямо сейчас, милорд Бальдр. Мы оставили его в живых специально для вас, Ульф тяжело поднялся с кресла. Хотя должен вас предупредить, он не склонен сотрудничать с нами, власть Сета в нем очень сильна. Мы к нему применяли и огонь и воду, но дьявола изгнать не удалось.
- Я надеюсь, что после этого он еще будет в состоянии выслушать наши вопросы, пробормотал Дарвальд и, поднявшись, последовал за бароном и Ульфом. Конан тоже пошел за ними, прихватив заодно пару спелых груш со стола. Замыкал шествие Фавиан, оторвавшийся наконец от созерцания реки за окном.

Они прошли по широкому парапету, соединявшему две из пяти башен замка. Лучи полуденного солнца освещали красивый пейзаж, расстилавшийся внизу, — зеленые поля с желтыми соломенными крышами домов и вьющаяся между чистая река, в которой отражалось голубое небо.

Ульф привел их в следующую башню и остановился перед парой стражников, стоявших по обе стороны тяжелой металлической двери.

— Мы используем северную башню как сторожевой пункт, — объяснял он гостям, открывая замок. Помещения Эдрама слишком сырые из-за реки, поэтому у нас нет специальной тюрьмы. Но все же мы нашли подходящее помещение.

Ульф толкнул дверь внутрь и провел их в комнату, в которой было тепло из-за раскаленной жаровни в углу. Лучи солнца пробивались сквозь узкие стрельчатые окна, расположенные высоко в стенах. Ниже стены были украшены конской упряжью и различными инструментами, казавшимися здесь неуместными. Еще какие-то приспособления были в беспорядке разбросаны по полу.

В центре комнаты они увидели огромное колесо, подвешенное цепью к крюку на потолке, к которому был привязан человек.

Это был простой крестьянский парень в грубой одежде, сквозь прорехи которой были видны следы ожогов, ошпаривания и других пыток. Пленник никак не отреагировал на появление людей, его бледное измученное лицо словно застыло.

— Он ничего не говорит, кроме каких-то странных проклятий, — пояснил Ульф. — Но когда его брали, он боролся как дьявол. — Сквайр указал рукой на жаровню с тлеющими розово серыми углями. — Милорд, не попробуете ли вы поговорить с ним при помощи раскаленных щипцов? Может быть, вы добьетесь большего успеха, чем мы!

- Но барон не обратил внимания на предложение Ульфа, скептически разглядывая пленника.
- Да он же просто мальчишка, с явным разочарованием произнес он. Ничего себе страшный мятежник!
- Надо сказать ему «Каа нама каа ладжерама», заметил Фавиан, стоявший у дверей. Те, кто не являются последователями змеиного бога, могут спокойно произносить эти слова.

Маршал Дарвальд подошел к узнику, взяв на себя роль доброго следователя.

- Эй, парень, не бойся, я не причиню тебе вреда, внимательно вглядевшись в лицо парня, он вдруг в ярости повернулся к Ульфу. Как он может нам что-нибудь сказать? Какой дурак изуродовал ему рот?
- Нет, нет, это часть змеиного ритуала! поспешно проговорил Ульф и, схватив со стены ненагретые щипцы, подошел к узнику. Они разрезают свои собственные языки, только так они могут произносить священные заклинания Сета, Он сунул щипцы в рот парня, чтобы достать язык, но мгновенно отскочил назад, бросив щипцы на пол, когда жертва вдруг ожила и зарычала.
- Хатасса фа Сатан! Са Сета эфанисса, на! злобно произнес узник, высунув раздвоенный язык, двигавшийся так же быстро, как язык змеи. После яростной вспышки парень снова сник, огонь в глазах погас, и тело безжизненно обвисло на своих путах.
- Что он сказал? спросил Бальдр, окинув взглядом присутствующих. Кто-нибудь знает этот язык?
- Это не местный диалект, милорд. И вообще не человеческий, я думаю, пожал плечами Ульф. Я не знаю, что это значит, но уверен в одном завтра утром я буду внимательно смотреть под ноги, чтобы не наткнуться на гадюк!

Конан, успевший по дороге съесть одну грушу, уже потерял всякий аппетит и положил вторую на прожженный деревянный стол. Импульсивно он шагнул вперед, еще не зная, что собирается делать, и невольно удивляясь охватившей его ярости.

Воспоминания о тюрьме в Динандаре были еще живы в нем, и вид этой камеры пыток с подвешенной к колесу жертвой был ему невыносим.

Но взглянув на узника, он понял, что его вмешательство уже не нужно. Последний остаток жизни покинул истощенное тело, голова узника откинулась назад и глаза закатились. Ощутив тошноту и почувствовав себя загрязненным, Конан повернулся и вышел на освещенный солнцем парапет.

* * *

Следующим утром двойная цепь всадников ехала через луга долины Урлауб. Подъехав к лесу, они собрали ветки, сделали вязанки и привязали их к своим седлам. Конан, благодаря своему аристократическому виду, был освобожден от этого занятия. Он ехал рядом с Дарвальдом и Фавианом, который был по-прежнему угрюмым и неразговорчивым.

Юный лорд произносил только короткие отрывистые команды, и только один раз обрушился с яростной бранью на какого-то солдата, который нарушил линию. Двадцать всадников, выделенных Бальдром, заметно отличались от людей Ульфа, неряшливых и мрачных. Конану особенно не понравился один, с лицом хитрого зверька, который ехал впереди, указывая дорогу.

Когда солнце уже клонилось к полудню, пастбища кончились и начались зерновые поля. Один из всадников Бальдра, Фермер по происхождению, горестно вздохнул, глядя как конские копыта топтали стебли роскошного налитого овса. Его товарищи, заметив страдания бывшего фермера, начали подшучивать над ним, громко смеясь.

Фавиан резко крикнул, приказывая им молчать. После короткого совещания с Дарвальдом и провожатым он дал знак отряду остановиться. Велев людям Ульфа зажечь факелы и масляные сосуды, молодой лорд вновь устремился вперед, остальные последовали за ним.

Сначала Конан не видел никакой цели впереди, хотя провожатый громко уверял офицеров, что она совсем рядом. Отряд мчался быстро, топот копыт был приглушен мягкой почвой и высокой, по колено, травой. Никаких препятствий им на пути не встречалось — богатые поля не были разделены ни изгородями, ни заборами.

Внезапно впереди показались согнутые фигуры в грубой крестьянской одежде. Бросив свою работу, они выпрямились и с тревогой смотрели на приближавшихся всадников. Поняв, что им угрожает опасность, крестьяне побросали свои мотыги и в панике стали разбегаться в разные стороны. К своему изумлению Конан услышал лязг вытаскиваемых из ножен мечей и злорадные мстительные крики всадников. В считанные мгновения все было кончено — не оказавшие сопротивления крестьяне остались лежать на поле, изрубленные мечами или раздавленные копытами коней, при этом отряд даже почти не снизил скорости, чтобы преодолеть это препятствие.

Да, эти хайборийцы грубо играют, подумал Копан. Похоже, друг друга они убивают с большей охотой, чем иноземцев. Он почувствовал облегчение от того, что ни один из несчастных крестьян не попал под копыта его коня.

Вскоре перед ними показались цветущие сады и спрятавшиеся между ними крестьянские хижины. Строй всадников образовал изогнутую линию, чтобы окружить деревню со всех сторон, и с зажженными факелами двинулся вперед.

Удивление и паника, вызванные их появлением, были всеобщими. Испуганные люди разбегались во все стороны в поисках какого-либо убежища.

На центральную площадь деревни ворвались офицеры во главе с Фавианом, размахивавшим мечом и громко кричавшим. Конан следовал за ним на некотором расстоянии, то и дело поворачивая коня, чтобы не наскочить на упавшие тела.

Теперь он понимал, как был наивен, когда ожидал, что сначала жителям деревни будет провозглашено какое-нибудь официальное уведомление барона, затем начнутся расспросы и допросы, выявление зачинщиков и только потом, если понадобится, показательная казнь. Но то, что он увидел, было просто самой настоящей кровавой бойней. Мужчин, женщин и детей резали беспричинно, как будто для пробы оружия. Особенно усердствовали люди местного сквайра, которые с вожделенными криками набрасывались даже на домашних животных, яростно разрубая их на куски. Всадники барона убивали своих жертв более умело и избирательно, направляемые громкими непрерывными командами Фавиана. Перед глазами Конана на миг мелькнули кровавые сцены разграбления Венариума, но то, что происходило сейчас вокруг него, казалось северянину особенно диким — здесь никто не оказывал сопротивления, да и грабить было нечего.

Конан никогда не думал, что убийство одних немедийцев другими так глубоко коснется его сердца, но теперь он чувствовал все возраставшую тяжесть на душе. Он соскочил с коня и повел его, с трудом прокладывая себе дорогу между мечущимися крестьянами и атакующими их всадниками. Это не схватка, сказал он себе, и я не убийца, чтобы принимать участие в избиении младенцев.

Когда крики жертв стали раздаваться все реже, в игру вступили факелы. Зеленые посевы на полях вряд ли могли быть уничтожены огнем, но края соломенных крыш мгновенно вспыхивали от легкого прикосновения пылающего факела. Древками пик всадники открывали двери и выламывали оконные ставни в домах, бросая туда зажженные вязанки хвороста. Раздались новые крики — на этот раз от людей, которые пытались укрыться в домах. Они в панике выскакивали

наружу, но тут же падали, разрубленные поджидавшими их захватчиками.

Ощущая подкатившую к горлу волну тошноты, Конан смотрел на эти ужасные сцены, понимая, что несчастная деревушка, не оказавшая никакого сопротивления, едва ли могла быть логовом опасных бунтовщиков, как это представил им Ульф.

Внезапно его внимание привлекло чье-то лицо, мелькнувшее в просвете между двумя горящими домами. Несмотря на густые клубы дыма, почти скрывавшие его, оно показалось Конану знакомым.

Бросив коня, он помчался между домами, задыхаясь от едкого дыма. Пробежав мимо них, он остановился и стал вглядываться вперед, в густые заросли ивняка, окаймлявшие берег реки. Заметив несколько фигур, мелькнувших в них, он бросился туда с зажатым в руке мечом.

Едва он сделал несколько шагов, продираясь сквозь заросли, как на него набросился с вилами молодой крестьянский парень. Сильным ударом меча Конан вышиб вилы из его рук, а затем плашмя ударил мечом ему по голове, сбив парня с ног. Тот рухнул, как подкошенный, и затих, но Конан знал, что не причинил ему особого вреда и, оставив крестьянина, бросился дальше, к поросшей тростником кромке реки.

Он увидел четырех беглецов, пытавшихся спустить на воду лодку, привязанную к дереву. Тот, что был выше всех ростом, обернулся, и Конан узнал вчерашнего мятежника, ускользнувшего от них с Фавианом в густом лесу.

Капюшон откинуло ветром назад, и на Копана теперь смотрела привлекательная женщина с длинными заплетенными волосами. С ней было трое деревенских детей. Один из них, костлявый мальчишка с покрытым копотью лицом уставился на Конана, сжимая в руке нож с обломанным лезвием, женщина схватила мальчика за ворот и притянула к себе.

— Займись лодкой, — сказала она ему с твердым немедийским акцентом и, вытащив из-за пояса длинный прямой кинжал, молча стала ждать своего преследователя.

Внезапно в зарослях раздался треск, и Конан увидел одного из солдат Бальдра, ветерана с пышными усами, продиравшегося на коне сквозь кусты.

— Ага, тут еще девка и трое щенков! Сейчас я вам покажу катание на лодке! — весело крикнул он, и вдруг лицо его исказилось гримасой боли и удивления. — Ты что, парень?... А!

Солдат качнулся в седле, его конь испуганно заржал, когда меч Конана угодил ему в живот, не защищенный панцирем. Тем не менее ветеран поднял свой меч, собираясь оказать сопротивление, несмотря на вспоротый живот. Второй удар сбил его с коня, но он все еще пытался подняться, сжимая в руке меч. Конан еще раз взмахнул оружием, и солдат остался лежать на земле с пробитым горлом; его конь, почуяв запах крови хозяина, с диким ржанием и обезумевшими глазами ускакал обратно в кусты.

Киммериец повернулся к реке и увидел, что четверо беглецов наконец отвязали лодку и толкали ее теперь вглубь реки.

— Подождите! — крикнул он, но затем слова замерли у него в горле. Лодка уже уплывала и вскоре скрылась из виду за склонившимися к воде деревьями, женщина больше не оглядывалась.

Конан окинул взглядом реку. Кое-где у берега ее чистая вода была окрашена красными пятнами крови — следы бойни в деревне — а местами ее вид был еще более ужасным. Затянутое дымом небо и неистово пляшущие огни горящей деревни отражались в реке, придавая ей зловещий вид адского потока.

Лодки больше нигде не было видно, и Конан отвернулся от реки и зашагал по берегу. Увидев тропинку в зарослях ивняка, он повернул по ней навстречу крикам и огням.

По дороге он остановился только один раз, оторвав за горящим домом одного из головорезов Ульфа от отчаянно боровшейся с ним деревенской девушки. Перерезав ему горло своим мечом, Конан бросил тело в кусты и подождал, пока девушка добежала до реки.

Затем он двинулся между горящих домов к самому центру ада, где увидел сидевшего на коне Дарвальда, который молча наблюдал, как Фавиан охрипшим голосом отдавал громкие команды своим солдатам, приказывая им бросать все новые и новые вязанки хвороста в дома, чтобы быть уверенным, что они сгорят дотла.

Конан подошел к маршалу и мрачно взглянул на него.

— Дарвальд, я знаю, почему мы здесь! — крикнул он. Маршал медленно повернул голову и скользнул меланхоличным взглядом по Конану и его окровавленному мечу. Его собственный меч, лежавший поперек передней луки седла, был чистым. — Вы что, считаете, что это были те самые мятежники, о которых так много болтал Ульф? Там, на реке, я видел переправу — не она ли стала причиной уничтожения деревни? Жадный Ульф, наверное, испугался, что его доходы уплывают на тот берег и задумал уничтожить деревню! И вы стали его наемником! Ответьте мне, вы воин или убийца невинных людей?

Маршал холодно смотрел на Копана и ничего не говорил. Затем он медленно повернул коня и отъехал прочь от бушевавшего киммерийца. Его глаза были красными и слезящимися, как почти у всех остальных, но были эти слезы вызваны дымом или горьким чувством стыда и раскаяния, так никто никогда и не узнал.

Глава 9. Избранница смерти

Высокие городские ворота Динандара, сделанные из тяжелых бревен, перетянутых железными скобами, представляли собой надежную преграду как для тех, кто по тем или иным причинам хотел ускользнуть из города, так и для тех, кто рвался туда с разными неблаговидными целями.

Но сегодня огромные ворота стояли широко распахнутыми, а вдоль главного проезда тянулись толпы празднично одетых жителей Динандара. Увидев входившую в город колонну всадников барона Бальдра Эйнарсона, горожане замерли с выражением почтения и привычного страха на лицах.

Барон, ехавший позади четырех кавалерийских офицеров, составлявших передовой отряд, величественно восседал на гнедом мерине, заменившем убитого мятежниками белого скакуна. Сразу за ним катила колесница, везущая маршала Дарвальда и управляемая, как решил бы любой из глазеющих на нее обывателей, молодым лордом Фавианом.

Но обыватель неминуемо ошибся бы, потому что колесницей на самом деле управлял варвар-северянин, одетый в лучшие доспехи Фавиана. Настоящий сын барона ехал в главной кавалерийской колонне, опустив забрало на свое красивое обиженное лицо.

В отличие от него барон Бальдр выглядел очень довольным, несмотря на шрам, придававший вечную суровость его лицу. Гордо выпрямившись, он снисходительно скользил взглядом по освещенным ярким полуденным солнцем рядам своих подданных.

Когда они выехали на мощеные булыжником улицы Динандара, барон чуть замедлил ход своего мерина, чтобы поравняться с колесницей. Маршал Дарвальд, с непроницаемым видом сидевший на скамье, поднял на Бальдра глаза.

- Слухи о нашем преждевременном возвращении каким-то образом уже распространились, милорд, судя по тому, как успели подготовиться к нему ваши подданные, взгляните на их наряды, задумчиво произнес маршал, окидывая взглядом ряды горожан и время от времени кивая какому-нибудь знатному господину или его розовощекой жене. Или курьер, которого мы послали к Своретте, проболтался, или мастер шпионажа постарался через своих агентов сделать это известие достоянием общественности.
- Может быть. Только сам мастер шпионажа оказался слишком застенчивым, раз не встретил нас лично у главных ворот, отозвался барон, не глядя на Дарвальда и продолжая осматривать толпы встречающих. Но честно говоря, нет ничего плохого в том, что мои подданные приветствуют меня. Я остановлюсь на центральной площади, чтобы сообщить им об удачном походе и нашем решительном ударе по мятежникам.
- Может быть, не стоит слишком много говорить об этом, милорд, сказал Дарвальд, и горькая улыбка появилась на его лице. Ведь в конце концов, это было всего лишь небольшой стычкой, а не крупным сражением с вооруженными силами мятежников.

Барон нахмурился и покосился на Дарвальда.

— А как вы объясните, что двое наших солдат были убиты мечом? Значит, в этой деревне были вооруженные организаторы мятежа! После победа мы насчитали семьдесят восемь тел уничтоженных нами врагов, и если бы мы не застали их врасплох, то потерь с нашей стороны могло бы быть намного больше. Нет, это была великолепная победа!

Конан, чье внимание было сосредоточено на управлении колесницей, тем не менее начал прислушиваться к разговору. Он еще не очень хорошо справлялся с норовистыми лошадьми, и колесница иногда начинала петлять. К тому же он теперь уже невольно ожидал нового покушения на себя, и время от времени нетерпеливо и нервно дергал поводья.

Назвать короткий поход Бальдра удачным было огромной ложью или, может быть, величайшей иллюзией. В течение недели, которую они провели потом в замке Эдрам, Конан не слышал, чтобы барон отправил какое-нибудь сообщение домой о резне в деревне. Об этом все как будто бы старались забыть. Наверное, не один Конан понимал, что несчастная деревушка вовсе не была очагом мятежа...

- А помните, сэр, мы ведь так и не нашли во время нашего похода никакого логова поклонников культа змеи, продолжал упорствовать Дарвальд в споре со своим твердолобым бароном. А ведь именно они и представляют для нас настоящую угрозу, и медлить нам тут нельзя!
- Вы правы, Дарвальд. Теперь, когда я вернулся, я буду готовиться к новому походу, на этот раз с гораздо большими силами, и тогда, надеюсь, мы вырвем эту заразу с корнем, Бальдр замолчал и стал вглядываться вперед, где находилась рыночная площадь. А что это там, свадьба?

На широкой, мощеной булыжником площади стояло множество столов, уставленных разнообразными яствами и напитками, вокруг которых бродили еще более празднично одетые горожане, в дорогих нарядах, с кружевами и украшениями. Их взоры были прикованы к широкой арке, украшавшей главный вход в большое, увенчанное шпилем здание — зал гильдий.

- Похоже, что это свадьба в семье какого-нибудь знатного ремесленника, заметил барон. Золотых дел мастера или ювелира, судя по пышности и расходам на угощение.
- Да, милорд, кивнул Дарвальд. Теперь я припоминаю, что недавно было оглашение имен вступающих в брак, и там называлась Эвадна, дочь старого Арла, серебряных дел мастера, и какой-то мелкий землевладелец.
- Эвадна... не та ли, что учится в жреческой школе, вопреки постановлению гильдии, запрещающей делать это женщинам?
 - Да, у этой девицы сильный характер, кивнул маршал.
- Понятно, пробормотал Бальдр и, нахмурившись, еще раз окинул взглядом площадь. Однако что за манера у некоторых семей устраивать свадьбы во время отсутствия их барона! Что они хотят этим показать? Он повернулся и сделал знак Фавиану следовать за ним, затем коснулся плеча Конана. Эй, парень, давай поворачивай к входу. Будет, наверное, невежливым проехать мимо и не выразить нашего уважения к этому торжеству. И помни, ты мой сын.

Конан повернул колесницу к ступенькам входа в зал гильдий, опрокинув декоративные цветы, расставленные в вазах по площади и едва не сшибая столы с угощением, а также зазевавшихся гостей праздника. Фавиан, видя это, скривился от досады и пробормотал проклятия вслед неумелому вознице, правившему колесницей от его имени.

Подъехав к входу, Конан прошептал ответное проклятие и, соскочив с колесницы, стал ждать Бальдра. К его удивлению, барон не слез с коня, а направил его прямо по ступеням в зал гильдий. Конан направился вслед за бароном, разглядывая коричнево-рыжий хвост его мерина и стараясь напустить на себя как можно более надменный и гордый вид, соответствующий облику аристократа. За ним последовали Дарвальд и Фавиан, который шел, понурив голову и низко опустив забрало.

В полумраке зала, в центре которого ярко горели свечи, множество собравшихся разом подняли головы и в немом изумлении уставились на вошедших. После нескольких мгновений напряженной тишины толпа оживилась, по залу пробежал шепот, затем возгласы приветствия, но в них Конан уловил скорее оттенок страха, чем уважения и любви к своему барону.

В центре зала, глядя друг на друга, стояли на коленях красиво одетые мужчина и женщина, а вокруг них вели хоровод жрицы богини Уллы, украшенные праздничными гирляндами. Пара поднялась с колен и повернулась в сторону барона, то ли оттого, что брачная церемония уже

завершилась, то ли из-за того, что надо было выразить их лорду свое почтение. Совсем юный жених смотрел на барона с гордым и немного оскорбленным видом. Лица невесты, закрытого плотной вуалью, почти не было видно, но в ее позе и жестах была видна спокойная уверенность.

По непонятным пока причинам ее вид приковал внимание Конана. Стоявший чуть позади киммерийца его благородный двойник, как заметил Конан, тоже напряженно вглядывался в закрытое вуалью лицо девушки.

— Примите мои поздравления, подданные! — резко прозвучал под сводами зала голос Бальдра, величественно сидевшего в седле. — Жаль, что мое путешествие, вызванное неотложными государственными делами, заставило меня опоздать на ваше свадебное торжество. И тем не менее я собираюсь первым пожелать вам долгого счастливого союза! Здоровья и благополучия также всем, кто собрался сегодня здесь на эту свадьбу! Хочу сообщить вам, что отныне вашим домам даруются почет и привилегии, что соответствует славным традициям нашего прекрасного города. Мой сын Фавиан полностью со мной согласен и присоединяется к моим поздравлениям, — Барон слегка наклонился в седле, чтобы похлопать своего подставного сына по плечу в знак отцовской гордости. Киммериец увидел, как взгляды присутствующих переместились к нему, но по-прежнему он не уловил в них ни капли любви или почтения. — Хочу сообщить вам также следующее, — продолжал барон, не замечая напряженности сцены. — Сегодня двери моего дома будут открыты для продолжения этих торжеств. Еда и питье для всех будут уже приготовлены, и все присутствующие будут моими гостями. Приглашаю вас всех и в особенности этого молодого человека и его прекрасную невесту! Нет, не приглашаю, приказываю всем прийти!

Довольный своей речью, барон завершил ее легким кивком и повернул своего коня обратно к выходу. Пока он шествовал по залу, шепот и гул голосов возобновились, но никакого энтузиазма ни в лицах, ни в возгласах собравшихся Конан не обнаружил. Не в силах отделаться от какого-то страдного предчувствия, он с облегчением вышел на залитую солнцем площадь.

* * *

И снова шум и суета праздника наполнили дом барона. По всем помещениям разносились ароматные запахи кушаний и переливчатые трели рожков, наигрывавших веселые мелодии. И вновь Конана исключили из числа пирующих, отправив на дежурство в комнату Фавиана.

Усевшись в то же кресло возле окна, он стал прислушиваться к звукам и шорохам, рассеянно глядя на призрачные тени, пляшущие на стене, огораживающей замок.

Неясные образы мелькали и у него в голове, затуманенной вином, которое он время от времени прихлебывал из кувшина, стоявшего на столе рядом с ним. О многом надо было подумать: о возлюбленных и врагах, которых он нашел за последние недели, о роскоши и амбициях, царивших в замке, о ненависти и позоре злодеяний, свидетелем которых он стал. И наконец, о главном — как долго ему еще оставаться здесь, как раздобыть сокровища и с кем поквитаться перед уходом...

Его размышления были прерваны какими-то звуками, доносившимися из коридора. Конан коснулся рукой меча, заранее вытащенного из ножен и лежавшего у него на коленях. Раздался скрип открываемой двери, и Конан замер, приготовившись к встрече гостя. Если его сердце и билось в этот момент быстрее, то не из-за страха, а из надежды повторения нежной встречи, произошедшей в этой комнате накануне его отъезда.

Но когда дверь наконец открылась, Конан увидел вошедшего в комнату Фавиана, одетый в лучший из оставшихся у него военный наряд и без шлема. Держа в руках горящую свечу, молодой

лорд, пошатываясь, прошел на середину комнаты и взмахнул рукой в сторону открытой двери.

— Убирайся, варвар! Пришел настоящий хозяин этой комнаты, и он вряд ли будет нуждаться сегодня ночью в твоих услугах. Катись в свою вонючую конуру!

Его слова прозвучали для Конана как пощечина, но тем не менее он не встал с места и даже не шевельнулся.

— Мне приказано ждать здесь всю ночь. Дом полон посторонних людей, и твой отец считает, что на твою жизнь могут опять покушаться. Так что лучше было бы поискать тебе другую кровать.

Вместо того, чтобы разозлиться на Конана, Фавиан открыл рот от удивления.

— Мой отец так сказал? Ну, старый демон! Это уже ни в какие ворота не лезет! Он что, хочет отнять последнее, что у меня осталось? — Нахмурившись, молодой лорд подошел к Конану и наклонился к его лицу. — Послушай, киммериец, ты можешь украсть мое место и мое имя! Мою колесницу, мою одежду и заодно мою славу! Но ты никогда не сможешь украсть у меня мою мужскую силу, — Он выпрямился и поставил подсвечник на стол, затем сжал руку в кулак и потряс им в воздухе. — Все, клятвы произнесены, подписи поставлены, и теперь невеста предоставляется в мое распоряжение. Это мое естественное право и последняя привилегия, которая у меня осталась. И я скорее умру, чем откажусь от нее!

Грозно взглянув на разбушевавшегося лорда, Конан решительно поднялся, сжимая в руке меч.

- Что ты хочешь этим сказать, пьяный негодяй? гневно спросил он, глядя Фавиану в глаза. Невеста сегодня ночью будет принадлежать тебе?
- Да, варвар, по моему благородному праву, праву превосходства. А как ты думаешь, почему сегодня в нашем доме устроили праздник? Хвала богам, есть у меня одна привилегия лорда как единственный наследник рода Эйнарсонов я имею право на первую брачную ночь с любой девственницей из нашей провинции!

Конан в изумлении смотрел на него:

- Но это же подло! Как же невеста может согласиться на это? А жених?
- Согласиться? А у них что, есть выбор? Фавиан громко расхохотался. Знаешь, варвар, может быть, ты и удивишься, но большинство девушек жаждут этого! Они вспоминают потом этот краткий миг блеска и великолепия весь остаток своей скучной однообразной жизни. И какой простолюдин не захочет, чтобы королевская кровь влилась в их убогое фамильное древо? Если, конечно, невесте повезет зачать в эту ночь.
- Тогда странно, что барон так трясется за свое благородное семя в твоих чреслах. Ведь похоже, что его наследники распространились уже по всей Немедии!

Но Фавиан не успел ответить. Насторожившись, он стал прислушиваться к звуку приближающихся шагов в коридоре.

— Ну ладно, хватит болтать! Давай уходи побыстрее. Кажется, девчонку уже ведут сюда ко мне на обучение. Правда, по-моему, ученица она еще та — какая-то слишком гордая и строптивая. Ну ничего, она быстро научится слушаться под розгами своего хозяина, — Фавиан нетерпеливо подтолкнул Копана к задрапированной двери. — Иди через эту дверь, чтобы не столкнуться с кем-нибудь в коридоре. Там найдешь заднюю лестницу, — таща за собой колеблющегося телохранителя, молодой лорд подошел к портьере и откинул ее.

Киммериец, все еще не пришедший в себя от замешательства, дал себя вытолкать за дверь без всякого сопротивления. Когда дверь за ним захлопнулась, он оказался в узком коридорчике в полной темноте.

Ладно, не беда, он прекрасно помнил это место. К тому же через несколько мгновений он заметил, что тьма была не такой уж кромешной — из-под двери напротив пробивалась узкая

полоска света. Конан уже знал, что это была комната Калиссы. Подойдя к ней, он увидел, что дверное полотно не слишком плотно пригнано к косяку, и сквозь щель виден язычок задвижки. Просунув острие меча в щель, Конан отодвинул засов и открыл дверь.

В глубине комнаты он увидел стоявший на столе канделябр с тремя горевшими свечами. Их свет отражало висевшее на стене серебряное полированное зеркало, оно же отражало и прелести Калиссы, которая, стоя у стола, умывалась из золотого тазика. Ее тонкая ночная рубашка была спущена до талии, а по красивой обнаженной спине были рассыпаны вьющиеся рыжеватые волосы.

Услышав приглушенный скрип двери, она обернулась и взглянула на вошедшего. Ее лицо выражало скорее легкое удивление, чем тревогу, и она не делала никаких попыток прикрыть обнаженную грудь.

- Фавиан, дорогой брат! У нас не было возможности поговорить... она вдруг покраснела, поняв, что ошиблась и быстро схватила вышитое полотенце, чтобы прикрыть им грудь.
- Ваш брат сегодня развлекается с другой красоткой, Калисса, Конан сунул в ножны меч и закрыл дверь на засов. Он выгнал меня с дежурства в его комнате.

Калисса ничего не сказала. Придерживая полотенце, она подтянула ночную рубашку и просунула руки в рукава. Ее внезапная застенчивость удивила Конана.

- Почему вы прячете такую красоту, моя дорогая? Киммериец с улыбкой начал неторопливо приближаться к ней. У вас нет ничего такого, чего я еще не видел, к тому же с более близкого расстояния...
- Стоять! нашупав что-то на столе позади себя, Калисса резко вытянула руку вперед с зажатыми в ней острыми ножницами. Если я когда-то что-то тебе и позволила, то это не значит, что теперь ты будешь командовать мной! Не забывай, что ты на положении раба в этом доме!
- A, ну как скажете, Конан остановился посреди комнаты, насмешливо глядя на нее. Хотя мне сдается, что близость между господами и их рабами не такая уж редкость в этом доме.
- Ну, хватит! резко оборвала его Калисса, взмахнув ножницами. Если мой брат тащит в свою постель любую грязную девку из города, то при чем здесь я? Я не отвечаю за его низкие вкусы!
- Что это вы так разъярились, дорогая? Я вижу, что вам выпало непростое испытание быть связанным с этой безумной семьей.
- Безумной? Не забывай, что я тоже Эйнарсон! ее глаза холодно сверкнули. Безумие весьма распространенная вещь в мире. Безумие войны и гражданских распрей в конце концов захлестывает и нас, хотим мы этого или не хотим.
 - Мы сейчас опять будем говорить о пресловутых мятежниках?
- Неужели ты так слеп и не замечаешь, что мятежники повсюду, даже в нашем доме, они гуляют среди гостей на этих ужасных праздниках! Этот шепот и угрюмые взгляды! А мой вечно суровый отец, готовый убить всякого, кто вызовет у него хоть малейшее подозрение! Разве не всеобщее безумие? Да еще этот культ змеи, о котором столько говорят!
- Дорогая, успокойтесь. Конан несколько мгновений молча смотрел на Калиссу. А вы когда-нибудь думали уехать отсюда? Ведь кроме Динандара есть и другие города, и наверное не во всех из них царит безумие.
- Нет, Конан, ты не понимаешь, Она бросила ножницы на стол, и они тихо звякнули о баночки с мазями. Что бы ни происходило здесь, я должна быть в курсе всего. Я должна пытаться хоть что-нибудь спасти. Мой отец нуждается во мне, а после него будет нуждаться мой брат. И они просто не допустят этого.

- Они не допустят, чтобы и я уехал, но я все же собираюсь это сделать, с трудом произнес Конан.
- Да, Конан, тебе действительно лучше уехать. Но сейчас иди сюда, Калисса протянула к нему руки, и когда он подошел, обняла его. Прости, что я тебя так сурово встретила. Да, ты правильно сказал, что эти странные союзы в традициях нашего дома. Так будем же им следовать... Ее слова замерли, когда их губы встретились.

Через несколько мгновений она, тяжело дыша, освободилась от него.

— Твой панцирь ужасно мешает. Дай я помогу тебе снять хотя бы часть его, — прошептала Калисса, и ее тонкие пальцы потянулись к застежкам и пряжкам на его поясе.

* * *

Сладкая дремота Конана была внезапно прервана отдаленными криками ярости и боли. Мгновенно приподнявшись, он определил, что крики доносились из какой-то комнаты неподалеку.

Осторожно освободившись от мягких теплых рук Калиссы, он выскользнул из-под одеяла и в считанные мгновения оделся. Леденящие кровь вопли больше не повторялись. Выхватив меч, Конан в два прыжка оказался у потайной двери комнаты Калиссы.

Узкий коридорчик между двумя комнатами был темным, но киммериец быстро нашел наощупь дверь в комнату Фавиана, откуда доносились незнакомые голоса — мужской и женский. Уперевшись спиной в стену, Конан изо всех сил надавил на дверь ногой и продолжал нажимать на нее до тех пор, пока засов со скрежетом не погнулся.

Дверь распахнулась, и Конан вбежал в комнату. Посреди пола лежал полуодетый Фавиан, лицо и обнаженная грудь которого были залиты кровью, хлещущей из его перерезанного горла. Очевидно, смерть застигла молодого лорда в самый разгар его аристократических забав — его рука еще продолжала сжимать кнут с несколькими длинными кожаными хвостами. Наверное, он не успел даже толком осознать, что происходит, потому что на его лице застыло безграничное удивление.

Из трех людей, стоявших в дальнем конце комнаты, двое были мужчины, по всей видимости фермеры, в праздничной одежде и с мечами в руках, — мечи, как заметил Конан, были незапятнанными. Третьей была женщина, вытиравшая рубашкой Фавиана свой длинный окровавленный нож и торопливо говорившая что-то остальным. Несомненно, это была та самая невинная юная невеста, которую Фавиан так нетерпеливо поджидал в своей комнате. Услышав шум выламываемой двери, она обернулась, и Конан понял, что эта девушка хорошо знакома ему, — сначала он увидел ее в лесу, когда она ускользнула от них с Фавианом, а чуть позже — в обреченной на смерть деревне.

Глава 10. Наследник

Когда Конан ворвался в комнату, мужчины застыли в немом изумлении, вероятно, приняв его за призрак мертвого Фавиана. Наконец, один из них очнулся и неуверенно шагнул вперед, подняв меч, но его остановила девушка, преградив рукой ему путь. Она смотрела на Конана, как будто собираясь что-то сказать ему, но в этот момент он почувствовал, как кто-то вцепился ему в плечо, и задыхающийся голос произнес:

— О, Фавиан, нет!

Это была Калисса, которая тоже проснулась и побежала в комнату брата. Конан обернулся, схватил Калиссу за руки и вытолкал ее обратно в темный коридор. Она кричала и боролась с ним, но он, выйдя из комнаты и закрыв за собой дверь, продолжал тащить ее вглубь коридора.

- Уходи, Калисса, здесь тебе нечего делать!
- Но мой брат, его убили! всхлипывала она. Почему ты не хватаешь этих убийц, не убиваешь их? Я знаю эту женщину... Эвадна... она была одной из тех, кто устроил бунт в Храмовой Школе. Пойдем туда!
- Теперь я должен защищать твою жизнь, Калисса. Фавиану мы уже ничем не поможем. А убийства могут сегодня ночью не кончиться.
- Нет, пусти! Пусти меня! пронзительно кричала она. Ты просто трус! Но ты должен выполнять свои обязанности! Калисса отчаянно извивалась в его руках, пытаясь вырваться, ее голос срывался от рыданий. Почему ты мне не подчиняешься? Ты с ними заодно!

Конан втолкнул Калиссу в ее комнату, не слыша за собой никакого шума преследования. Бледная, с залитым слезами лицом, Калисса с отчаянием и ненавистью смотрела на него.

- Ты телохранитель моего брата, тебе доверяли! А ты покинул свой пост в самый ответственный момент! И явился сюда, чтобы соблазнить меня, и держал меня здесь в его последний час! Она бросилась на него, молотя кулаками по его стальному панцирю. Убийца! Предатель!
- Тихо, девушка, не сходи с ума! Кром знает, я не питал особой любви к твоему брату, но... почувствовав, что она пытается вытащить у него из-за пояса кинжал, Конан оттолкнул ее на середину комнаты. Калисса, успокойся!
- Нет, подлый обманщик! Проклятый развратник! Это ты сам его и убил! она вновь бросилась на него, пытаясь выцарапать ему глаза. Стража, скорей сюда, хватайте этого предателя!

Конан снова оттолкнул обезумевшую девушку, и она рухнула на диван. Придя в себя через мгновение, она потянулась к столику и стала шарить по нему в поисках какого-нибудь оружия. Громкие звуки, доносившиеся из других углов дома, усилились, хотя они могли и не быть ответом на ее крики.

— Что касается Фавиана, то он умер из-за своих пороков, и я не имею к этому никакого отношения, — с горечью сказал Конан. — Но ты, Калисса... Ты-то зачем подвергаешь себя опасности? Запри за мной дверь на засов и прощай! — Он вышел, прикрыв за собой дверь, и услышал звон разбивающихся банок, которые Калисса швырнула ему вслед, а также гневные проклятия.

Пробираясь наощупь по коридору, Конан ощущал невыразимую тяжесть на душе. Как это ни печально, Калисса была такой же сумасшедшей, как и остальные члены ее семьи. Но он, пешка в руках Эйнарсонов, был теперь наконец свободен от них, и все его обязательства снимались. Теперь он уйдет, если только сможет найти дорогу из этого осиного гнезда.

Конан напомнил себе о мятежниках. Конечно, он сочувствовал им, вопреки всем разговорам

о их коварстве. И эта Эвадна... Его мысли о ней были противоречивыми. Она волновала его, но почему-то он не чувствовал большого желания поцеловать ее окровавленную руку. Все эти немедийские девушки какие-то вероломные и ненадежные, лучше уж ему уйти.

Но перед уходом надо попытаться, пока дом был охвачен смятением, получить последнюю причитающуюся ему плату — так сказать, выходное пособие. Конан вспомнил о сундуке с деньгами, который видел в комнате Бальдра. Сходство о Фавианом может помочь ему беспрепятственно проникнуть туда, если только действовать быстро. А исчезнуть надо сегодня же ночью, чтобы избежать более болезненной платы.

Он подошел к двери в конце коридора и, отомкнув ее непрочный замок, заглянул внутрь. Никого не было видно, не раздавалось и никаких звуков преследования, даже яростные крики Калиссы постепенно стихли. Но зато вопли и звон оружия отчетливо доносились снизу.

Конан быстро пересек комнату и остановился у противоположной двери, но не успел он открыть ее, как она сама распахнулась, и в комнату вбежали двое, очевидно, спасаясь от погони. В первом, одетом в длинный черный плащ и шляпу, закрывавшую половину его лица, Конан сразу узнал толстого Своретту. Его спутником был Эвольд, мастер фехтования.

- А, варвар! задыхаясь, произнес Своретта. Твой хозяин мертв, мне уже сказали! Но не бойся, ты еще можешь на нас поработать, Он бросил на Конана пристальный испытующий взгляд. Если, конечно, ты не связал свою судьбу с предателями!
- Нет, с предателями я дела не имею, холодно глядя на Своретту, Конан вынул меч из ножен. И с вами тоже.

Резкий удар его меча мог бы убить на месте мастера шпионажа, но Своретта проворно отскочил в сторону, мгновенно достав из-под плаща свой меч, и бросился на Копана.

Мастер фехтования тут же присоединился к Своретте, и киммерийцу пришлось сражаться сразу с двумя противниками. В бешеном темпе он наносил удары направо и налево, и наконец мощным усилием он отбросил Эвольда в сторону. Мастер Фехтования был выведен из строях всего лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы прицельным ударом направить меч под накидку Своретты и вытащить его оттуда залитым кровью.

Толстяк зашатался, рыча от боли, его руки стали судорожно шарить под накидкой. Осознав глубину своей раны, он выпучил от ужаса глаза и, дико закричав, рухнул на пол.

— Тебе ни в чем нельзя доверять, — сказал Конан, глядя на корчившегося врага. — Даже в смерти. И работать на тебя я никогда не собирался. Не хватало мне еще дрожать от страха из-за твоих отравленных кубков или твоих прихвостней у меня за спиной, — Не обращая внимания на Эвольда он высоко поднял свой меч над шеей Своретты, затем с силой опустил его. Раздался ужасающий хруст, и голова мастера шпионажа откатилась в сторону.

Конан взглянул на Эвольда, который замер от ужаса и не пытался больше возобновить сражение. Услышав голоса в коридоре, он взглянул в ту сторону и увидел приближавшихся к дверям троих вооруженных людей в праздничных нарядах.

Эвольд повернулся к Конану. Ссадины и синяки на его лице, полученные мастером фехтования во время их первой встречи, уже зажили, хотя их желтоватые следы придавали ему нездоровый вид. Эвольд нерешительно поднял меч, но, бросив взгляд на окровавленное тело на полу, невольно попятился.

— Ну, мастер фехтования, я вижу, ты готов снова поучить меня, — насмешливо сказал Конан, со свистом рассекая воздух мечом. — Я многому научился со времени нашей последней встречи, как ты успел заметить.

Пробормотав проклятье, Эвольд резко повернулся и сделал шаг навстречу приближавшимся мятежникам, предпочтя иметь дело с ними, а не со своим бывшим учеником. Конан разочарованно

смотрел ему вслед, но с места не двинулся.

Подойдя к мятежникам, мастер фехтования бросился в бой, сразу ранив одного из них в руку, но ему не удалось прорваться через их кордон. Получив удар по ноге, Эвольд начал отступать, но противники окружили его, тесня и нанося бесчисленные удары.

Конан не стал ждать неизбежного исхода сражения. Он не хотел больше сражаться ни на чьей стороне и быстро пошел по коридору в противоположном направлении. Этот путь вел в центральную часть замка, откуда доносилось эхо криков и звон металла. Перспектива захватить добычу во время побоища подогрела его, и он побежал еще быстрее.

Конан не боялся никаких препятствий на своем пути, но встреча, которая произошла через несколько мгновений, явилась для него неожиданной — в нескольких шагах впереди появился барон Бальдр, вышедший в коридор через боковую дверь своей комнаты.

Вслед за ним в коридоре появился Железный гвардеец, бесстрастно смотревший на Конана, не выказывая никаких признаков отождествления его с Фавианом или с варваром. Барон подал знак, и гвардеец загородил Конану дорогу, взмахнув в воздухе мечом.

Киммериец мгновенно бросился в атаку. Некоторое время они молча рубились, и исход битвы был еще неясен, так же, как и ее цель. Барон, не произнося ни слова, холодно наблюдал за происходящим, застегивая пряжки на своих латных рукавицах.

Охваченный страстью схватки, киммериец нанес противнику мощный удар, от которого тот едва не потерял равновесие. Воспользовавшись моментом, Конан навалился на гвардейца и сбил его с ног. Когда тот упал на пол, киммериец сел на него и начал дубасить тяжелой рукоятью меча, затем схватил его за шлем и стал выворачивать голову гвардейца. Через несколько мгновений все было кончено. Гвардеец лежал неподвижно, с запрокинутой под неестественным углом головой.

- Сын мой, ты наконец добился успехов в искусстве сражаться! Бальдр стоял, глядя на тяжело дышавшего победителя, и неповрежденная половина его лица расплылась в улыбке. Мне приятно видеть твое превосходство, хотя сердце мое скорбит от твоего кровавого предательства.
- Я не ваш сын, сказал Конан, поднявшись на ноги. Фавиан мертв, его убила невеста, которую он привел в свою комнату, чтобы изнасиловать.

Барон покачал головой, и в его глазах появился безумный зловещий блеск.

— Нет, мальчик, не надо меня дразнить. Мертв северный дикарь, которого я послал дежурить в твою комнату. Теперь ты видишь, что твой отец проявил своевременную мудрость? Ну а теперь мы можем сразиться с тобой, — С неожиданной легкостью барон беззвучно вынул меч из ножей. — Решительно и до смерти! Но будь уверен, сын, что кто бы из нас ни пролил свою кровь на эти древние каменные плиты, это будет благородная кровь!

И барон начал сражение взмахом своего меча. Возможности ускользнуть у Конана не было, и он ответил нижним ударом. В следующее мгновение меч Бальдра был почти у его лица, уверенно пройдя сквозь защиту, которую строил Конан. Киммериец понял, что имеет дело с опытным и искусным противником, сильным, как демон, в своем безумии и закаленным многочисленными военными походами. Он ускорил темп своих ударов, чтобы ослабить старика и поймать подходящий момент.

— Ну что, мальчик, нелегко тебе приходится в этой убийственной игре? — Бальдр держался совершенно спокойно, не показывая никаких видимых усилий. Экономия движений оставляла ему достаточно дыхания, чтобы разговаривать во время боя. — Это еще не предел моих возможностей. Я мог бы намного лучше использовать этот меч, если бы сражался за тебя, сын. Но я знаю, что когда-нибудь вернешься к нашим идеалам, ведь я так много старался наставить тебя на правильный путь. В крови Эйнарсонов есть одно беспокойное качество, которое ввергает

их из поколения в поколение в ужасные преступления — отцеубийство, братоубийство, самоубийство. Видимо, беспокойство крови необходимо для хорошего правления. Я молил наших предков избавить нас от этого проклятия, но... С самого твоего детства, Фавиан, я чувствовал слишком большую долю этого фермента злобы в тебе!

Коридор уже остался позади, поединок уносил их в мезонин с широким внутренним балконом, откуда открывался вид на главный входной зал дома. Здесь на них со всех сторон уставились десятки глаз. Верх лестница был занят Железными гвардейцами, державшими наготове пики и мечи, а внизу толпились мятежники, с боем прокладывавшие себе путь наверх. Колеблющиеся, какого из двух аристократического вида дуэлянтов поддержать, гвардейцы не решались вмешиваться в поединок и молча наблюдали за происходящим.

Внезапно Бальдр отступил на шаг и опустил меч. Безумная улыбка вновь заиграла на его лице. Конан решился наконец заговорить:

- Вы обвиняете других в братоубийстве и прочих черных делах. Но что может быть хуже, старый барон, чем убийство вашей собственной жены северянки, госпожи Хильды?
- Да, мальчик, смерть твоей матери действительно величайшее преступление, кивнул барон. Это сделали мятежники, с которыми ты сейчас в союзе. Как ты мог пойти на эту противоестественную измену? Но почему ты вспомнил сейчас о своей матери?
- Потому что вы лжете! и размахнувшись, Конан ударил мечом плашмя по голове барона, так что длинные седые волосы старика разметались во все стороны. После ваших ран в сражении вы не могли больше жить с женой. И вы стали ее ненавидеть, а затем решили убить. Ваше поручение выполнил Своретта, отравив ее, как пытался отравить и меня. А потом вы оба обвинили в этом мятежников!
- Клевета! Она была нечестна! голос барона прерывался, его здоровый глаз сверкал так же дико, как и поврежденный. Я продолжал любить ее, но она мне изменила, так сказал Своретта. Как я мог допустить, чтобы это выплыло наружу? Его лицо, искаженное яростью, вдруг вспыхнуло так сильно, что на какое-то время шрамы стали почти не видны. Она предала меня! Как и ты сейчас, негодяй!

Барон вновь устремился на Конана, нанося яростные удары, в пылу схватки ослабив искусно сплетенную им паутину защиты. Когда он подался назад перед очередным броском, Конан увидел свой шанс. Сжав меч обеими руками, он резко выбросил его вперед и вверх. Изогнутое лезвие, пробив стальной панцирь, наполовину вошло в грудь барона.

Меч Бальдра с грохотом упал на пол. Руками в латных рукавицах барон схватил лезвие, торчавшее из его груди, повис на нем и через несколько мгновений рухнул на колени.

— Вот и кончено, — Голос Бальдра, в котором не хватало его привычного тембра, зазвучал с какой-то горькой силой. — Но род Эйнарсонов продолжается, несмотря ни на что. Прекрасно! Может быть, это убийство закалит тебя и сделает достойным правителем, сын, — Продолжая сжимать пронзивший его меч одной рукой, другой он дотронулся до шеи, вытащив из-под панциря блестящий предмет на тяжелой цепочке. Это была золотая шестиконечная звезда, которую Конан видел на нем, когда следовал за бароном в склеп. — Это переходит к тебе, а с ним — управление Динандаром, обладание всеми божественными правами и защитой нашей семьи. Будь твердым, мальчик...

Когда тонкие струйки крови потекли из носа барона, он разжал руку, сжимавшую меч, и она безжизненно упала на пол. Бледное и окровавленное лицо старика, всегда жесткое, теперь разгладилось и смягчилось. Он выглядел спокойным. Зажав в руке золотой амулет, Конан почувствовал внезапную тошноту и не стал вытаскивать меч из груди Бальдра. Он отпустил рукоятку, дав барону распластаться на полу, и подошел к валявшемуся неподалеку длинному прямому мечу старого лорда. Повесив амулет для сохранности на шею, киммериец повернулся и

посмотрел на остальных, которые прекратили сражаться и молча наблюдали сцену смерти барона.

Большинство из них, очевидно, приняло его за Фавиана, и теперь все ждали, лидером какой стороны он станет. Рядом с лестницей стоял Дарвальд с группой аристократов, включая седовласого советника Лотиана. Они молча смотрели на Конана, ожидая, какие действия он дальше предпримет.

Внезапно из коридора выбежала растрепанная, обезумевшая Калисса в сопровождении двух гвардейцев. Увидев окровавленное тело отца, она на мгновение застыла, затем бросилась к Дарвальду, обвиняющим жестом указывая на Конана.

— Вот он, предатель! Одного убийства ему было мало, теперь он стоит над пронзенным телом моего отца! Хватайте его скорее, наденьте на него цепи и кандалы! Он... — последние ее слова утонули в общем гуле и грохоте. Ожидавших противники, одни с воодушевлением, другие с тревогой воспринявшие ее слова, вновь схватились за оружие.

Гвардейцы, стоявшие наверху лестницы, угрожающе выставили свои пики в сторону Конана, и он наконец понял, как ему быть дальше. Для него не было места среди надменных лордов. Он посмотрел в другую сторону и увидел группу мятежников, отчаянно сражавшихся с железными гвардейцами. В несколько прыжков киммериец подбежал к ним, грозно подняв над головой меч. Кордон гвардейцев дрогнул и рассыпался. Мятежники мгновенно воспользовались паникой и бросились в атаку, захватывая новые территории. Увидев перед собой два нацеленных на него меча, Конан вступил в бой и в считанные мгновения разделался с обоими гвардейцами.

Когда шум схватки затих, мятежники приветствовали его одобрительными возгласами и похлопыванием по плечу. К его удивлению, он снова увидел перед собой Эвадну, теперь одетую в мужскую юбку и кольчугу. В ответ на взгляд киммерийца она лишь слегка подмигнула ему без улыбки, а затем подошла ближе и посмотрела ему в глаза.

— Благородный ты или простой, но если присоединился к нам, то ты среди равных — не больше и не меньше. Помни это, — спокойно сказала она, затем повернулась и исчезла в толпе.

Территория сражений теперь расширилась, мятежники продвигались по замку все дальше и дальше, потому что гвардейцы, растерявшиеся от неожиданных перемен, произошедших в замке, — смерти их барона и дезертирства его наследника — пали духом, и их оборона становилась все слабее.

Внезапно в шум баталий ворвались новые звуки, раздававшиеся снизу, из галереи. Протолкавшись к перилам балкона, Конан взглянул вниз и увидел толпу, в панике валившую от внутренних дверей. Неужели прибыло подкрепление из городских казарм?

— Они идут! Бежим! Скорее! — отдельные крики из вопившей толпы внизу донеслись до слуха Конана. — Это Эйнарсоны! Мертвые бароны поднялись, чтобы исполнить свое проклятие!

Глава 11. Восставшие из праха

Перегнувшись через перила балкона, Конан сначала в недоумении смотрел вниз, но вскоре почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Среди общего столпотворения внезапно возникли гигантские полководцы в чудовищных доспехах — древние воители со ржавыми и зловещими мечами, в полурассыпавшихся кольчугах, отливавших зеленью, напоминавшей плесень. Мертвые полководцы из рода Эйнарсонов! Мороз пробежал у Конана по коже, когда он вспомнил, как эти доспехи лежали на саркофагах в склепе под замком. Он вспомнил и таинственные намеки, что их владельцы когда-нибудь поднимутся, чтобы вмешаться в судьбу провинции.

Они были полностью одеты, их головы венчали шлемы, но никто не знал, что находится под их ветхой полуистлевшей одеждой. Воители непрерывно махали мечами во все стороны, и реальность их существования подтверждалась изрубленными телами, которые они оставляли позади себя.

Но прежде чем киммериец осознал нависшую угрозу, она уже возникла совсем рядом с ним. Услышав сзади непонятные звуки, Конан резко повернулся и увидел трех древних полководцев, выходивших из ближайшего коридора. Застыв в оцепенении, он вспомнил, что рядом с комнатой барона была лестница, которая проходила через кладовую и вела в склеп — оттуда эти чудовища, несомненно, и выползали. Громко призвав на помощь Крома, киммериец рванулся мимо разбегавшихся в страхе мятежников и гвардейцев навстречу восставшим из гроба.

Тот, кто подошел к нему первым, ужаснул вблизи его своим нечеловеческим видом — конечности древнего монстра двигались бесшумно, панцирь мягко гнулся, податливый к его движениям, а в прорезях для глаз на его увенчанном гребнем шлеме, была видна только мерцающая тьма. Длинный с зазубринами меч уверенно рассекал воздух, но в прорехах кожаных обшивок на локтях и коленях не было видно никакого тела, даже костей.

Размахнувшись, Конан нанес сильный удар по покрытому плесенью панцирю, но призрак даже не покачнулся, лишь гулко зазвенел в воздухе пустой металл. В ответ киммериец получил удар в плечо, отбросивший его в сторону с необыкновенной силой.

Разъяренный, он снова ринулся на врага и, сделав сначала ложный выпад, вонзил затем меч в промежуток между верхней и нижней частью панциря. Не встречая никакой преграды, меч прошел насквозь, как сквозь воздух, но мертвец не только не покачнулся, но продолжал наносить свои удары с той же силой и уверенностью.

Конан понял, что тела призраков ничего не значили, их просто не было. Вся сила мертвых Эйнарсонов была в их мечах, наделенных мощью мистической энергии, а доспехи, похоже просто двигались за ними, как простые декорации, без каких-либо признаков самостоятельной деятельности, поэтому им ничего не грозило.

Тем не менее киммериец продолжал ожесточенно сражаться, лихорадочно пытаясь найти какой-нибудь способ остановить это вторжение признаков. Но никакие чудеса фехтования, которые он проявлял, не помогли ему ни сломать зловещий меч, ни отшвырнуть его прочь.

Конан попытался оценить ситуацию. Несколько мятежников на балконе отчаянно бились с другими Эйнарсонами, но так же безуспешно. Несколько храбрецов уже лежали на каменном полу, сраженные безжалостными ударами проклятых мечей. Железные гвардейцы, напуганные вначале, как и все остальные, решили затем принять сторону бессмертных воителей, но мертвым были не нужны живые союзники. Конан увидел, как один из гвардейцев рухнул на пол, пронзенный насквозь страшным мечом, прежде чем его товарищи сообразили, что надо держаться подальше от этих монстров.

Казалось, Эйнарсоны собирались очистить весь дом от всех живых существ, находившихся там. Отрезанный от коридоров вместе с несколькими мятежниками, Конан взглянул на центральную лестницу, оценивая ее как возможный спасительный выход.

— Ну что, предатель? — прозвучал внезапно позади Конана громкий истерический вопль. — Видишь теперь, как нетленный дух моих предков явился, чтобы покарать тебя! — отойдя от своих преданных, но испуганных гвардейцев, Калисса выбежала на балкон. Вцепившись в тяжелые деревянные перила, она стала с горящими злобой глазами следить за односторонней битвой внизу. — Пришел час расплаты, киммериец! Мой род будет преследовать тебя, пока ты не исчезнешь с лица земли. Никогда их больше не положат покоиться в склеп, после того как ты убил последнего продолжателя рода Эйнарсонов!

Она сошла с ума, понял Конан, не выдержав кровавых событий этой ночи. Как непохожа она теперь на ту нежную девушку, которая ласкала его несколько часов назад!

Киммериец еще раз взглянул на нее, и вдруг новая мысль родилась у него в голове. Увернувшись от меча жуткого предка, он метнулся к Калиссе. Она попыталась убежать, но киммериец крепко схватил ее за руку.

— Что такое? Прочь от меня, негодяй! Ты хочешь добавить меня к списку твоих убийств? — Пока она извивалась, чтобы освободиться, Конан снял с шеи амулет и быстро надел его на Калиссу. Она в ярости уставилась на него, ничего не понимая, и, зажав в руке талисман, стала молотить им Конана по лицу, пока он не схватил ее за обе руки.

Через мгновение он увидел, что вокруг них все изменилось. Древний Эйнарсон, до сих пор продолжавший наседать на Конана, внезапно перестал размахивать мечом. Высоко подняв его, с гордым видом победителя, бессмертный воитель повернулся и двинулся по направлению к лестнице, ведущей к склепу. Его спутники сделали то же самое, один за другим покидая поле битвы. Посмотрев вниз, Конан увидел, что побоище затихло и там.

- Что это ты придумал, подлый обманщик? пронзительно крикнула Калисса. Кто это сказал, что женщина может носить баронский амулет? Она схватила сверкающий талисман и попыталась сорвать его с шеи, но Конан так плотно прижал цепочку к ее горлу, что едва не задушил беснующуюся дочь барона.
- Вернитесь заплесневелые могильные призраки! Продолжайте сражаться, это я вам говорю, Эйнарсон!

Но бессмертные воители продолжали свое безмолвное отступление, не обращая внимания на ее яростные крики. Несколько мятежников быстро подошли к Конану, помогая ему удерживать вырывающуюся Калиссу.

— Держите ее крепче и, самое главное, следите, чтобы она не сорвала с себя эту безделушку, — сказал им Конан. — В ней заключена власть, которая управляет призраками. Этот амулет может носить только живой Эйнарсон, так что следите за ним, но не причиняйте женщине вреда. Надо сказать оружейнику Дру, чтобы сделал заклепку на цепочке.

Последний из предков Эйнарсонов уже скрылся из виду, — и вокруг начали раздаваться радостные крики, большинство мятежников, явно принимавших Конана за Фавиана, осыпали его поздравлениями и восхвалениями за помощь мятежникам и за победу в схватке в призраками. Те, кому удалось выбежать из замка, теперь вернулись, и нижняя галерея вновь наполнилась толпой.

Тем не менее ряды мятежников значительно поредели, и теперь они могли стать легкой добычей для Железной гвардии. Но к удивлению Конана, из группы аристократов внезапно отделилось несколько человек с поднятыми вверх руками в знак перемирия.

— Всем оружие в ножны, тогда мы будем вести переговоры! — раздался возглас со стороны мятежников. — Тот, кто берет на себя ответственность за переговоры, подойди к нам!

К мятежникам направились маршал Дарвальд и старый советник Лотиан, сопровождаемые двумя младшими аристократами. Они остановились в нескольких шагах от Конана, ради своей безопасности и сохранения достоинства. Рядом с Конаном стал командиры мятежников, включая Эвадну.

- Прежде чем вы начнете молоть вашими языками ложь и угрозу, благородные негодяи, имейте в виду, что мы не примем никаких ваших условий. Или вы сдаетесь, или мы продолжаем бой! выкрикнул молодой мятежник, похожий на ученика Храмовой школы, несколько его товарищей энергично закивали.
 - Замок практически наш, и наши последователи поднимаются уж по всей провинции!

Дарвальд, стоявший со шлемом в руках чуть впереди остальных, холодно взглянул на юношу.

- Значит вы думаете, что можете обойтись без нас? А вы сможете надежно защитить этот город в случае угрозы нападения? Он перевел взгляд на Конана. Или вы собираетесь установить здесь змеиные порядки и держать весь город в страхе?
- Змеиные порядки? Мы не имеем никакого отношения к культу змеи! горячо воскликнула девушка в коричневой одежде ученицы Храмовой школы, подпоясанная ремнем, на котором висел длинный меч. Мы принадлежим к истинной церкви Немедии. Я слышала о распространении культа змеи на востоке, но мы никогда не изменяли нашей вере.
- Да, и наш Совет по реформам включает лучшие семьи, оказала Эвадна, сделав шаг вперед из толпы. Она вызывающе посмотрела на Дарвальда. Не самые благородные, но самые лучшие. В нашем Советы голос ремесленника звучит наравне с голосом рыцаря, и крестьяне так же свободны, как и землевладельцы. Мы провозглашаем всеобщее благо и равенство для всех. Мы положим конец жестокости и несправедливости, которыми было отмечено правление Бальдра!
- Все это прекрасно звучит, Эвадна. Интересно, а что думают об этом соседние бароны... особенно благородные лорды Сигмарк и Оттислав? с легкой насмешкой спросил Дарвальд. И сколько же, как вы полагаете, продлится это ваше всеобщее благоденствие, до того как они придут в Динандар с острыми мечами и отточенными перьями, чтобы перекроить карты своих баронств и написать конец вашей маленькой политической истории?
- Но вы не принимаете в расчет короля Ласло, который владеет всеми этими землями, возразил чернобородый мятежник. Он держит барона в узде и он всегда защищал нас против жестоких указов и поборов. Его армии сотрут в порошок любые войска, которые посмеют выставить местные лорды!

Дарвальд рассмеялся.

— Значит, вот какая судьба нас ждет — порядки в городе будут устанавливать королевские гарнизоны! И вы думаете, что такой позор улучшит вашу участь, или что эта грубая солдатня с юга империи будет более отзывчива к вашим бедствиям, чем наши гвардейцы? — спросил он. — Не сомневайтесь, что они будут грабить и мародерствовать здесь так же жестоко, как и любые другие захватчики! Кроме того, король Ласло назначит правителем над нами какого-нибудь безмозглого полководца из числа своих вояк и наделит его неограниченными полномочиями.

По группе мятежников пробежал шепот, их взгляды обратились в сторону Конана.

— И что вы предлагаете, Дарвальд? — спросил киммериец.

Но перед тем, как маршал смог ответить, вперед вышел немощный старый учитель Лотиан и заговорил с удивительной твердостью и уверенностью:

— Я думаю, что могу предложить направление действий, которое принесет пользу и выгоду обеим сторонам. Если вы решите, кто является лидерами среди вас, то можете выдвинуть их для дальнейшего обсуждения этого вопроса с нашими лидерами.

На некоторое время мятежники сбились в кучку, чтобы посовещаться. Хотя в их взглядах

сквозили недоверие и подозрительность, все же они смогли выбрать делегатов так быстро и единодушно, что Конан удивился. Были избраны Эвадна и жрец из Храмовой школы, а также чернобородый поклонник короля Ласло и двое других мятежников. Киммериец оказался включенным в делегацию безо всяких вопросов.

Обе группы подошли к дверям комнаты, примыкающей к покоям Бальдра. Мятежники вошли туда первыми, осторожно оглядываясь и держа наготове мечи, за ними последовали аристократы. Охрана каждой группировки осталась снаружи у дверей, поглядывая на недавнее поле битвы.

- Итак, господа аристократы и... мятежные командиры, Медленно пройдя по комнате, старый Лотиан уселся за большой обеденный стол напротив двери, хотя остальные продолжали стоять, держа руки на рукоятках мечей. Я думаю всем ясно, что и той и другой стороне необходим определенный компромисс. Как вам должно быть известно, я расходился во мнениях с последним бароном относительно его наиболее жестоких указов; более того, я постоянно предупреждал его о том, что он своими действиями вызовет недовольство, которое может привести к тому, что сейчас и произошло. С другой стороны, я твердо верю в превосходство аристократического правления. Как один из создателей науки о благородном превосходстве...
- Хватит об этом, советник! прервала его Эвадна. Если вы будете слишком долго заговаривать нам зубы, то наши последователи устанут ждать и выгонят из города все войска и гвардию. И тогда вам не о чем будет с нами торговаться. Лучше скажите нам, какие общие интересы могут быть у людей Динандара с нашими недавними угнетателями.
- Я тоже предупреждал Бальдра о том, что некоторых его действия могут привести к нежелательным последствиям. Никто здесь не презирает бессмысленную жестокость больше, чем я, вмешался Дарвальд.
- А теперь, как вы видите, мы уже не так разделены, как раньше, продолжал Лотиан в своей неторопливой манере. И нам остается только поделить власть наиболее подходящим образом...
- Старый болван! презрительно бросил светловолосый ученик Храмовой школы. Когда это в Динандаре мирно делили власть, если только не пытались это сделать с помощью меча?
- Когда ее не делили, точнее говоря? покачала головой Эвадна. Скажите мне, советник, кто является следующим преемником в роду барона после Фавиана?
 - Должно быть, старый Эдгар, кузен Бальдра, сквайр из Лесных озер.
- Так я и думала! Пьяница и развратник, уже прославившийся бездарным правлением в своих собственных владениях. Наш народ никогда не примет такого презренного тирана! воскликнула Эвадна. Он был сегодня ночью в замке?
- Если он и был здесь, то или погиб или убежал. ответил Дарвальд. Но невелика потеря. Но если вы думаете о марионетке, то я согласен, нам нужен более привлекательный образ, чем этот.
- Как жаль, что госпожа Калисса женщина... к тому же безумная, с огорчением произнес ученик хромовой школы. Когда-то ее сдержанность оказывала влияние на двор. Кто мог подумать, что события этой ночи приведут ее к нервному расстройству? Теперь должно быть до конца дней она будет находиться в изоляции и под наблюдением, если кому-нибудь из наших жрецов не удастся изгнать из нее злых духов, вызванных проклятием Эйнарсонов.

Мрачную тишину, последовавшую за этими словами, нарушил голос чернобородого мятежника:

— Если мы хотим сами создать себе барона, то лучше использовать какого-нибудь молодого наследника, которого мы могли бы легко контролировать. Или наоборот, старого и дряхлого

- дедушку, у которого уже не осталось никаких амбиций.
 Но разве вы не видите, что нам не нужно искать слишком далеко? Лотиан
- но разве вы не видите, что нам не нужно искать слишком далеко? Лотиан нетерпеливо поднялся со стула. У нас есть подходящий наследник. У нас есть сам лорд Фавиан!
- Фавиан мертв, советник, возразил чернобородый. Он лежит на полу своей комнаты в луже крови. А что касается его двойника... Что ж, он хорошо показал себя, убив Бальдра и присоединившись к нам. Но все же у нас нет гарантии, что это ваша очередная уловка.
- Ну это уже вопрос вашего доверия. И все же Конан лучше всего подходит для нашей общей цели. Те, кто знает об этом обмане, должны поклясться молчать. Все должны думать, что вместо Фавиана. погиб его телохранитель. Конан, я думаю, будет достойно править теми, кто привык следовать за своим традиционным лидером. У него хорошая душа, к тому же он извлек много пользы от моих уроков.
- Но склонят ли жители Динандара головы перед Фавианом, как отцеубийцей? озабоченно спросил чернобородый. Одна из целей нашего захвата власти состоит как раз в том, чтобы навсегда покончить с кровавыми деяниями Эйнарсонов!
- Вот и считайте, что с ними покончено, сказал Дарвальд. Как раз убийство барона и знаменует собой разрыв с прошлым, и это позволит людям принять другого повелителя из рода Эйнарсонов.
- А ведь правда, выдать его за нового барона будет совсем нетрудно! с энтузиазмом воскликнул светловолосый молодой мятежник. И вряд ли будет какая-то опасность, что варвар действительно захватит реальную власть. Его надо будет только выставлять напоказ перед толпой, да следить, чтобы он не открывал рот, иначе его сразу выдаст этот ужасный северный акцент. Для них он будет бароном, а для нас лакеем!
- А ну, заткнись, грязная собака! рявкнул Конан на мятежника, который сразу побледнел и притих. Я не буду ничьим лакеем, так же как и марионеткой в руках таких, как вы! Если я и буду продолжать этот маскарад, то он будет на моих условиях.
- Конечно, Конан, конечно, Дарвальд положил руку киммерийцу на плечо и улыбнулся. Ты будешь получать хорошую плату за это, жить в прекрасных условиях. Тебе придется, может быть, выполнять какие-нибудь военные функции там ты можешь командовать по-настоящему. Но тебе не надо беспокоиться о государственных делах, все это бремя мы возьмем на себя.
- Возьмет на себя Совет по реформам, вы хотели сказать, угрожающе произнес чернобородый мятежник, и по их группе пронесся одобрительный шепот.
- Да, конечно, поспешно сказал Дарвальд, жестом успокоив волнение. Поверьте мне, мы так же рады, что освободились от Бальдра и его подлой обезьяны Своретты, как и вы. И от его непредсказуемого отпрыска тоже! Пока будут признаваться законные интересы благородных домов, лорды и общинники могут объединиться с этого момента и вместе служить на благо Динандару и его прекрасному будущему.

Глава 12. Господин Варвар

Луч солнца, упавший сквозь щель между занавесками, высветил широкую полосу пыли в полумраке комнаты. Луч солнца, словно меч, полоснул по лицу Конана, — лежавшего на широкой, украшенной геральдическими знаками, кровати.

Не открывая глаз, он зашевелился и повернулся на другой бок, чтобы спрятаться от яркого солнца. Неловко повернувшись, он выбросил руку вперед и опрокинул низкий прикроватный столик, на котором стояли кубки и графины с вином.

Раздался грохот, и Конан, пробормотав ругательства, приподнялся и сел на край кровати, не сразу поняв, где находится.

Комната, где он провел эту ночь, была спальней барона Бальдра. Просторная, и с высокими потолками, прекрасно обставленная, она соответствовала всем требованиям благородного вкуса, хотя Конан подозревал, что зимой тут могло быть сыро и холодно. Встав с кровати, он сорвал висевший над ней балдахин и, подумав, швырнул его в камин, в надежде избавить эту комнату от застарелых затхлых запахов. Но несмотря на все его усилия, покои Бальдра продолжали вызывать у Конана неприятные ощущения.

Внезапно он услышал торопливый стук в дверь. Конан отодвинул засов и услышал резкий, но добродушный голос, приветствовавший его.

- Ну что, молодой барон, как дела? взъерошенный, со сломанным носом человек вошел в комнату, неся поднос с фруктами и хлебом. Ну и шум же ты поднял, когда проснулся! Как ты себя чувствуешь сегодня утром?
- Говори потише, Рудо, я ужасно себя чувствую. Я думаю, меня опять отравили, Конан снова сел на кровати. Это вино сегодня ночью...
- Точно, вино! Рудо наклонился над дурно пахнущей лужей на полу, вылившейся из упавших бутылок. И в самом деле отравлено, и тем же самым отваром, что и у остальных. Ты знаешь, что полгорода валяется в кроватях после этой праздничной ночи? Он поставил на место столик и, собрав с пола бутылки и кубки, водрузил их на место. Затем он встал на колено и вытер лужу валявшейся рубашкой Конана. Любой из этих ликеров может свалить здорового мужика, а ты столько их смешал и еще удивляешься, что тебе плохо! Ты слишком неосторожно испытываешь судьбу, Конан, прошу прощения, милорд барон.

Когда Рудо вытер пол, он поднес хрустальный графин к губам и сделал большой глоток.

— Вкусно! — сказал он с довольным видом. — Когда мы жевали вместе с тобой хлебные корки в городской тюрьме, кто бы мог подумать, что мы когда-нибудь будем пить такой нектар? Я верю в твой успех в государственных делах, лорд барон, также как и в то, что та не забудешь старых друзей!

Сидя на кровати и растирая виски, Конан только глухо промычал что-то в ответ. Он сделал вид, что не заметил, как его бывший товарищ по несчастью подобрал с полу золотой кубок и украдкой сунул его за широкий пояс своих шелковых штанов.

Рудо ушел, затем вернулся, затем снова ушел, а Конан все сидел на кровати, осторожно пережевывая свой завтрак и запивая его свежим молоком из кувшина. Простая еда вполне удовлетворила его, и, несмотря на свои опасения, он все еще доверял своим недавним товарищам, с которыми делил общий стол в помещении для слуг, что они его не отравят.

Впереди его ждал новый день, пустой и не обещающий ничего интересного. Его обязанности, как подставного барона, были до смешного незначительными, состоящими, главным образом, из торжественного шествия по укреплениям в полном вооружении и короткой «аудиенции» с группой аристократов и командиров мятежников, которые в эти дни на самом

деле правили Динандаром.

После той безумной первой ночи восстание завершилось почти бескровно благодаря смерти Бальдра и нелегкому компромиссу между мятежниками и аристократами. Несколько младших офицеров и служащих, таких как Флетта, следователь и палач, предстал перед судом граждан, были осуждены и распяты на колесе, чтобы успокоить мстительные чувства горожан. Несколько непопулярных аристократов покинули свои дома и исчезли, или спрятанные своими друзьями при дворе или убитые ими. Партия аристократов не позволила никому из своих членов подвергнуться гражданскому суду, опасаясь, что публичная экзекуция аристократов может создать плохой прецедент.

Ближайшим вопросом для обсуждения между двумя партиями был вопрос о роспуске Железной гвардии; Конан даже задремал во время долгого спора по этому вопросу, который на повышенных тонах вели Дарвальд и Эвадна. Наконец, было принято решение заменить элитную гвардию на отряд «Красных Драконов», целью которого было следить за порядком в городе. Это означало, что оружейнику Дру прибавится работы, поскольку на новых доспехах требовалось сделать новые знаки отличия. Бывшие Железные гвардейцы подчинились этому решению беспрекословно.

Для себя Конан не видел точки приложения сил в новом Динандаре, кроме вина, еды и девушек. Он разыскал несколько своих старых друзей, с которыми вместе сражался плечом к плечу во время восстания в тюрьме, но его послание в Варакел вызывающее бывшую служанку Лидию обратно в столицу, осталось без ответа. Конан подозревал, что его работодатели, не слишком жаждущие, чтобы вокруг него были друзья, могли перехватить его гонца. Он всерьез подумывал о том, чтобы отправиться за ней самому.

Его размышления были прерваны новым стуком в дверь. Он поднял глаза и увидел Эвадну, одетую в легкую, перехваченную поясом тунику и кожаные сандалии.

- Доброе утро, Ваша светлость, Она не обратила никакого внимания на то, что Конан был полуодет, но чуть поморщилась, уловив густой неприятный запах вина. Пробуждение после очередной ночной попойки, как я вижу. Неужели ты никогда не устаешь от... трудов на новом поприще? насмешливо спросила она и уселась на лакированный стул на значительном расстоянии от Конана.
- На самом деле я ужасно устал от этих бесцельных занятий также как от старых шлюх, которых мне присылают из местных кабаков. Мне нужно больше жизни, чем может предоставить это затхлое пространство.

Эвадна пожала плечами и слегка улыбнулась.

- Если ты такой неугомонный, поезжай на охоту. Если хочешь, можешь объявить ее на завтра, предложила она.
- Да, егеря заранее приготовят для меня ручных оленей из своих загонов, чтобы я устроил резню в компании с грубой солдатней? Нет, Эвадна, покачал головой Конан. В моей юности в Киммерии охота имела цель и смысл. А здесь, как и везде в Немедии, это просто пустое развлечение.
- Тогда поупражняйся в фехтовании. Сражайся сразу с тремя или четырьмя гвардейцами, если ты наслаждаешься жизнью, только когда рискуешь ею. В общем, для тебя тут может найтись много дел, стоит только захотеть. Любой обыватель охотно отдаст свой нос или ухо, чтобы быть на твоем месте. Должна признаться, я считаю это хорошим испытанием для тебя. Надо же когда-то учиться обуздывать свой дикий нрав!
- А почему тебя это так беспокоит, Эвадна? спросил Конан, пристально глядя на нее. Может быть, тебя назначили нянькой при мне? Может быть, вы решили следить за каждым моим шагом, чтобы быть уверенными, что я хорошо играю свою роль?

- Не волнуйся на этот счет, ты изображаешь из себя аристократического недоумка очень убедительно, усмехнулась Эвадна. Не забывай, наше правительство еще совсем юное и неопытное, в котором, к тому же, много... нездоровых элементов. Две наши самые шатающиеся опоры это ты и бедная сумасшедшая госпожа Калисса. Поэтому необходимо, чтобы кто-то взял ответственность за твое благоденствие.
- А каково сейчас состояние Калиссы? Конан отвел взгляд в сторону, почувствовав внезапный приступ грусти. Она все еще безумствует?
- Нет, ее ярость уже прошла, и она больше не пытается сорвать талисман со своей шеи. Она не связана, ей разрешено свободно ходить по комнате, конечно, при этом за ней наблюдают. Она больше не бредит, и даже не говорит. Ни с кем.
- Бедная Калисса! вздохнул Конан, хотелось бы мне знать, кто из нас больше является заключенным: она или я?
- Ерунда, поморщилась Эвадна, Если ты решил бросить Динандар на произвол судьбы и лишиться ежедневного поступления на твой счет золотых монет, мы вряд ли сможем тебя удержать.
- Но тем не менее попытаетесь, не так ли? усмехнулся Конан. И поэтому ты сейчас пришла в мою комнату? А может быть, где-нибудь под твоей туникой спрятан кинжал? Ведь насколько я знаю, ты предпочитаешь ставить на место строптивых лордов именно с помощью него!
- Хватит! Я этого не хотела! побледнев, воскликнула Эвадна и поднялась с места. Но хочу тебя предупредить ради блага нашей провинции я готова пойти на все, если это будет необходимо. Своим честным участием в нашей борьбе ты заслужил определенные привилегии. Но очень ограниченные.
- Спасибо и на этом. Конан тоже поднялся на ноги и сделал несколько шагов по направлению к ней. Послушай, Эвадна, я слышал, что твоя недавняя свадьба была просто обманом.
- Нет! Она отступила назад, увидев, что Конан протянул к ней руки. Я не проститутка из таверны, чтобы скрашивать твой досуг! И не следующая в цепи твоих завоеваний в этом замке. Я здесь совсем по другим делам, более важным, чем это. А что касается моей свадьбы, она могла быть и простой формальностью, но я этого никогда не узнаю, потому что мой муж был первым, кого убили гвардейцы Бальдра во время нашего восстания, она шагнула к двери и, прежде, чем открыть ее, любезно поклонилась. Удачного вам дня, милорд барон!

Конан доплелся до своей кровати и тяжело опустился на нее. Взглянув на остатки своего завтрака, он протянул было к ним руку, но затем вдруг со злобой отшвырнул поднос вместе со столиком из слоновой кости. Испытывая какое-то странное опустошение, он лег поперек кровати и закрыл глаза.

* * *

Прошли мгновения или часы, прежде чем дверь комнаты снова скрипнула. Нашупав рукой меч, лежавший у него в кровати, как невеста, Конан приподнялся на локте и увидел, что в комнату вошли Дарвальд и Эвадна.

— Ну, лорд Фавиан, рад вас видеть живым и здоровым! Однако я смотрю вы немного взлохмачены... хотя это совсем неважно, ведь все равно вряд ли мы найдем другого, более утонченного двойника, — с улыбкой сказал Дарвальд, обойдя опрокинутый столик, чтобы подойти к Конану. — Но я надеюсь, что ты уже выздоровел после твоего ночного веселья. Нас

- ждет дело, которое требует, чтобы мы все были в хорошей форме.
- Освежающая ванна уже готовится, добавила Эвадна. Мы подождем, пока ты моешься и переодеваешься.
- А по какому поводу? Конан откинул со лба непокорную прядь черных волос. Неужели какая-нибудь юная невеста произносит сейчас свои клятвы, в душе ожидая нежного свидания с лордом-наследником?

Эвадна застыла при этих словах, но Дарвальд снова улыбнулся:

- Только что прибыли гонцы от соседних баронов. Лорды собираются отправить военную экспедицию против поклонников культа змеи и они ожидают, что мы к ним присоединимся.
- А вы не думаете, что это ловушка? недоверчиво спросил Конан. Больше похоже на то, что бароны собираются идти против нас, воспользовавшись временным ослаблением власти в Динандаре. Вы ведь сами, маршал, предупреждали о подобной возможности. Так мы будем готовить город к осаде или встретим их на равнине?
- Не рвись раньше времени в драку, парень! Дарвальд терпеливо покачал головой. Конечно, бароны уже слышали о наших недавних событиях и, естественно, они желают проверить нашу силу и выведать, может ли все еще Динандар удерживать свои территории. Но я могу поклясться, что цель этой миссии честная.

Маршал уселся на край широкого письменного стола, сложив руки на груди.

— Культ змеи стремительно распространяется, они уже двинулись на юг, к владениям барона Оттислава, и он первым пришел к своему другу, Сигмарку, за помощью. А теперь оба пришлю сюда. Это наш шанс показать им, во-первых, что у нас нет никаких связей с культом змеи, и, во-вторых, что у нас сильная власть в нашей провинции, и достаточно сил, чтобы защитить ее.

Пока Дарвальд говорил, в комнату вошел Рудо, неся тазик с водой и свежее белье. Конан опустил лицо в воду, потом выпрямился и потряс мокрой головой, как лохматый терьер, брызгая на своих гостей.

- Может быть, вместо этого нам лучше присоединиться к этим сторонникам культа змеи, если бароны, как вы говорили, такие алчные, сказал Конан вытирая лицо полотенцем.
- Объединиться с последователями Сета? Ко... Лорд Фавиан, это едва ли можно назвать разумным предложением, Эвадна взглянула на него с отвращением.
- А ты веришь этим баронам? Конан энергично плеснул воды себе на грудь и растер ее полотенцем. А если эти соседние бароны натравят тебя на твоих товарищей по мятежу? Я думаю, если они направят тебя против твоего собственного народа, то половину успеха им уже обеспечено.
- Нет, лорд-барон, вы не представляете себе, что такое культ змеи, сказал Дарвальд, подчеркнуто выделив ложный титул Копана. Они даже не похожи на людей. Вы ведь видели того негодяя, которого мы допрашивали в замке сквайра Ульфа.
- Это так, поверь мне, добавила Эвадна. Когда мы двинулись на восток, чтобы устроить засаду Бальдру, мы проходили через долину, опустошенную их нашествием. Это даже нельзя назвать верой, скорее это чума, которая распространяется и распространяется, пока ее, наконец, не остановить силами армии.
- Ну что ж, раз двое из вас окончательно соглашаются в чем-то, то это может быть правдой, сказал Конан, продолжая плескаться водой из тазика. Итак, что я должен сделать, чтобы успокоить этих баронов? А вообще, они знают меня, то есть лорда Фавиана в лицо?

Дарвальд покачал головой.

— Дипломатические отношения между нами всегда были прохладными, и я уверен, что никто из них за последние десять лет не видел Фавиана. Ты можешь снять свой шлем в их

- присутствии, сказал маршал. Они, конечно, слышали разные сплетни и намеки, но если ты будешь держаться спокойно и уверенно, то, думаю, все пройдет хорошо.
- Используй приветствия и правила этикета, которым тебя учили, добавила Эвадна. И ничего не бойся, у тебя будет надежная охрана.
- Да. Мы, как твои советники, будем вести переговоры, Дарвальд похлопал Конана по плечу. Они не ждут большого опыта в ведении государственных дел от такого юного наследника.
- В главном зале уже идут приготовления для переговоров, Эвадна отвела глаза в сторону, чтобы не смотреть на обнаженную фигуру Конана, едва прикрытую полотенцем. Войска разместятся вдоль реки, а гостей мы ожидаем с наступлением ночи. Мы должны сейчас собрать всех советников, потому что нам многое надо обсудить,

* * *

Лампы ярко освещали главный зал замка, в котором лорды и полководцы не спеша занимали свои места за столами, уставленными яствами и бочонками с пивом. Впрочем, угощение было довольно скромным, без прежней расточительности барона Бальдра. Толпа горожан, заполнившая внутренний двор, приветствовала гостей радостными возгласами, советники, даже старый Лотиан, были одеты по-военному, а стража расположилась вдоль стен зала с равными промежутками.

Прибывшие лорды, казалось, не обращали на все это никакого внимания. Барон Сигмарк, низенький, худощавый человек с приятными чертами лица, старательно принюхивался к кускам мяса на своей тарелке и время от времени бросал недоверчивые взгляды на хозяев замка. Оттислав, лысый, но с пышными усами полководец, увешенный золотыми цепочками, старательно обслуживал сам себя. накладывая себе на тарелку огромные куски мяса и обильны запивая их пивом: но, когда хозяева пытались обратиться к нему по какому-нибудь вопросу, его единственным ответом было слово: «Хау!», произносимое резко и даже злобно.

Посмотрев на поведение за столом этих двух аристократов, — Конан понял, что никто из них не ожидает от него изысканных манер, и позволил себе немного расслабиться. Рядом с ним сидел Дарвальд, по другую сторону — Эвадна, еще несколько советников присутствовали за столом, готовые отвечать на любые вопросы гостей, так что Конан мог не опасаться, что ему придется что-нибудь говорить. Он с большим удовольствием налегал не еду и питье, а затем с интересом смотрел на немедийские крестьянские танцы, устроенные для развлечения гостей лидерами мятежников.

Когда селяне-танцовщики покинули зал, началось обсуждение восточного похода. Резким лающим тоном маршалы обоих баронов изложили свои цели, сводящиеся к полному истреблению восточных приверженцев Сета и возвращению домой до того, как первый мокрый снег превратит дороги в слякоть.

Затем гости кратко ответили на вопросы динандарских советников. Сначала в их ответах сквозили прозрачные намеки на то, что последователей культа змеи поддерживают новые правители Динандара. Когда хозяева замка энергично запротестовали, гости сменили тон и попросили военную поддержку для своего похода.

Во время переговоров Дарвальд, Эвадна и Лотиан усиленно делали вид, что совещаются со своим бароном по каждому вопросу. На самом деле оживленный обмен мнениями между ними троими лишь едва доносился до ушей Конана, хотя он не забывал время от времени кивать с важным видом и бормотать что-то себе под нос.

Переговоры стали более напряженными, когда советники переместились по ту сторону стола, чтобы лично поговорить с иноземными баронами. Услышав вдруг какое-то странное мычание, киммериец посмотрел на противоположный конец стола и увидел, как Эвадна схватила большой палец Оттислава, резко вывернув его, после того, как оторвала его руку от своей груди, куда он уверенно залез. Когда она отпустила его, лысый аристократ впал в неистовство, так что помощникам пришлось его удерживать. Глядя на эту сцену, лорд Сигмарк перестал обнюхивать тарелку и злобно рассмеялся.

Низенький барон, очевидно презиравший ведение переговоров с подобного рода излишествами, перевел взгляд на Конана и обратился прямо к нему:

— Фавиан! Хватит уже пустой болтовни. Вы выставляете десять отрядов — ни больше, ни меньше. В конце концов, эти змеепоклонники появились уже в ваших собственных землях. Итак, десять боевых отрядов, если, конечно, — ваши тайные советники позволят это.

Прежде чем других могли заговорить, Конан неожиданно для своих советников решительно произнес: — Хорошо! — Он поднял кружку с пивом в подтверждение своего согласия, не обращая внимания на нервный шепот у него за спиной.

— Прекрасно! — Сигмарк тоже высоко поднял свою кружку, затем залпом ее выпил. — Тогда мы сможем с корнем вырвать проклятую чуму. Это будет жаркая охота! — Он поставил свою кружку и улыбнулся Конану. — Скажите мне, барон, вы будете сопровождать нас? Поход мы начнем с Варакела.

На этот раз подошедшая Эвадна успела ответить раньше Конана:

— Нет, барон Сигмарк, наш лорд должен оставаться в Динандаре в это критическое время. Командовать нашими войсками будет маршал Дарвальд.

Но Конан слышал, как Сигмарк произнес знакомое слово: Варакел, название родины Лидии.

— Конечно, я поеду! — Твердо сказал он, не обращая внимания на знаки, которые делала ему Эвадна. Поставив кружку на стол, он повернулся к гвардейским офицерам. — Приготовьтесь к походу. Мы отправляемся на рассвете!

Глава 13. Поход в бездну

Подобно обломанным зубьям, резко вырисовывающимся на фоне яркого голубого неба, застыли в зловещем молчании полуразрушенные стены и башни замка Эдрам. Внутренняя часть замка лежала в руинах, и можно было только гадать, откуда у нападавших взялись такие силы, чтобы привести в столь жалкое состояние этот некогда неприступный бастион. Нападение, видимо, произошло несколько дней назад, потому что ни огня, ни дыма уже не было видно, однако запах гари был настолько сильным, что киммериец повернулся и вышел наружу через полуразрушенный арочный вход.

- Значит, они сожгли замок Ульфа, как он до этого сжег деревушку у реки, сказал он Эвадне. Я не осуждаю их, наоборот, я бы и сам сделал то же самое... но все же, все это странно. Я думал, что мятежники просто захватят это место, чтобы использовать его в качестве крепости и осуществлять контроль над всей долиной, Конан еще раз взглянул на полуобвалившуюся каменную арку и проломленные мощные стены. Они могли бы долго продержаться здесь и отражать любые атаки даже такой многочисленной и хорошо вооруженной армии, как наша.
- Я же говорила тебе, что здесь мы имеем дело не с мятежом, а с чумой! пожала плечами Эвадна. Эти змеепоклонники обращают в пепел и руины все на своем пути. Нам еще повезло, что они разрушили только один пролет моста.

Конан посмотрел вперед, где последний отряд их колонны медленно двигался по шаткой канатной дороге с обуглившимся настилом, которая чудом уцелела в охваченном огнем замке. Осторожно миновав пролом, всадники и повозки перешли на каменный мост, по которому уже в безопасности можно было дойти до дороги, где их ожидало остальное войско.

Не теряя времени зря, стоявший на дороге барон Сигмарк чертил что-то в своей карте; его приятель барон Оттислав длинно и витиевато ругался, неудачно бросив кости в игре со старшим кавалерийским офицером. Когда Конан приблизился к ним, Сигмарк оторвался от карты и с мрачной улыбкой взглянул на киммерийца:

— Думаю, теперь мы можем двигаться дальше в безопасности, лорд Фавиан. Предлагаю придерживаться нашего прежнего порядка следования.

Кивнув в знак согласия, Конан повернулся и жестом дал сигнал войскам приготовиться к маршу. Взяв в руки поводья, он ощутил легкое прикосновение стоявшей рядом с ним в колеснице Эвадны.

- Я так и думала, что твои друзья бароны не горят желанием ехать впереди, тихо сказала она, скривив губы в презрительной усмешке.
- Зато не придется ехать с ними бок о бок, каждый раз выкручиваясь, отвечая на их вопросы, так же тихо отозвался Конан, дернув поводья. К тому же возглавлять всю колонну довольно лестно и почетно.

Проехав мимо длинных рядов скучающих всадников и переминающихся с ноги на ногу пехотинцев, колесница выехала на дорогу и остановилась во главе колонны. Рудо и другие друзья Конана, возглавлявшие пехоту, приветствовали его одобрительными возгласами, не забывая называть киммерийца лордом Фавианом.

— О каком почете ты говоришь? — покачала головой Эвадна. — Ты уверен, что мы можем доверять негодяям за нашими спинами? Когда передовой отряд нашей колонны встретит врага, как быстро те, что едут сзади, вступят в бой? И на кого обрушатся их мечи и копья — на нашего общего врага или на нас? Эта военная затея — прекрасный предлог для баронов ослабить, если не уничтожить боевую мощь Динандара!

- И я говорил то же самое, нахмурившись, пробурчал Конан. Но не бойся, если эти мошенники замышляют предательство против меня, я уложу их обоих одним ударом меча!
- Меня еще беспокоит положение дел дома, озабоченно произнесла Эвадна, оставив без внимания хвастливое заявление Конана. Слишком уж ненадежен наш союз с аристократами. Дарвальд держит под контролем почти всю бывшую Железную гвардию, и ему ничего не стоит захватить замок и объявить себя бароном. Я только надеюсь, что мои товарищи достаточно сильны, чтобы не дать осуществиться его амбициям и не позволить ему разрушить наши завоевания.
- Тогда я хочу спросить тебя, Эвадна, почему ты решила покинуть Динандар и поехать со мной? Конан искоса бросил на девушку взгляд. Маршал ведь очень хотел отправиться в поход, чтобы присматривать за мной, но ты сама отговорила его.
- Ты что, действительно думаешь, что я позволила бы вам двоим общаться всю дорогу с этими хитрыми баронами? Слишком многим тогда пришлось бы рисковать безопасностью нашего города, нашими войсками и нашим подставным наследником, всем сразу! Эвадна взглянула на Конана, затем снова стала смотреть на дорогу. Особенно тобой, ради нашего государства.

Конан лишь усмехнулся в ответ и резко дернул поводья, когда дорога начала подниматься.

- Кроме того, Конан, я могу спросить тебя о том же самом почему ты так настаивал на участии в этом походе? теперь она в свою очередь украдкой бросила взгляд на киммерийца. Да, конечно, я знаю, что вы, северяне, любите сражения больше, чем черничный пирог... но я чувствую, что у тебя есть и другая, тайная цель. Честолюбие? Притязание на власть?
- Ну что ты, Эвадна, усмехнулся он. Слишком долгое пребывание в баронском замке сведет меня с ума, как бедную Калиссу! Так что уж лучше встретить смерть в бою, где-нибудь в пустынных просторах Варакела.
- Понятно, скептически произнесла Эвадна. Но не забывай, что ты теперь командуешь целой армией. Не думаю, что тебе приходилось когда-нибудь это делать. Так что, каким бы смелым ты ни был, как красиво ни смотрелся бы во главе этой колонны, все же тебе не хватает умения обученных и опытных командиров. Поэтому тебе лучше продолжать хранить молчание и внимательно слушать мои советы. Например, сейчас, когда дорога идет уже слишком близко к лесу.
- Вижу, отозвался Конан. Не беспокойся, я начеку. Один раз я уже попал в засаду, которую ты со своими приятелями нам устроила, и я совсем не жажду повторения этого опыта.

Свистнув и натянув поводья, киммериец заставил коней остановиться, а командиры передового отряда передали его сигнал по колонне. Затем, вместо того, чтобы подождать, пока его приказ объявит советник, он обратился к кавалерийскому командиру, выговаривая слова со своим обычным киммерийским акцентом:

— Отправь двух разведчиков в лес по обе стороны дороги и двоих вперед. Скажи им, чтобы сразу били тревогу, если увидят врага.

Когда командир повернулся к своим всадникам, чтобы дать им указания, Эвадна расширенными от изумления глазами посмотрела на Конана.

- Не слишком ли ты смелый? шепотом спросила она. Твой чужеземный акцент добавит пищу для слухов о твоей подделке, которые окончательно подорвут моральный дух наших войск!
- Лучше, чтобы они начали верить слухам сейчас, чем в разгар сражения! возразил Конан.

Услышав звук копыт приближающихся всадников, они обернулись и увидели Сигмарка и

- Оттислава, каждого из которых сопровождали по два вооруженных вассала.
 Барон, что это за новая остановка? спросил Сигмарк. Ведь мы и так потеряли много времени, когда переходили через реку.
- Мы можем потерять все время, которое осталось нам на земле, если напоремся на засаду в этих лесах, поспешно сказала Эвадна, не дав Конану раскрыть рот.
- Xay! привычно воскликнул Оттислав. Да никак вы боитесь, блондинка? Сожалею, но нам все равно рано или поздно придется встретить врага, так что пусть ваш молодой хозяин лучше поторопится...
- Я приказал остановиться, резко оборвал его Конан. Это право полководца. Если мой шаг вас не устраивает, вы вольны поставить ваши войска за мной в передовой отряд.
- Нет, барон, Сигмарк пристально посмотрел на него, как будто увидел его впервые. Нет смысла нарушать порядок целой колонны. Мы оставляем вам право действовать по вашему усмотрению и по усмотрению вашего прекрасного... советника. Но помните, как старшие лорды, мы имеем право принимать в бою свои собственные решения, Маленький барон взглянул на Эвадну и улыбнулся ей. Ваш режим в Динандаре может быть новым и нетрадиционным, но только для ваших внутренних дел, потому что он связан традициями, которые регулируют жизнь всей нашей Немедийской империи и позволяют всем ее частям работать вместе в гармонии.
- Не всегда в гармонии, поправила его Эвадна. Вы забыли, как армии вашего отца пытались захватить наши западные земли? Или как ваши собственные войска пытались вторгнуться в Руталию, пока их не остановил указ короля Ласло?
- Вы не совсем правы, моя госпожа... начал было Сигмарк, но в этот момент Конан дал колонне сигнал двигаться и хлестнул своих лошадей. Колесница помчалась вперед, и Сигмарку оставалось лишь задумчиво смотреть им вслед. Затем, по-видимому не удовлетворенный исходом разговора, он вдруг пришпорил коня и, догнав колесницу, поехал рядом с ней.
- Если бы вы читали баронские хроники, то нашли бы там много ошибок и несправедливостей, которые лежат на совести ваших собственных правителей, сказал маленький барон, вновь обращаясь к Эвадне. Хотя я вряд ли мог бы осудить за то же самое ваше новое правительство, такое юное и... неопытное.
- Ну что вы, барон Сигмарк, холодно возразила Эвадна. Мы собираемся быть крепким и справедливым правительством и не иметь никаких притязаний на соседние территории, я говорю о моем лорде, конечно, Она отвесила легкий поклон Конану, который был занят управлением колесницей и в разговор не вмешивался. Наш барон Фавиан правитель, который смотрит в будущее и не хранит в памяти мыслей о старой вражде.
- Да, я вижу, лицемерно кивнут Сигмарк. Кажется, его действительно мало заботит прошлое вашего города, но это, вероятно потому, что его слишком беспокоят группировки и разногласия при вашем дворе. Оттислав и я хотим предложить вам, в случае, если эти внутренние проблемы станут слишком тревожными, нашу военную поддержку. Наши голоса имеют влияние за пределами наших провинций, вы это знаете, и наши войска всегда находятся в боевой готовности, чтобы оказать своевременную помощь нашим друзьям, попавшим в беду.
- Тысяча благодарностей от моего лорда Фавиана, Эвадна любезно кивнула барону. Но я думаю, придется долго ждать, пока такая помощь понадобится Динандару. Сейчас главная угроза для нас, как и для вас это культ змеи, поэтому мы поддерживаем вас в вашей военной экспедиции. А когда с ним будет покончено, мы вернемся домой, чтобы работать на благо сильному, независимому Динандару.
 - Хау! Для особы слабого пола вы говорите слишком сильно и авторитетно, вмешался в

разговор подъехавший Оттислав. — Вашему барону повезло иметь такую помощницу.

— Да, хотя я всего лишь простая женщина, — в тон ему ответила Эвадна. — Для моих врагов было большой ошибкой в прошлом забыть, что в тигеле, в котором плавится металл для кухонного котла, найдется металл и для острого меча, а рука, которая натягивает нити ткацкого станка, может натянуть и тетиву лука!

Оба барона переглянулись, затем немного поотстали и наконец направили своих коней назад, к центру колонны. Конан не выдержал и рассмеялся над их тщетными попытками смутить разум и дух Эвадны своими хитрыми подходами и коварными уловками. Но Эвадна вдруг набросилась на него с яростью, которую она держала при себе все время разговора с Сигмарком и Оттиславом.

— Безмозглый варвар, как ты мог открыть рот перед ними? Ты считаешь, что было удачной шуткой — открыть себя перед этими интриганами? Разве ты не видишь, что они хитрые и коварные враги? Мне следовало бы знать, что с тобой опасно иметь дело из-за твоей тупости! И из-за твоей привычки тащить за собой своих тюремных друзей, и из-за твоих самонадеянных претензий на авторитет! — кричала она. Конан повернулся и, к своему изумлению, увидел, что лицо Эвадны залито слезами ярости. — Да, лорд Конан, я вижу, ты удовлетворил свою варварскую гордость. Теперь ты можешь бросить мой город под ее кровавый меч!

Конан ничего не ответил, и они долго ехали в молчании, не только потому, что им не хотелось говорить друг с другом, но и потому, что дорога перед ними начала постепенно меняться: они катили теперь по низкой равнине со множеством рек, сходившихся вместе, чтобы напоить водой варакелские пустоши. Небо впереди стремительно темнело, становясь странного серо-коричневого цвета.

Пелена дыма, как уже стало ясно, была такой плотной и темной, что несомненно предупреждала о великом и страшном разорении страны, лежащей впереди. Страны, собственно, уже не было — от нее остался лишь огромный погребальный костер из целых деревень, городов и лесов. Если это была работа змеепоклонников, то секта действительно была величайшим сеятелем хаоса.

Они ехали мимо страшных, ужасающих своим видом руин и выжженных полей некогда богатой страны. Вся колонна впала в угрюмое молчание — и из-за впечатления, которое картина произвела на людей, и из-за осознания того, что им негде будет пополнить небольшой запас провизии, который они везли с собой.

— Но где же тела людей? — наконец спросил Конана у Эвадны, нарушив напряженное молчание между ними. — Там, в замке Эдрам, я подумал, что их сбросили в воду. Но здесь не видно ни могил, ни костей, только разорванные трупы убитых животных!

Эвадну, воинственную предводительницу мятежников, сотрясала такая дрожь, что она некоторое время не могла произнести ни слова.

- Я слышала, что эти нелюди обращают в свою веру всех на своем пути, даже детей и стариков, и уводят их из своих домов за собой, наконец с трудом произнесла она. Они хотят навсегда уничтожить нас всех. Мне говорили, но я не могла до конца поверить, пока не увидела... это. Теперь, видя этот хаос, ты можешь себе представить, с кем нам предстоит встретиться? Это не какая-нибудь жалкая банда еретиков или разбойников, это все население области объединилось в огромные армии фанатиков, которые не оставляют после себя ничего живого. На что мы можем надеяться, собираясь победить их?
- А как мы посмеем не победить? Ведь эта чума угрожает всей провинции, а может быть, и всем другим землям. Когда они обратят в свою веру целую империю, нам будет уже с ними не справиться. Сейчас у нас есть еще возможность остановить их. Единственная возможность.

К колеснице приблизился курьер, доставивший от баронов предложение разбить лагерь.

Посовещавшись, Конан и Эвадна отправили ответ, что они будут двигаться вперед до наступления ночи, чтобы уменьшить опасность дезертирства.

Они шли по выжженным, заброшенным полям, остановившись только тогда, когда солнце ушло на запад, исчезнув в кровавом дымящемся котле. При свете факелов они разбили лагерь, окружив его рвами и ветками колючего шиповника. В караул решили поставить удвоенные наряды часовых, как для того, чтобы удерживать солдат внутри, так и для того, чтобы отразить нападение снаружи.

Глава 14. Алый восход

— Солдаты, верные последователи! Я призываю вас сегодня ночью напомнить себе о долге, ради которого вы пришли сюда, покинув родные дома. Вы прошли много лиг по этой опустошенной земле, чтобы служить своим баронам, — никогда не забывайте об этом! Я, Сигмарк, дал священную клятву, так же, как и каждый из вас. Моя клятва связывает меня с великой целью так же безвозвратно, как и ваши связывают вас со мной и другими лордами, собравшимися здесь! Проходя сегодня в полдень мимо селения Клетск, вы пересекали владения барона Оттислава, моего благородного союзника. Селение, конечно, было разрушено, так же, как фермы и леса вокруг вас. Посевы барона были сожжены, его слуги и домашний скот убиты или угнаны. Так было разрушено справедливое правление моего друга! Но не в характере барона безропотно сносить унижения, нанесенные ему самому или его другу. Поэтому я поклялся помочь лорду Оттиславу мстить до последней капли крови его, а, значит и моим врагам! Поэтому, мои верные последователи, вы здесь. Я знаю, вы несете тяжелую службу, еще тяжелее она может быть завтра утром. Но тяжесть вашей службы будет вознаграждена почетом и славой. Раз вы пришли сражаться, помните об этом! Когда-нибудь мы станем победителями! Теперь я предоставляю слово моему дорогому другу, барону Оттиславу, который хочет обратиться к вам. А затем мы поднимем тост за нашу завтрашнюю победу!

Освещенный светом факелов, Сигмарк величественно поднял руку, приглашая своего грузного и неповоротливого друга взгромоздиться на двухколесную повозку, с которой сам через несколько мгновений осторожно соскочил. Взобравшийся на повозку Оттислав выглядел гораздо внушительнее, чем его предшественник, не только из-за своего роста, но и потому, что он залез на скамью, чтобы оглядеть лица всех столпившихся вокруг повозки солдат.

- Хау! Люди восточных земель! Все немедийцы! Вы видели разрушение нашей родины, разорение наших полей и домов. Что за ужасный враг, спросите вы, мог сделать такое с нашей прекрасной страной? Но отбросьте в сторону эти мысли. Здесь нет террора и нечего бояться, потому что ничто не может сравниться с террором немедийской армии на пути ее справедливой мести. Это вы угроза, все пожирающая на своем пути адская свора гончих, это вы террор! Этот хаос просто жалок по сравнению с тем, что мы собираемся учинить нашему врагу. С этого момента их земли и владения будут принадлежать нам, их женщины будут нашей скотиной, их жизни будут нашей игрушкой. Мы будем косить их, как траву, и молотить, как зерно. Их кишки будут накручены на лезвия наших мечей, их головы будут болтаться, привязанные к нашим седлам, как незрелые тыквы! Поэтому знайте, резня и кровавая бойня — это здоровые и естественные проявления войны. Они очищают кровь и укрепляют желудок. Пролитие крови напоминает человеку, из чего он создан. Некоторые из вас умрут, некоторые будут страдать от ужасных ран. Но ни один истинный немедиец не позволит этому злу встать на его пути! — Оттислав сделал паузу, чтобы насладиться одобрительным гулом толпы. — А теперь я хочу представить вам — если неопытный юноша будет в состоянии говорить, — юного Фавиана, барона Динандара! Вы позволите вашим подданным выслушать вас, ваша светлость? Идите, поднимайтесь сюда, — Он спрыгнул на землю и, затаив злорадную улыбку, стал ждать. Конан, сидевший на бочке, растерянно взглянул на Эвадну, которая быстро приблизилась к нему.
- Я должна была догадаться, что это был их план! прошептала она ему. Оставайся здесь, я буду говорить за тебя.

В одно мгновение она взобралась на повозку и предстала перед солдатами, которые замерли в восхищении, любуясь стройной фигурой, силуэтом вырисовывающейся на фоне неба, озаренного светом факелов.

— Немедийцы, я обращаюсь к вам от имени моего господина лорда Фавиана, наследника Динандара. Он не считает себя искусным оратором. Но он хочет, чтобы я напомнила вам, что когда завтра вы будете сражаться за него, вы также будете сражаться и за самих себя. за свои дома и за своих близких...

Эвадна внезапно прервала свою речь, увидев, как высокий широкоплечий человек одним прыжком вскочил на повозку. Это был Конан.

— Солдаты! — сказал он громким звучным голосом. — Я предстал перед вами не как барон...

По рядам слушателей пробежал шепот, но взгляды собравшихся были неотрывно прикованы к новому оратору.

— ...И даже не как немедиец.

Шепот в толпе усилился, перерастая в гул.

— Я предстал перед вами, как человек.

Толпа волновалась, ожидая продолжения его речи; нетерпеливые возгласы, выражавшие одобрение, раздавались со всех сторон.

- Как человек, знающий, что такое добро и что такое зло. Или пытающийся это узнать. Я был с вами все эти последние дни. Я знал, так же как и вы знаете, то, что мы встретили здесь это страшное безграничное зло, это путь змеи, Шепот и гул толпы продолжали возрастать, в них явно звучало одобрение. Конану уже пришлось кричать, чтобы его услышали.
 - Как человек, который может поставить ногу на голову змеи!

Закончив свою речь, Конан спрыгнул с повозки, пройдя сквозь войска, приветствовавшие его одобрительными возгласами и выброшенными вверх кулаками. Когда кто-то из толпы выкрикнул «Фавиан!» остальные подхватили и начали скандировать: — Фа-ви-ан!

Пробравшись сквозь толпу, Конан нашел свою бочку и снова сел на нее, погрузившись в свои мысли и не обращая внимания на задумчивые или подозрительные взгляды и шепот Сигмарка и Оттислава. Эвадна села рядом с ним, не произнося ни слова.

Конан размышлял о недавних событиях. После того, как они прошли мимо руин замка Эдрам, и разбили свой первый ночной лагерь в опустошенных землях, они совершили быстрый переход, идя по следу невидимого врага. Пепел и зола разрушенных домов, встречавшихся на их пути, еще не остыли, — очевидно, они шли прямо по следу разрушителей. Небо становилось все более темным, и завешенным плотной пеленой дыма. И, наконец, ближе к сумеркам, их разведчики доложили, что обнаружили врага. Никто не попытался сбежать, войска сомкнулись плотным строем, лица солдат были полны решимости.

Конан все еще надеялся отыскать Лидию, но уже понимал, что между ним и Варакелом не осталось ни одного живого существа, не было даже трупов. Более того, на кладбище Клетска были даже разрыты свежие могилы, из которых исчезли покойники, так же как и все население города.

При виде разрытых могил солдат охватил суеверный страх. Усилился и страх перед змеями, которые, казалось, кишмя кишели в этих низинах; к счастью, они еще никого не укусили, но все же именно из-за них, похоже, и произошли первые, правда очень немногочисленных случаи дезертирства. Большинство солдат все же было полно решимости сражаться. И никакие страхи не могли их остановить.

Теперь они ждали восхода солнца, чтобы встретить врага, о котором ничего не знали. Бароны, уверенные в победе, составили только один, — весьма неопределенный план сражения: с первыми лучами солнца двинуться вперед, атаковать с флангов и тыла и полагаться на то, что у змеепоклонников не найдется нужного количества оружия, доспехов и не хватит опыта ведения боя. Конан тоже не мог решить, как лучше действовать. У противника были явно превосходящие

по численности силы, но если построить умелую тактику боя, а именно: плотным и мобильным клином войти в рассеянные ряды врага и мощным ударом сокрушить его, то можно было бы надеяться на успех.

Конан погрузился в раздумье, пытаясь представить себе встречу с неведомым врагом, еще он вспоминал недавние события в Динандаре и его неожиданный взлет наверх. — Странный поворот фортуны! Конечно, напомнил он себе, еще можно попытаться ускользнуть, — вряд ли когда-нибудь это будет легче, чем сейчас.

Но он знал, что останется, и, когда говорил перед солдатами, сказал он правду. Конан понял, что относится к общему врагу, как к своему личному, и у него не было ни малейшего желания сбежать, не померившись с ним силами. К тому же его так и не оставляли уже почти угасшие надежды найти свою былую любовь. Еще его беспокоили бароны, организовавшие этот поход; если Конан победит в этом сражении, как сложатся его дальнейшие отношения с соседями?

- Может быть, ты был прав, Конан. Вчера я готова была тебя презирать, но теперь я тебя понимаю лучше, тихо проговорила Эвадна, примостившаяся рядом с ним. Это сражение, которое нам предстоит, может быть более важным, чем любая политика, даже более, чем сам Динандар.
- Оно будет самым важным событием в нашей жизни, если нам суждено умереть, заметил Конан.
- Нет, не думай о смерти! Лучше как следует руководи своими войсками, Почувствовав ночной холод, Эвадна завернулась в грубое солдатское одеяло. Ты понравился им сегодня, теперь они будут тебе больше преданы, как Конану, чем как Фавиану. Будь самим собой и не старайся больше играть какую-нибудь роль.
- Эта роль уже изжила себя, В который раз за эту ночь Конан поднес свой кубок к губам, чтобы убедиться, что он пуст.
- Тебе она больше и не нужна. Я видела, как ты яростно сражался и за и против нашего дела. Ты доблестный воин, и можешь стать сильным лидером в сражении.
- Да, может быть, неопределенно отозвался Конан, но ты, Эвадна, ты обладаешь разумом, позволяющим тебе управлять целой провинцией, ты можешь повлиять на судьбу целого королевства. Прошу тебя, побереги себя в завтрашней битве, останься в стороне с баронами и проследи, чтобы они не предали нас. Ты слишком нужна нам, чтобы тобой пожертвовать.

Конан почувствовал, как от его слов Эвадна напряглась под своим одеялом.

— Я воин, не забывай! Я положила конец тирании Эйнарсонов не сладкими речами, а окровавленной сталью. Мое место среди наших солдат.

Она вдруг резко встала, услышав звук приближающихся шагов. Когда один из командиров вступил в полосу света и отдал честь, она сунула меч обратно в ножны. Конан сделал то же самое и сделал шаг навстречу к командиру.

- Да, Рудо. Что такое?
- Ко... Милорд барон, мы выслали вперед патрули, как вы приказали. Теперь этот часовой доложил о том, что враг двигается на восток, Рудо подтолкнул пришедшего вместе с ним солдата вперед.
 - Да? И что ты видел? Говори, парень! потребовал Конан.
- Милорд, мы ничего не видели. Они не несли никаких огней, мы тоже их не зажигали. Но мы слышали шаги, огромное множество существ двигалось по обе стороны от нас. Потом раздался странный звук... который напоминал скольжение ног через высокую траву, но он звучал как... как ползущая шипящая змея. Мы... вернулись в лагерь. Они, должно быть, видели уже лагерные огни, я думаю, что они собираются напасть на нас на рассвете.
 - Кром! Я говорил Сигмарку, что его освященная факелами церемония была ошибкой! —

- заскрежетал зубами Конан, Рудо, кто-нибудь еще приближается к лагерю?
- Пока нет никаких донесений. Последний патруль, который мы отправили на запад, еще не вернулся.
- Проклятые грызуны! Рудо, разбуди баронов! А ты, парень, обойди палатки командиров, пусть они прикажут солдатам подняться по боевой готовности, но без света. И скажи им, чтобы встали на котурны, начинается нашествие змей!

Конан направился в свою палатку, за ним неотступно следовала Эвадна, потому что в этой палатке разместилась и она, между ней и Конаном была повешена плотная тяжелая занавеска. Когда он торопливо стал натягивать на себя доспехи, то из-за занавески до него донесся ее шепот:

- Я думаю, что в этой битве великолепному немедийскому гарнизону нечего бояться. Змеепоклонники едва ли знают о тактике ведения боя.
- Ты забыла, как они разрушили замок Эдрам? напомнил Конан, застегивая пряжку панциря.
 - По крайней мере они потеряли преимущество внезапного нападения.
 - Но им ничего не стоит взять нас в кольцо.
- Конан, помнишь, что ты однажды сказал в замке барона? О том, что мы с тобой связаны кровью, мы истребили род Эйнарсонов. Теперь я знаю тебя лучше. Сегодня ночью я поняла, что ты, действительно, можешь стать настоящим лидером. Вероятно, если мы объединимся, будет польза...
- Кром! Почему женщин охватывает страсть в самый неподходящий момент? Я бы угодил тебе, Эвадна, но это едва ли возможно в наглухо застегнутом панцире.
- Я не это имела в виду! ее доверительный тон внезапно сменился яростью. Несколько мгновений она молчала, затем неожиданно добавила: Хотя... когда сражение закончится, ты можешь спросить меня снова.
- Спрошу, не волнуйся! покончив, наконец, с облачением в боевые доспехи, Конан сделал шаг к выходу.

В это же мгновение перед палаткой возникли Сигмарк и Оттислав, грубо требуя, чтобы Конан вышел к ним. Вытащив меч из ножен, Конан, пригнувшись, вышел из палатки.

- Тише вы оба! прошипел он. Иначе не враг будет застигнут врасплох, а мы.
- Что? Что это значит? резко прозвучал голос Сигмарка. Какие враги? Неужели в такой кромешной тьме можно что-нибудь сделать? Мы в полной боевой готовности, и утром начнется сражение. А что еще произошло?
- Вы собираетесь ждать здесь, притаившись за нашими хрупкими баррикадами, и позволить им навалиться на нас всей своей мощью? А что вы будете делать, если они решат не атаковать нас, а просто окружить и бросать огонь и змей в наш лагерь?
- Ага, я вижу, молодой барон знает ценность благоразумия! Хриплый смех Оттислава резанул слух Конана. Но как вы собираетесь бежать, если мы будем окружены? Ведь если вас схватят, это означает гибель...
- Бежать? Я ничего не говорил о бегстве. Я собираюсь атаковать их с первыми лучами солнца, твердо сказал Конан. Таким образом, мы можем прорвать окружение и захватить инициативу. Для чего тогда наша кавалерия, если не для стремительной атаки?
- Но кого атаковать? И где? спросил Сигмарк. Просто выскочить наружу во всех направлениях это безумие! Это просто разбросает наши силы.
- Когда вы сражаетесь со змеей, куда вы наносите удар? По ей голове! Когда голова уничтожена, тело еще немного дергается в конвульсиях, а затем умирает, Конан говорил уверенно и спокойно. Так и мы раздавим вражеских командиров, которые должны быть в

центре рядов врага. Это будет легко сделать, когда взойдет солнце — мы и возьмем направление прямо на него. Когда наши всадники сомнут их первый периметр, они начнут теснить врага к центру, сжимая их в кольцо.

Эвадна вышла из палатки и встала рядом с Конаном.

- Хороший план, мой барон, но, думаю, что лучше сначала позаботиться об обороне.
- Нет, подождите, я тоже хочу кое-что сказать, Сигмарк поднял руку и перевел взгляд с Конана на Эвадну. В конце концов наши элитные отряды пойдут в атаку на неуправляемую толпу, которую мы можем взять под контроль, в случае, если наше нападение будет для них неожиданным. Если бы мы могли подготовить людей и коней с наименьшим шумом... Он повернулся к своим командирам и приглушенным голосом отдал им указания.
- Приветствую вас, юный полководец, торжественным голосом произнес Оттислав. Ваш план воплощает лучшие боевые традиции Немедии: быстрота и находчивость. Я тоже вас поддерживаю!

Итак, ночной лагерь ожил — начались активные приготовления к предстоящей атаке. Конан занялся своей колесницей, внимательно осматривая колеса и проверяя упряжь коней. Когда он взглянул на восток, то увидел легкую полоску света, выступавшую из-за горизонта.

В лагере царила полная тишина, войска были уже практически готовы к бою. Солдаты время от времени вглядывались в неясные еще очертания местности, гадая, что может их ждать по ту сторону ненадежных, наспех сделанных баррикад из колючего кустарника и корявых сучьев.

Конан стоял в своей колеснице и непрерывно всматривался в небо над горизонтом, медленно начинающее светлеть. Эвадна наполняла стрелами и дротиками колчаны, прикрепленные к бортам колесницы. Возница, которого они выбрали, давал корм лошадям.

Наконец, солнечные лучи стали уже заметными. Конан увидел их отражения, заигравшие на металлических пряжках конской упряжи. По рядам войска прошелся едва слышимый гул. Молодой полководец высоко поднял руку, возница запрыгнул в колесницу, взяв в руки поводья, Отрывистым громким голосом Конан произнес приказ двигаться вперед. Разорвав тишину, с обоих флангов армии запели боевых рожки.

Глава 15. Змея

Сначала они ничего не видели в бледном еще свете солнечных лучей. Затем, пройдя через низкие ограждения и ров, всадники увидели поднимающиеся из высокой травы неясные фигуры, которых становилось все больше и больше, вскоре уже целая толпа осаждавших покинула свои убежища, двинувшись навстречу приближавшемуся к ним войску.

Через несколько мгновений они замаячили так близко перед колесницей, что лошади замедлили свой шаг, громко заржав от испуга и вскинувшись на дыбы. Конан с силой вонзил копье в ближайшую к нему фигуру, затем, выдернув его, поразил следующую. Враги были так близко, что ему не понадобилось даже метать копье, он просто пронзал им змеепоклонников, непрерывно возникавших перед колесницей с обеих сторон. Рядом с собой он слышал жужжание стрел, которые Эвадна выпускала из своего лука, поражая врагов одного за другим.

В бой вступила кавалерия, плотным строем ворвавшаяся в гущу осаждавших, давя их и тесня в разные стороны. Тем не менее враги с маниакальным упорством продолжали идти в вперед, как будто им был неведом страх смерти.

Услышав позади себя шум голосов и топот ног, Конан понял, что теперь в наступление пошла пехота, и удовлетворенно улыбнулся. — Теперь сражением уже полностью развивалось по его плану. Усердно работая копьем, он молотил им направо и налево, и убитые враги один за другим падали вокруг колесницы. Конан пытался различить среди них командиров.

Он не видел ни одного из них, но то, что предстало перед его глазами, когда солнечные лучи уже достаточно ярко ответили поле битвы, ужаснуло его. Он увидел, наконец, как выглядели его враги, которых он с такой яростью убивал, — это были существа, которые совсем отошли от человеческого образа.

Он ожидал встретить мрачных учеников Сета, бледных фанатиков с горящими глазами и раздвоенным языком, как тот крестьянский юноша, которого они видели в замке Ульфа. Но здесь были настоящие демоны, которые, извиваясь и шипя, лезли на него со всех сторон. Они были вооружены мотыгами и косами, которыми с нечеловеческой силой рубили людей и коней. Но многие из них также несли змей, висевших кольцами на их шеях, используя их в качестве оружия. Змеи были и в спутанных длинных волосах нападавших и в складках их одежды, и в вытянутых вперед руках.

Их лица были искажены злобными гримасами, придававшими им вид рептилий. Конан мог поклясться, что зрачки их глаз были вертикальными, как у змей.

Но настоящий ужас он испытал, когда один из пронзенных им нападавших в муках агонии скрыл рот, и, вместо языка. Оттуда выполз зеленоголовый аспид, — живая змея, пустившая корни во рту негодяя, извивалась и впивалась зубами в древко копья, пронзившего его корчившегося, задыхающегося хозяина. Конан поспешно бросил копье вместе с вцепившейся в него змеей, выхватив из колчана новое оружие, так как другие нападавшие уже возникли, как изпод земли, заняв место упавшего монстра.

Окинув взглядом надвигавшуюся на него волну врагов, Конан увидел, что все они со злорадным блеском в глазах открыли рты, высунув наружу своих извивающихся змей. Услышав сдавленный вопль ужаса рядом с собой, Конан быстро взглянул на Эвадну и увидел, что ее тоже потрясло это зрелище. Лошади вновь вскинулись на дыбы, и в диком ужасе начали пятиться назад. Неподалеку от колесницы несколько всадников слетели со своих вздыбившихся коней и тут же были растерзаны навалившимися на них змееязыкими чудовищами.

Но в самом худшем положении оказались немедийские пехотинцы, которым пришлось столкнуться с жуткими тварями лицом к лицу. Охваченные ужасом, солдаты на несколько

мгновений растерялись, чем мгновенно воспользовались змеепоклонники, изрубив их своим оружием и растерзав острыми клыками, так что после первой атаки ряды пехоты значительно поредели. Излюбленной тактикой нелюдей было схватить одной рукой меч солдата прямо за лезвие, не обращая внимания на порезы, а другой сорвать с него щит или панцирь, проявляя при этом сверхъестественную силу. Затем, вожделенно оскалившись, они широко раскрывали свои рты, и языки-змеи, тонкие и длинные, проворно проникали в горло жертвы, впиваясь в него острыми ядовитыми зубами. С искаженными от боли и ужаса лицами солдаты падали на поле боя один за другим.

Конан проклинал себя в провале своего плана, за то, что не смог предвидеть колдовских чар врага. Он чувствовал, что над его войском нависла угроза паники, что могло привести к самым страшным последствиям. Единственное, что оставалось сделать, — это найти вражеских командиров и уничтожить их, тогда, возможно, удалось бы переломить ход битвы. Но даже сейчас, прорвав главное кольцо врагов, окруживших лагерь, он так и не увидел среди нападавших никого похожего на их предводителя. Казалось, змеепоклонников вела в бой какая-то неведомая сила, может быть, они слышали голос своего бога Сета, который руководил их действиями, нашептывая им в уши свои команды. Конан едва не впал в отчаяние, чувствуя, что он не в силах остановить эту страшную нечеловеческую силу, эту сеющую ужас и хаос волну, для которой, казалось, не существует никаких препятствий.

Оглянувшись назад, он увидел, что тыловой отряд наконец тоже двинулся вперед, но вряд ли свежее подкрепления могло что-нибудь изменить в этом диком, ведущемся вопреки всем правилам, сражении.

- По крайней мере, мы вырвались из лагеря, крикнула Эвадна, непрерывно косящая змеепоклонников своими стрелами. Эти бессчетные полчища демонов окружают нас кольцом, и лагерь мог бы стать для нас смертельным капканом!
- Да, нашей армии лучше всего находиться в постоянном движении, чтобы сдерживать натиск этих змей. Но мы должны найти их предводителя, иначе мы скоро растратим все силы на бесполезную борьбу, ведь они вырастают, как из-под земли, вместо одного убитого появляется десять новых гадин! Конан схватил свободной рукой поводья колесницы и начал напряженно всматриваться в поле битвы. Скорее вперед, через тот чахлый кустарник! Кажется, я нашел его!

Облака черного дыма, которые ветер гнал с востока, в этот момент почти закрыли солнце, но все же можно было различить, как впереди сквозь высокую траву двигалась толпа приверженцев культа змеи во главе с высоким и плотным вожаком, одетым в серебряные боевые доспехи.

- Это же Ульф! Владелец замка Эдрам! воскликнула Эвадна, натянув тетиву лука и прицелившись в приближающуюся фигуру полководца змеепоклонников. Подлый негодяй!
- Нет, не убивай его! Конан оттолкнул ее лук, прежде, чем она успела выстрелить. Мы должны захватить его в плен, чтобы он привел нас к их самому главному предводителю. Ульфа недавно обратили в их веру, и может быть, он еще не так далеко зашел, как остальные. Гони прямо туда, возница, только постарайся не раздавить его!

Толстый полководец, опоздавший к началу осады лагеря, с трудом продирался сквозь густую высокую траву, торопясь принять участие в сражении. Увидев приближающуюся колесницу, он гордо вскинул голову и высоко поднял меч, держа его обеими руками. Возница направил коней прямо на него, но в самый последний момент сделал резкий поворот, и Конан на ходу выпрыгнул из колесницы на Ульфа, вцепившись ему в горло. Меч толстяка отлетел в сторону, и сам он, не устояв на ногах, рухнул на землю вместе с Конаном. Пыхтя и ругаясь, противники покатились по полю, оставляя широкий след в высокой траве.

- Ульф! Сдавайся, старый негодяй! Конан всей своей мощью навалился на бывшего сквайра, крепко прижимая его к земле. Ты мой пленник, и теперь нам надо поговорить с тобой, если ты дорожишь своим носом! выхватив кинжал, он приставил его к лицу Ульфа.
- Ca сета Эфанисса! яростно просипел Ульф свои ритуальные заклинания, раздвоенный язык его при этом проворно сновал в щели между зубами. Хатасса фа Сатан!
- А ну, хватит! Конан ударил рукояткой кинжала по шлему Ульфа. Ты сквайр Ульф, владелец замка Эдрам! Ты всегда был негодяем и подлецом, но ты был человеком! Я вырву твой поганый змеиный язык, если ты не ответишь мне кто предводитель змеиного культа?
- Лаа... ларффф! Ларррххх! Ульф весь напрягся от усилий выговорить нормальные человеческие звуки. Облизнув раздвоенным языком пересохшие губы, он смог наконец выдавить из себя что-то членораздельное. Ларррхх жрецсс!
- Вот так уже лучше, острым концом кинжала Конан приподнял вверх подбородок Ульфа. И где я могу найти этого вашего жреца Лара или Ларха, как его там? В каком направлении мне ехать?
- Воссстокхх! Ульф зашевелил пальцами, подняв один из них и указывая на восток. Ларххх воссстокххх. Воссстокххх... aaa! эээ!..

Удивленный конвульсивными воплями своего пленника, Конан взглянул вниз и увидел, как из-под нагрудного панциря Ульфа выползла маленькая пурпурная змея и впилась своими острыми зубами в шею невольного доносителя. Полоснув кинжалом по змее, Конан смахнул ее в траву, откуда тотчас же выползла вторая, изумрудно-зеленого цвета, чтобы укусить несчастного Ульфа за шею.

Охваченный страхом, Конан вскочил на ноги, увидев множество змей, сползавшихся к нему со всех сторон. Сунув кинжал в ножны, он выхватил меч и начал яростно рубить тех, кто оказался ближе всех. Затем, взглянув на посиневшее перекошенное лицо Ульфа, он высоко поднял меч и ударил им сквайра по шее, отрубив голову и тем самым прекратив его мучительную агонию.

— Конан, берегись!

Повернувшись, Конан увидел вооруженного топором змеепоклонника, бегущего на него сквозь траву, но прежде чем киммериец успел поднять меч, враг зашатался и рухнул на землю, пронзенный острой стрелой.

— Не беспокойся обо мне, Эвадна, я бы и сам с ним разделался, — пробурчал Конан. — Кром!

Он стремительно бросился вперед, когда увидел, что колесница, которая стояла в нескольких шагах от него, медленно двинулась с места, внезапно окруженная змеепоклонниками. Выброшенный из нее возница корчился в судорогах на траве — в его шею впились зубы огромной желтой змеи, которую бросили в него нападавшие. Колесница была теперь неуправляемой, потому что поводья упали в траву, и Эвадна не могла прорваться сквозь кольцо захватчиков. Она вскинула лук в надежде отбиться от нападавших, но тот, кто был ближе всех, схватился за лук, пригнув его книзу.

Конан прокричал воинственный боевой клич, но змеепоклонники даже не обернулись, а тот, который удерживал лук Эвадны, вскочил в колесницу и занес над Эвадной косу с длинным острым лезвием.

— Жри сталь, собака! — Ударом меча Конан разрубил пополам ближайшего к нему захватчика, мешавшего ему добраться до Эвадны. — Сдохни, гад ползучий! — Второй, лишившись головы, рухнул под колеса. — Дьявольское отродье, иди за своим отцом в ад! — Третий нападавший, боровшийся с Эвадной в колеснице, теперь был слишком близко от Конана, чтобы можно было взмахнуть мечом; но из горла его уже торчала стрела, которую Эвадне

удалось вонзить в него рукой, и киммериец просто вогнал ее глубже, пронзив насквозь все его внутренности.

- Конан... пожалуйста... Эвадна тяжело опустилась на пол, прижимая залитые кровью руки к сердцу. Меня убили.
- Нет, девочка, лежи спокойно, Оглядевшись в поисках кнута и не найдя его, Конан шлепнул по крупам коней плоскостью лезвия меча. Колесница покатила вперед, и он опустился на колени рядом с Эвадной. Дай я перевяжу твою рану, Спазм сдавил его горло, когда он увидел, как много крови вытекло на пол колесницы. Все будет хорошо...
- Конан, послушай... едва слышно прошептала Эвадна. Если ты не погибнешь, возвращайся в Динандар. Обещай мне!
- Да, Эвадна, Конан наклонился к ней и осторожно взял за плечи, чтобы поддержать ее сползающее на пол тело. Так же, как и ты. Мы вернемся туда с победой... он не договорил, поняв, что она его уже не слышит, ее голова запрокинулась, а широко открытые глаза неподвижно смотрели в дымное небо.

Конан долго стоял перед ней на коленях, обняв ее легкое, почти невесомое тело, будто пытаясь защитить ее от тряски и толчков колесницы. Затем он осторожно положил ее на пол и встал на ноги, взяв в руки меч.

Он стоял неподвижно, едва замечая шипевших и гримасничавших змеепоклонников, попадавшихся ему на пути. Далеко на востоке в небо поднимались огромные столбы дыма. Оглянувшись, наконец, на лагерь, он увидел несколько всадников в черных динандарских кольчугах, яростно рубивших врагов. Еще дальше, у самого лагеря, он увидел развевавшиеся на ветру высоко поднятые знамена и услышал пение рожков, собиравших войска Сигмарка и Оттислава.

Как любят эти свинские бароны останавливаться на каждом шагу, чтобы позаботиться о своих интересах, вместо того, чтобы гнать врага до самого его логова! Возможно, если бы они не мешкали там, за спинами динандарских бойцов, Эвадна была бы сейчас жива. Конан стиснул зубы, обвиняя и себя самого в том, что не смог ее уберечь. Ее последние слова все еще звучали в его ушах. Он должен сейчас вернуться к своим войскам, чтобы защитить воинов Динандара от страшного и коварного врага.

Но как только он повернул назад, колесница внезапно резко дернулась и на мгновение остановилась, так что Конан едва удержал равновесие. Лошади попятились назад, а затем рванули в разные стороны, испуганные непонятным зрелищем — прямо перед их мордами возник выскочивший из зарослей камыша обнаженный змеепоклонник, увешанный множеством извивавшихся змей, и затрясся в каком-то диком дьявольском танце.

Внезапно Конан почувствовал, как его сзади крепко схватили за руки. Двое шипевших змеепоклонников удерживали его с такой нечеловеческой силой, что он едва мог пошевелиться. Он напряг все свои мускулы и попытался вырваться, но в этот момент третий нападавший вскочил в колесницу и взмахнул тяжелым каменным топором, обрушив его на голову Конана. Затем так же молча он нанес еще один удар, затем третий, как будто шлем Конана был шляпкой гвоздя, который змеепоклонник методично вбивал в пол колесницы. После четвертого удара глаза киммерийца затуманились, все звуки исчезли, и его со всех сторон обступила плотная непроницаемая тьма.

Глава 16. Сердце змеи

Дикий, все пожирающий огонь охватил все вокруг. Он буйствовал, как мощный водопад, и корчился, как подвергаемое пытке животное. Яростная, иссущающая жара была настолько невыносимой, что казалось, сам воздух плавился. Конан понял, что культ Сета победил. Его ненасытная жажда пожирания всего живого охватила не только немедийскую равнину, но, казалось, весь мир людей. Безумный огонь теперь праздновал свою великую победу, и этот праздник собирался длиться вечно.

Но вероятно еще не все было разрушено, потому что в глубине огней парил призрак. Неясное и отдаленное, искажавшееся порой струящимся горячим воздухом лицо было тем не менее прекрасным. Смотревшее на Конана из огня, оно излучало одновременно и мудрость истинного знания, и страсть неутолимого желания.

Была ли это погибшая Эвадна? Нет, лицо женщины обрамляли вьющиеся черные волосы, и на Эвадну она совсем не походила. И все же это было знакомое лицо. Любимое лицо. Оно нежно улыбалось из пламени, как будто говоря о том, что смиренно и радостно принимает судьбу мира.

Лидия.

Конан вздрогнул, осознав, кого он видит перед собой, и этот шок окончательно привел его в сознание. Он ощутил, что лежит связанным на скамье своей колесницы, его руки затекли и нестерпимо ныли, так же, как и все его тело. Он закрыл глаза, поняв, что даже малейшее движение век вызывает у него жгучую боль. Конан попробовал чуть наклонить голову набок, чтобы дать облегчение затекшему и нывшему затылку, но тут же вновь ощутил, как на него обрушивается тяжелый каменный молоток.

Тогда он оставил все попытки пошевелиться и сосредоточил все мысли только на одном: в центре огненного круга напротив него сидела улыбающаяся девушка, и этой девушкой была Лидия.

Внезапно он почувствовал какое-то движение рядом с собой, и чей-то тонкий голов произнес:

- Да, действительно, это прекрасная колесница! В тысячу раз лучше, чем наша старая, расхлябанная колымага, Это был высокий мальчишеский голос, в котором уже, однако, пробивались нотки приближающегося юношеского возраста. Теперь я смогу возить вас с комфортом, который вы заслужили, миледи! А чтобы вам было еще более удобно, мы положим туда кучу мягких подушек и тонких салфеток!
- Это будет великолепно, Лар, прозвучал ответ, и нежный тембр нового голоса заставил Конана снова пошевелиться. Он тут же ощутил накатившую на него волну боли, правда, уже не такой сильной, как первая.
- Но сначала ее надо как следует почистить, продолжал мальчишеский голос. Один из ее пассажиров, женщина, залила ее своей кровью, мне так сказали. Досадная потеря теперь она уже никогда не сможет присоединиться к нам, Говоривший подошел к Конану ближе. Но в этом мужчине жизнь еще теплится. Даже если он не сможет окончательно поправиться после своего ранения, мы все равно сможем обратить его в нашу веру.

Почувствовав, как к нему прикоснулась чья-то рука, Конан пошевелился или только попытался это сделать.

— Грязный колдун... только попробуй... будешь гореть синим пламенем в преисподней! — Конан едва шевелил запекшимися губами, и его угрозы едва ли кто-то слышал.

Он медленно повернулся на бок, пытаясь незаметно нашупать на поясе кинжал, но его там не оказалось. В бессильной ярости он снова закрыл глаза, стараясь собраться с мыслями.

- Зря стараешься, парень! Твои угрозы меня совершенно не волнуют. И почему все хайборийцы такие жестокие? насмешливо спросил Лар. Ваше беспричинное, коварное нападение на нас стоило многих жизней с обеих сторон бессчетное количество душ, которые могли бы радоваться, служа нашему делу, Он нетерпеливым жестом взъерошил себе волосы. Вы никогда не остановите наше движение, и нас с каждым днем будет все больше и больше, но все же я скорблю о потерях. Было бы проще попробовать нас понять.
- Понять! Ухватившись за перила колесницы, Конан подтянулся и сел. О каких потерях ты скорбишь? Ты и твои шакалы идут по стране, как стая саранчи, убивая и сжигая все и всех на своем пути! с трудом открыв глаза, он увидел перед собой хрупкую фигурку мальчика, казавшегося еще меньше от того, что рядом с ним возвышались двое широкоплечих громилохранников.
- Это всеобщее заблуждение, возразил Лар, посмотрев сквозь огонь, где на мягких подушках сидела Лидия, внимая змеиному пророку. Как и большинство людей, ты переоцениваешь преходящие, временные вещи. Ты не знаешь силу истинного посвящения, перед которым материальные ценности и личные обязательства ничего не значат.

Конан промолчал. Его мало волновали рассуждения Лара, он больше был занят тем, чтобы удерживать себя в сидячем положении с наименьшей болью. Он сжал руки в кулаки и снова разжал их, пробуя пальцы на чувствительность, затем осторожно снял с головы шлем. Посмотрев внутрь его, Конан увидел, что там, где была продавлена сталь, были клочья его волос и куски кожи, прилипшие вместе с кровью к его внутренней поверхности. Затем он со страхом дотронулся до кожи головы, чтобы убедиться, что его череп не поврежден и мозг не открыт.

Нормально, решил он, эти раны заживут, если только Кром будет милостив к нему и подарит еще хоть один день. Он отложил шлем в сторону и перевел взгляд в сторону Лара.

В мальчишке не было ничего зловещего и дьявольского, что Конан ожидал увидеть в пророке змеиной веры. Он казался совершенно невинным ребенком, и это обезоружило Конана, погасив его порыв броситься на пророка и задушить его. Обычный мальчик с красивыми чертами лица и светлыми волосами, он был одет, как для праздника, в пурпурную с яркой золотой вышивкой накидку, а на голове сиял золотой венок. Несмотря на легкое высокомерие, сквозившее в его взгляде, он двигался с мальчишеской непринужденностью и беспечностью, и трудно было представить, что этот ребенок мог представлять для кого-нибудь страшную угрозу.

Его здоровенные охранники, один в фартуке кузнеца, другой по виду охотник, казались флегматичными и туповатыми парнями. Они стояли, готовые подчиниться любому приказу своего повелителя, хотя и не проявляя скорости или инициативы. В них, как и в Ларе, тоже не было ничего зловещего, но Конан знал, что за их плотно сжатыми губами запросто могли притаиться змеи.

Конан огляделся вокруг и увидел, что они находятся на территории лагеря, от которого мало что осталось: всего лишь одна палатка, украшенная теперь змеями и другими мистическими символами, сломанная повозка и открытый ящик с едой и вином. Его собственные лошади с понурым видом стояли неподалеку, привязанные к стволу дерева.

С того места, где еще совсем недавно кипела яростная битва, больше не доносилось никаких звуков — ни криков, ни звона оружия, не видно было надвигающихся полчищ змеепоклонников и падающих в ужасных муках динандарских солдат. Трагедия сегодняшнего утра могла быть просто сном, хотя кровь на панцире киммерийца и на полу колесницы говорила о том, что все это было наяву.

Наконец медленно Конан перевел взгляд на ту, о ком не переставал думать все предшествующие дни. Ему не хотелось смотреть на нее, и это нежелание, доходящее почти до страха, было вызвано не ее ошеломляющей красотой, а ее необъяснимым, чудовищным

присутствием здесь. Он встретился с ней глазами и почувствовал, что они смотрят куда-то вглубь него с такой же, как и у ее юного повелителя, счастливой невинностью.

Лидия сидела на носилках, обложенных подушками, рядом с повозкой Лара. Одетая в пышные красивые одежды, подчеркивающие ее красоту, с подведенными глазами и накрашенными губами, она выглядела, как придворная дама при дворе короля Ласло в роскошном Бельверусе. Конан не мог видеть, остались ли метки от хлыста Фавиана на ее спине, не ее томный вид и счастливая улыбка говорили о том, что она давно оправилась от боли и позора того страшного испытания, которое вынесла когда-то в доме барона Бальдра.

— Я вижу, ты восхищен красотой моей Лидии, — самодовольно улыбаясь, произнес Лар. — Ну, иди, сядь рядом с ней и познакомься. Там тебе будет более удобно лежать на этих подушках, — Подойдя к Лидии и встав перед ней на колени, он взял ее руку в свои. — Прими как следует нашего гостя, любовь моя. Научи его мудрости нашей веры, пока я займусь кое-какими неотложными делами.

Целомудренно поцеловав ее в щеку, Лар встал и направился в сторону Конана. Киммериец понял, что любовь Лара к Лидии была не страстью мужчины к женщине, а скорее напоминала любовь к матери или старшей сестре.

Подойдя к Конану, Лар взял его за руку и повел к Лидии.

— Пойдем, не бойся! — весело сказал он. Киммериец брезгливо отстранился от него, на что предводитель змеепоклонников не обратил никакого внимания. — Вот фрукты, сыр и вино, — Лар указал на открытый ящик с провизией. — А вы идите со мной! Поможете мне дотащить эту колесницу до ручья.

Два охранника молча отошли от Конана и направились к колеснице. Конан подошел к Лидии и остановился рядом с ней, испытывая возрастающий страх, что вот сейчас из ее вьющихся пышных волос выползет тонкая извивающаяся змейка. О том, что такая змейка может быть у нее и во рту вместо языка, Конан старался не думать.

- Конан, не бойся. Я знаю, что это ты. Садись рядом со мной! Когда я впервые увидела тебя здесь, я подумала, что это Фавиан. Ты выглядел, как мертвый, и я ужасно обрадовалась. Но когда ты заговорил со своим резким киммерийским акцентом, я подумала, что у меня сейчас сердце выскочит из груди от радости! сказала Лидия, протягивая к нему руки. Иди ко мне, любимый, и я успокою твои раны и твою боль. Теперь я знаю, что это мне больше не понадобится, Сунув руку под шелковое покрывало, она извлекла длинный нож со зловещим изогнутым лезвием и острый, как бритва.
- Ах, Лидия, не ты одна заготовила острый нож для Фавиана! сказал Конан, осторожно усаживаясь рядом с ней. Так что не удивительно, что его жизнь оказалась такой короткой.
- Фавиан мертв? А ты занял его место в замке, и барон теперь относится к тебе, как к сыну? Лидия изумленно уставилась на него, недоверчиво качая головой.
- Нет, обоих тиранов Эйнарсонов больше нет. Их свергла женщина, очень похожая на тебя... И Конан очень подробно, опустив только свое приключение с Калиссой, рассказал о событиях, произошедших в замке после ее изгнания оттуда. Пока он рассказывал, Лидия наложила ему на рану сухой травяной компресс, закрепив его ремнем.
- ...и Эвадна умерла. Я разорвал бы на куски этих баронов, за то, что они топтались сзади и не поддержали меня, когда я вырвался вперед! в ярости закончил он свой рассказ. Но скажи мне, что произошло после твоего возвращения домой? Как ты оказалась вместе со змеепоклонниками?
- Лар встретил меня на дороге, когда ехал в своей повозке. Я больше никогда не увидела свой дом и своих родителей. Я была полубезумная от ненависти и едва живая от лихорадки. Но Лар не донимал меня никакими вопросами или требованиями. Он просто взял меня с собой и

- заботился обо мне, как настоящий друг. Мы разговариваем с ним в основном о всяких пустяках о пении птиц, о волнах, которые ветер создает в степной траве. А эти одежды принесли ему его последователи.
- А как же насчет походов и осад? Твой юный друг настоящий боевой генерал! Конан бросил взгляд через лужайку на берег реки, где стоял Лар, наблюдая, как его помощники смывают с колесницы кровь. Он завоевал десятую часть Немедии, и ему ничего не стоит завоевать ее всю.
- Я ничего не знаю обо всем этом, пожала плечами Лидия. Он оставляет меня в палатке, когда объезжает линию фронта. Он сам мало отдает приказов, у него есть несколько помощников, которые командуют остальными. Люди идут за ним охотно, они отдали бы свои жизни за его дело.
- Да, их ведет за ним черная власть его колдовства. Не обманывай себя, Лидия, за всеми его делами таится страшное зло, древнее, как преисподняя, как сам змеиный бог! Конан поморщился от омерзения. Его последователи перестают быть людьми, ты это знаешь. У них есть отвратительные знаки принадлежности к этому злу...
- Я кое-что знаю об этом, неохотно кивнула Лидия, опустив глаза. Он обладает силой превращения. И меня, смертную, он держит при себе только из-за прихоти.
- Похоже, ты единственная, кто последовал за ним по своей воле, тебя не обращали в веру посредством мистических змеиных укусов. Ты же понимаешь, девочка, что он не светлый спаситель. Он злой демон и рабовладелец!
- А кто не рабовладелец? Внезапно ее глаза вспыхнули яростью. Какой правитель этой огромной тюремной ямы Немедии не помыкает своими подданными, как рабами? Или во всей хайбории? Какой муж не унижает свою жену? Она гневно тряхнула своими темными локонами, а ее рот скривился в презрительной усмешке. Какой барон, мой лорд Конан, не издевается над своими подданными, избивая их кнутом? По крайней мере последователи Лара думают, что они счастливы!

К удивлению Конана, она вдруг прильнула к нему, прижавшись залитым слезами лицом к его груди, ее плечи подрагивали от рыданий, которые она не могла сдержать.

— Успокойся, дорогая, — растерянно сказал Конан и взглянул в сторону ручья, где Лар все еще возился с колесницей. — В Динандаре все переменилось, и жизнь теперь будет совсем другой. Ты можешь вернуться туда вместе со мной.

Через несколько мгновений ее рыдания стихли, и она подняла на него покрасневшие глаза. — Не знаю, поеду ли я с тобой. Я нашла свое место рядом с Ларом... — Внезапно она крепко стиснула его руку. — Но, Конан, берегись его! Он может убить одним прикосновением. Я видела других пленников, которых к нему приводили, — в основном всяких старых шаманов и колдунов. Он едва прикасается к их ртам, но успевает туда что-то затолкнуть, они говорят ему какие-то слова, а потом умирают в страшных муках... Осторожно, он идет сюда!

Конан посмотрел сквозь значительно уменьшившиеся языки пламени. Его колесницу катили обратно два помощника, а Лар гордо восседал на скамье. Лидия достала полированную деревянную шкатулку и принялась обновлять краску на лице, а Конан выудил сухую колбасу из ящика с провизией и начал с хрустом жевать ее. Почувствовав через мгновение, что жевать ему нестерпимо больно, он отложил колбасу и, взяв в руки мех с вином, стал неторопливо потягивать его, как раз в тот момент, когда колесница остановилась рядом с ними.

— Да, шикарный транспорт! — Лар легко спрыгнул с нее и подошел к своему пленнику. — Господин барон, я надеюсь, что вы не возражаете против того, что на ней теперь ездить буду я. Вам все равно она больше не понадобится, — Он звонко засмеялся, обнажив прямые красивые зубы. — Много великих городов лежит впереди нас, и я боюсь, что их бароны и баронессы могут

с презрением отнестись к моей расшатанной старой телеге!
Отпив из меха еще один глоток, Конан осторожно взглянул на змеиного пророка.
— Вы собираетесь дальше двигаться на юг?
— Да, конечно, — быстро кивнул Лар. — На юге и западе проживает очень легкомысленное
население — зато хороший материал для нашего обучения. Со временем я собираюсь отправить
миссии также на восток и на север, во все уголки земли.
— Тебе пришлось столкнуться с моими друзьями баронами. И каков же исход сражения?
Лар бросил взгляд на равнину, как будто битва сейчас гремела в нескольких шагах от него.
— Боюсь, твои войска обречены. На каждые пять моих убитых последователей приходится

- один, которого потеряли бароны. — Понятно, — кивнул Конан, решив, что этому стоит верить. — Значит, их войска по силе
- превосходят вас? Но как ты допускаешь такие потери? Не бойся. Если сейчас равновесие нарушено не в нашу пользу, то это только временно! весело улыбнулся Лар. С каждым днем мои последователи становятся все сильнее в своей вере и в своем искусстве борьбы. Мне бы надо поблагодарить немедийцев... Лар снова звонко рассмеялся. ...за то, что от них нам досталось оружие, боевые доспехи и свежих обращенных,

Конан опустил голову, подавленный спокойным доверительным тоном предводителя змеепоклонников.

которые теперь пополнили наши ряды.

- Но армия, с которой ты встретился здесь, совсем небольшая, по сравнению с мощными армиями южных рыцарей, сказал он, вновь взглянув на Лара.
- Да, задумчиво кивнул мальчик, изучая взглядом Конана. Ты ведь путешествовал по югу, не так ли? Я думаю, ты мог бы многое рассказать, что может потом оказаться полезным. Но нет! С чем мы можем встретиться таким, что было бы сильнее, чем наша вера, чем древняя мудрость нашего учения?
- Волшебная сила твоего командования поистине могущественна, произнес Конан, стараясь затянуть разговор, чтобы обдумать одну мысль. Она, должно быть, очень древняя.
- О, да! Лар по-мальчишески улыбнулся Конану, затем Лидии. Гораздо более древняя, чем города, которые скоро распахнут перед нами ворота, более древняя, чем человеческая раса вообще! Древнее, чем эти равнины и холмы, древнее, чем древние горы, которые рождают эти холмы! Когда первое создание поднялось из первобытной слизи, наша вера уже была здесь! И ее сила остается с нами и по сей день!
- Действительно, древняя вера, с видом заинтересовавшегося слушателя кивнул Конан. Если только он сможет приставить лезвие к горлу мальчишки, то сможет использовать его в качестве заложника, чтобы пройти мимо охраны. Правда, неизвестно, какое этот парень может применить колдовство. А ваша религия имеет какие-нибудь храмы?
- Храмы! Лар явно счел вопрос комичным, потому что разразился таким заливистым смехом, что долго не мог что-нибудь сказать. Действительно, наши древние предшественники оставили крепости нашей религии в одной южной стране, называемой Стигия, храмы и гробницы. Но вообще, настоящие храмы нашей веры, Он поднял руку и дотронулся до золотого венка, покрутив его вокруг головы, они здесь, в наших головах! Поэтому, барон, храм нашего великого бога таится невидимым в мозгу каждого смертного. Ты можешь и не помнить, но древние легенды гласят: змея является родоначальником человека! Много тысячелетий назад произошла трансформация, но древняя мудрость осталась.
- Что ты хочешь этим сказать? Что люди были произведены от змей? Но это же явная чепуха! Где ты научился этим глупостям?
 - Ты еще многого не понимаешь. Брр, однако сегодня довольно прохладно. Лар помешал

огонь железной кочергой, а его помощники подбросили туда новые охапки хвороста. — Ты не понимаешь, почему мы так легко обращаем в свою веру новых последователей, и почему наша вера неизбежно побеждает везде и во всем! Какими мы были, такими остались и сейчас. Змеиный разум дремлет в каждом человеке. Но теперь настало время пробуждения!

— Да будь ты проклят вместе со всей своей чертовщиной! — Разогретый вином и раздраженный речью Лара, Конан вскочил на ноги и приблизился к мальчишке, стоявшего лицом к огню. В широкой ладони киммерийца прятался короткий хлебный нож, хотя Конан еще точно не решил, как именно будет использовать его. — Слушай, парень, почему ты стоишь так близко к этому аду? Ты ведь можешь опалить себе штаны... — Он осекся на полуслове, потому что в это мгновение произошло что-то необъяснимое. Когда Лар повернулся к нему, Конан отшатнулся, пораженный переменой, произошедшей с предводителем змеиного культа. Лар улыбался, но это была совсем другая улыбка — от уха до уха и совершенно беспричинная. Его лицо казалось опаленным и покрытым пузырями, и его черты стали постепенно видоизменяться на глазах у Конана.

Кожа Лара треснула и с шелестом сползла с лица, обнажив блестящий внутренний покров, чешуйчатый, мягкий и влажный, какой бывает у только что родившихся змеенышей. Внутреннее змеиное тело извивалось, стараясь освободиться от человеческой оболочки. Коснувшись судорожным движением своей головы, Лар сорвал остатки человеческой кожи и волос руками, которые уже начали превращаться в конечности рептилии. Изо рта высунулся длинный раздвоенный язык, выплюнувший розовые остатки своего человеческого предшественника.

Воздух огласил пронзительный крик Лидии, не выдержавшей кошмарного зрелища. Конан отбросил в сторону свой короткий бесполезный нож и схватил длинную раскаленную кочергу. Описывая в воздухе сверкающие круги, кочерга обрушивалась на голову новорожденной гадины, превращая ее в жуткое месиво, продолжавшее шипеть и брызгаться со сверхъестественной яростью.

В это мгновение один из охранников змеиного жреца, бывший охотник, бросился на Конана, злобно оскалив острые клыки. Получив по ним удар кочергой, он не устоял на ногах и рухнул прямо в огонь, не издав ни единого звука. Услышав позади себя тяжелые шаги, Конан обернулся и увидел второго охранника, который почему-то вдруг странно зашатался.

За его спиной стояла Лидия, приняв боевую стойку, странно несоответствующую ее роскошному наряду придворной дамы, со своим длинным кривым ножом, который она вонзила в плечо бывшего кузнеца. Ранение не было смертельным, но здоровенный охранник почему-то мгновенно сник и, опустившись сначала на колени, тяжело рухнул затем лицом в землю.

Удивленно взглянув на неподвижное тело, Конан перевел взгляд на Лидию.

— Лезвие было отравлено? — спросил он. Опустив залитое слезами лицо, Лидия отрицательно покачала головой. — Тогда смерть раба произошла из-за смерти его хозяина. Будем надеяться, что и другие змеепоклонники последуют этому примеру.

Конан взглянул на останки бывшего змеиного пророка, которые все еще шипели и пенились, но в них уже нельзя было распознать ни одной знакомой черты — ни человека, ни рептилии.

Внезапно в этом месиве что-то зашевелилось, и в следующее мгновение маленький блестящий головастик, извиваясь, выполз оттуда и попытался ускользнуть в траву, но Конан молниеносно вдавил его в землю раскаленной кочергой, превратив гаденыша в обуглившуюся головешку.

— Не так просто расправиться с этими змеями, никогда не знаешь, что они могут выкинуть еще, — сказал Конан, обняв дрожавшую Лидию. — Я надеюсь, что Лар лгал, и мы свободны от змеиной власти. Но то, что лежит неподвижно и ждет, когда-нибудь может пробудиться. А сейчас нам надо предотвратить опустошение этих земель, чтобы быть уверенными, что все

остатки этих чудовищ навсегда сметены с лица земли. Они впрягли коней в колесницу и, бросив последний взгляд на пустой лагерь, помчались искать продолжавшееся где-то сражение со злом.

Глава 17. Возвращение

- Все, как я и предсказывал, бароны, быстрая и успешная военная кампания и теперь возвращение домой! провозгласил лорд Сигмарк и поднес свой кубок к губам. Сделав большой глоток, он вновь взглянул на Конана и Оттислава. Наши люди показали себя настоящими храбрецами и заслужили хорошей пирушки по своем возвращении, с вином и красотками!
- Хау! Присоединяюсь к этим словам, хотя считаю, что враг оказался менее сильным и жестоким, в чем меня до этого убеждали, Оттислав, не расстававшийся с меховой накидкой даже под жарким полуденным солнцем, бросил взгляд на дорогу, где солдаты, нарушив боевой порядок, располагались на отдых. Наши потери не так уж велики, чему я очень рад.

Конан, сидевший рядом с Лидией на разрушенной каменной стене, резко вскочил на ноги, услышав эти слова.

— Да будь ты проклят, несчастный трус! — крикнул он и посмотрел на сильно поредевшие ряды своих воинов, которых вряд ли осталось больше половины. — Я бы хотел, чтобы потери в наших армиях были поделены поровну! Мои солдаты добились победы не такой легкой ценой, как ваши! — Вне себя от ярости, Конан с ненавистью смотрел на обоих баронов.

После нескольких мгновений напряженной тишины, Оттислав вновь заговорил терпеливым и даже успокаивающим тоном:

- Ну, что вы так рассердились, барон? Ничего удивительного нет в том, что юный и неопытный командир несет тяжелые потери на поле боя, в то время как его старшие товарищи, благодаря своим умелым действиям, сберегает жизни своих солдат. Вы тоже научитесь этому со временем.
- Мошенник! крикнул Конан, схватившись за рукоятку меча. Я надеюсь, что время никогда не научит меня прятаться за спинами других и трусливо увиливать от встречи с врагом!
- Ну, хватит, хватит, барон, вмешался Сигмарк, протестующим жестом подняв вверх свою маленькую холеную руку. Не забывайте о достоинстве, которое подобает сохранять лорду. И вы, Оттислав, будьте внимательны к своим высказываниям и не провоцируйте юного полководца, как вы это сделали сейчас. Разве вы не видите, что он расстроен и подавлен гибелью своих солдат? Маленький барон печально посмотрел на тяжело дышавшего киммерийца. В частности, я выражаю вам соболезнование по поводу гибели вашей подруги Эвадны; она была замечательной женщиной.

Прежде чем Конан смог что-нибудь сказать, снова заговорил грубый и бесчувственный здоровяк Оттислав:

— Хау! Я бы не стал так долго хандрить по этому поводу, Сигмарк! У молодого красивого парня будет еще сколько угодно возможностей найти себе подходящую девицу. К тому же он ее уже нашел!

Если бы рукоятка меча Конана была человеческой шеей, то она наверняка бы сейчас с хрустом переломилась — так сильно он ее сжимал, едва сдерживая острое желание броситься на Оттислава и изрубить его на куски, как недавно рубил змей. Почувствовав состояние Конана, Лидия подошла к нему и крепко взяла за руку.

— Конан, пожалуйста, успокойся! Не начинай новую войну, хотя бы ради твоих оставшихся в живых солдат! — прошептала она ему на ухо. Понимая, что Лидия права, Конан бросил последний испепеляющий взгляд на баронов и отвернулся.

Они с Лидией направились к своей колеснице. Проходя мимо длинной линии солдат, сидевших и лежавших на траве и радовавшихся мирному дню и ласковому солнцу, Конан вновь

погрузился в размышления. После смерти Лара, когда они с Лидией вновь присоединились к своей армии, змеепоклонники были быстро разгромлены. Большинство из них просто саморазрушились на глазах у изумленных воинов, а те, у кого змеиные признаки были еще недостаточно сильными, вдруг стали какими-то беспомощными: опустив оружие, они блуждающим взглядом стали растерянно смотреть во все стороны, покорно подставляя себя мечам солдат и копытам коней. С деморализованным врагом покончили очень быстро, не дав никому ускользнуть.

Но были среди них и те, кто еще не успел подвергнуться змеиному колдовству: в момент смерти Лара они вновь обрели свой первоначальный облик. Они еще продолжали вполсилы сражаться, — главным образом, для самозащиты, — но вскоре один за другим начали спасаться бегством, вспомнив о своих родных домах и надеясь туда вернуться. Несколько раз Конан поднимал меч и грозно кричал своим солдатам, чтобы они не убивали этих несчастных, а дали им спокойно вернуться на родину.

К тому времени, когда последние змеепоклонники погибли или разбежались, облака черного дыма рассеялись, Земля очистилась от скверны. Конан повел уцелевшую часть своих войск обратно в Динандар; солдаты, несмотря на усталость, ликовали, радуясь победе и возвращению своего командира. Как и Конан, они выражали открытое презрение к двум другим баронам и их войскам, проявившим трусость, почти предательство.

- В конце концов, Конан, сказала Лидия, когда они подошли к колеснице, мы вернемся в Динандар уже в сумерках. Если ты сможешь сохранить мир до этого времени, тогда, наверное, он будет длиться долгие годы. Хотя, судя по тому, что ты мне рассказал, неустойчивый новый режим может ввязаться в другую войну.
- Да, девочка, ты права, отозвался Конан, взяв поводья в одну руку, а другой обнимая Лидию. Я и сам не знаю, что нас ждет, и цел ли еще вообще этот несчастный город. Но если хоть кто-то там остался, я буду над ними лордом! Я больше не липовый барон, теперь у меня есть реальная сила и авторитет, теперь я возвращаюсь в Динандар с армией и победой за спиной. Я отучу этих немедийцев убивать и мучить друг друга! Я буду справедливым правителем! и Конан весело расхохотался.

Лидия присоединилась к нему, и их смех звонко зазвучал над освещенными солнцем лугами. На войско, двигавшееся позади них, этот смех подействовал заразительно, и вскоре всю округу огласили громкие раскаты солдатского хохота, перешедшего в веселую походную песню.

А Конан продолжал строить планы.

- И вот когда я смогу окончательно утвердиться в своей должности, мы с тобой заживем прекрасно. Ты будешь моей баронессой! Ведь когда я только играл роль лорда, мне не с кем было даже посоветоваться, я никому не мог полностью доверять. А теперь...
- Конан, подожди! Прошу тебя, думай сначала, прежде чем говорить. Ты забываешь, что этот мир не может жить без традиций, нетерпеливо прервала его Лидия. Обычно жены принцев и баронов выбираются по политическим соображениям: соединить вместе два королевства и произвести титулованных наследников. Такого брака могут потребовать и от тебя, чтобы укрепить твое правление... например, с Калиссой Эйнарсон! Даже если, как ты говоришь, она впала в безумие, этот брак будет создавать видимость для других, что все законно и соответствует традициям. Я была бы счастлива жить скромно, а с тобой встречаться без посторонних... Чтобы до Конана яснее дошла ее мысль, Лидия осторожно, но страстно, погладила рукой его ногу.
- Нет, девочка, это исключено. Я убил Бальдра, отца Калиссы, и жениться после этого на его дочери... Горькая улыбка скривила губы киммерийца. Кроме того, когда я стану настоящим правителем, я буду хозяином своей собственной судьбы, также как и судьбы

провинции, а не марионеткой в руках хитрых придворных, — Свободной рукой Конан снова крепко обнял ее. — Нет, Лидия, мой выбор — это ты. Ты девушка веселая, прямая и искренняя. А ведь странно подумать — когда ты ночами лежала в постели, строя планы насчет Фавиана, твоя самая лучшая перспектива лежала, похрапывая, рядом с тобой! — И они оба снова весело рассмеялись.

Тем временем колонна уже миновала холмы и двинулась по широкой долине. На горизонте уже замаячили высокие городские стены Динандара. К счастью, никаких зловещих черных клубов дыма над ним не висело, а лишь как обычно в небо поднимались тонкие струйки веселых уютных дымков, исходивших из дубилен, пекарен и кузниц. Никакие чужеземные полчища не осаждали город, лишь крестьяне из окрестных деревень отрывались от своих трудов на полях и выходили к дороге, чтобы поприветствовать возвращавшихся домой героев.

Город становился все ближе и ближе, и вот наконец, стали отчетливо видны главные ворота. Они были закрыты, но наверху, на широком прогулочном парапете толпилось множество народа, среди которого была и группа старших офицеров. Значит, гонцы, которых послал Конан, известили горожан о его прибытии.

Он услышал, как командиры войск Сигмарка и Оттислава приказали своим отрядам остановиться. Солдаты сошли с дороги и расположились на краю поля, находясь от стен Динандара на расстоянии полета стрелы.

А Конан продолжал вести свою армию к воротам города. Приблизившись к ним, он поднял руку, дав знак остановиться, но в этот момент массивные бревенчатые ворота широко распахнулись, и воздух огласили громкие приветственные крики горожан, запели трубы, и весь город, казалось, наполнился ликованием.

— Смотри, девочка моя, как нас встречают! — Конан торжествующе посмотрел на Лидию, затем снова поднял руку, дав на этот раз сигнал двигаться. Но он не услышал позади себя топота ног и копыт, бряцания оружия и позвякивания доспехов и, остановив колесницу, оглянулся.

Согласно какому-то заранее подготовленному плану, армия Динандара неподвижно оставалась на своих местах, но затем все воины, как один, вытащили мечи и высоко подняли их, скандируя:

— Ко-нан! Ко-нан!

Затем они загрохотали мечами по своим панцирям, добавив металлический звон к реву голосов.

— Да храни вас Кром, собаки! Улла тоже с вами! — крикнул Конан, испытывая невероятную легкость от того, что не был больше обременен грузом обязательств со времени своего заточения в Динандарской тюрьме. — Ты слышала, девочка? Ты знаешь, что это значит? — Он повернул сияющее лицо к Лидии, затем крепко прижал ее к своей груди. — Они салютовали мне открыто, называя меня по имени! Теперь нам нечего бояться в Динандаре! — Он снова поднял руку, на этот раз колонна маршем прошла за ним через городские ворота.

Это было впечатляющее зрелище, гораздо более грандиозное, чем возвращение домой Бальдра накануне его смерти. Страх перед распространявшимся культом змеи, подкрепленный самыми невероятными слухами, в последнее время усилился, и весть о полной и окончательной победе над ним стала источником великой радости. К тому же это был первый праздник за время нового правительства, чей приход к власти вселил в души людей большие надежды.

Когда войска вошли в город, праздник был уже в самом разгаре. Повсюду вино лилось рекой, улицы были заполнены пьяными горожанами, одни из которых вопили непристойные песни, другие танцевали, совершая самые немыслимые движения, а третьи просто шатались по городу, обезумев от радости победы и свободы.

Но слезы радости нередко смешивались со слезами скорби по погибшим. Вдовы оплакивали

тех, кто не вернулся, жены шли за обозом с ранеными, с громким плачем простирая руки к своим покалеченным мужьям.

Но веселье и радость все же преобладали. Солдатам кидали цветы, совали в руки гроздья винограда и фляги с вином, целовали и обнимали их, а некоторых просто вытаскивали из рядов и уволакивали в шумную кутерьму празднеств. Офицеры Конана не были сегодня так строги к дисциплине, как во время похода, и дезертирство из рядов триумфально марширующей колонны непрерывно росло. В конце концов за колесницей уже ехало лишь несколько повозок да небольшая группа всадников, которые хотели сначала отвести коней в стойла и только потом присоединиться к неистовому карнавалу.

Конан, получив в руки огромную флягу с вином, усердно прикладывался к ней, передавая после каждого мощного глотка Лидии, которая старалась не отставать от него. Однако несмотря на приятное расслабление, он все же чутким ухом уловил разговор офицеров, ехавших позади него.

- Что ты сказал, парень? обернувшись, крикнул он ближайшему из них. Что там насчет Сигмарка и Оттислава?
- О, милорд, почти прокричал в ответ молодой офицер, стараясь, чтобы его слова долетели до Конана сквозь шум орущей толпы. Мне сказали, что бароны не пошли к своим границам, а разбили лагерь чуть ли не под самыми нашими стенами!
 - Вот оно что! прокричал Конан. Но ведь ворота для них закрыты, не так ли?
 - Да, милорд. Стража получила приказ не впускать никаких чужеземных военных.
- Хорошо. Они наверное собираются уйти утром, Конан повернулся к Лидии. Когда придем в замок, я сразу вышлю свежие силы к этим мошенникам, хотя никакой угрозы они для нас не представляют, не полезут же они на стены!
 - На стены-то не полезут, отозвалась она. Но кто-нибудь может открыть им ворота.

Проехав через деревянный мост, колесница уже приближалась к замку, ворота которого стояли открытыми. Даже внутренний двор имел праздничный вид — там стояло множество горшков с деревьями и ваз с цветами. Во дворе тоже было много людей, но шум и суматоха здесь были значительно меньшими, так как бдительная стража неусыпно поддерживала порядок. Въехав во двор, всадники повернули в сторону конюшен, а Конан направил колесницу к ступенькам главного входа.

В тот же миг навстречу ему из дверей вышла группа людей: маршал Дарвальд, одетый в новые красивые доспехи командира Красных Драконов; старый седой Лотиан в праздничном придворном наряде; вооруженный мечом жрец Уллы, сопровождаемый другими мятежниками в ярких Формах Совета по реформам, и наконец, высокая стройная женщина, одетая как большинство горожанок, праздновавших сегодня победу. Конан не сразу узнал ее, и лишь увидев на ее груди шестиконечный амулет, понял, что эта бледная исхудавшая женщина — ни кто иная, как Калисса.

Он невольно потянулся к рукояти меча, но в тот же миг чьи-то руки в кожаных перчатках схватили его. Еще через мгновение к горлу киммерийца было приставлено сразу несколько острых лезвий, такие же лезвия оказались и у горла Лидии. Из всех его верных бойцов неподалеку оказалось лишь несколько человек, которые с изумлением взирали на сцену ареста своего полководца, не сделав, однако, никаких шагов в его защиту.

— Наконец-то узурпатор попался! — злорадно воскликнула Калисса. — Вот он, фальшивый барон, который был вероломным телохранителем моей семьи! А вот и его девка, наша бывшая кухонная служанка! — Калисса подошла к колеснице и смерила арестованную пару презрительным взглядом. — Жаль, что подлая и коварная Эвадна мертва, иначе она бы сейчас тоже оказалась у меня в руках!

- Я скорее буду сражаться насмерть, чем стоять и выслушивать ваши оскорбления, Калисса, мрачно сказал Конан. А что касается Эвадны, то она умерла достойно, сражаясь за Динандар.
- Как мой отец и мой брат! гневно крикнула Калисса. Подходящая компенсация! Ну что ж, киммериец, благодарю тебя за то, что ты уничтожил культ змеи что впрочем сделал бы любой способный командир. Но если ты думаешь, что эта удача бросит к твоим ногам целый город, если ты думаешь, что народ Динандара склонит головы перед северным дикарем, кровавым выскочкой, то ты ошибаешься! Но у тебя еще будет время поразмыслить об этом в самой крепкой и надежной темнице замка!

Пока Калисса яростно произносила свои обвинения, коалиция аристократов и мятежников продолжала стоять на своих местах, спокойно и, похоже, одобрительно наблюдая за происходящим. Конан вглядывался в их лица, тщетно пытаясь найти хоть какие-нибудь признаки несогласия или сочувствия ему. Он понял, что как только Калисса обнаружила свои способности, они вступили с ней в сделку. В конце концов, если Динандар согласился принять женщину в качестве своего правителя, то дочь Эйнарсона была куда более подходящей фигурой, чем безродный чужеземец. В ее мистической способности править Динандаром Конан убедился сам, когда повесил ей на шею амулет, чтобы остановить нашествие восставших из гроба предков Эйнарсонов.

Калисса повернулась в сторону столпившихся во дворе горожан и продолжала:

— Этот день был провозглашен как день всеобщего празднования, народ Динандара! Теперь мы можем праздновать двойную победу, потому что нам удалось предотвратить еще одну и более страшную угрозу нашему городу, — Обвинительным жестом она указала в сторону связанных Конана и Лидии. — Обещаю вам, что эта опасность больше никогда не нависнет над нами! К счастью, наши соседние бароны вовремя предупредили нас, послав своих гонцов, о подлых планах захвата власти над нами, которые вынашивал этот жестокий и коварный киммерийский проходимец! Нет, народ мой, урок истории ясен! Мой отец и брат мертвы, но их убийцы не будут править Динандаром! Господство кровавого меча закончилось! — Она помолчала и вновь бросила презрительный взгляд на Конана. — Конечно, грязные замыслы негодяя все равно не смогли бы осуществиться — народ Динандара никогда не принял бы злобного и хитрого варвара в качестве своего правителя. Король Ласло не допустил бы, чтобы нами правил преступник. Наши союзники бароны не остались в стороне в решающий час — они сейчас стоят лагерем у наших ворот, готовые прийти на помощь по первому нашему зову! — Снова сделав паузу, Калисса дотронулась рукой до амулета. — Я ваш правитель, волею моих предков Эйнарсонов и силой этого талисмана! Заверяю вас, что буду использовать его власть только для защиты Динандара от анархии и чужеземной тирании. А теперь, народ Динандара, я спрашиваю вас есть ли среди вас кто-нибудь, кто сомневается, что женщина может править нашим городом? Есть ли среди вас кто-нибудь, кто мог бы сказать слово в оправдание чужеземца?

Молчание длилось так мучительно долго, что Конан не выдержал и сам нарушил его:

— Хватит, Калисса! Ясно, что ты куда более жестокий и безжалостный правитель, чем даже был твой отец! Какую месть ты готовишь мне? Пролить мою кровь на эти камни, чтобы показать всем, что она не слишком голубая для лорда Динандара? А как ты поступишь с безвинной Лидией, которую ты сама некогда спасла от смерти?

Калисса повернулась к Конану, и победная улыбка наконец озарила ее бледное злое лицо.

— Я не настолько жестока, чтобы лишить тебя женских объятий, которых ты так страстно желаешь! Сковать их вместе стола и пошел, волоча ноги, в свой закуток, проклиная всех повернулась к толпе. — А мы будем продолжать наши торжества!

Глава 18. Меч Эйнара

— Клянусь богиней урожая, я знала, когда согласилась править этим городом, что это будет тяжелый труд! — со вздохом произнесла баронесса, стоя посреди своей комнаты, едва освещенной первыми лучами утреннего солнца. — Но почему он должен начинаться так рано, прежде чем проснется первый из моих подданных? — даже прежде чем самый неугомонный из них еще только отправится спать?

Плотнее запахнув длинную зеленую накидку, она опустилась на мягкий диван напротив поставленных полукругом стульев, занятых Дарвальдом, Лотианом и тремя мятежниками.

- Ох, еще раз вздохнула она, поправив на груди тяжелый амулет. Я чувствую себя такой же дряхлой, как ветхие останки моих предков, которые сейчас, несомненно, ворочаются там внизу, в фамильном склепе.
- Ну что вы, что вы, миледи, вы совсем не выглядите такой, с любезной улыбкой возразил Лотиан. И тем более не выглядели дряхлой вчерашней ночью, когда без устали танцевали с придворными и гостями. Даже я решился рискнуть своими старыми костями, чтобы покружиться в одной из этих диких народных плясок!

Калисса слегка улыбнулась, проведя гребнем, инкрустированным серебром, по своим длинным, спутавшимся после сна волосам.

- Вчерашней ночью у меня был повод радоваться, советник. Мои враги уничтожены, в моем городе мир, и я снова почувствовала себя обыкновенной девушкой.
- Миледи, вы и есть девушка! Заметив подозрительный взгляд баронессы, маршал Дарвальд поспешно добавил. Я имею в виду ваше здоровье и красоту. Вы вызываете восхищение у ваших подданных и очаровываете всех нас, кто удостоился чести служить вам.

Не удостоив вниманием его комплименты, Калисса холодно смотрела на него.

- Лучше вспомните, что я еще могу быть и полководцем, если того потребуют обстоятельства, маршал, и вашим военным командиром. В настоящее время я несу груз забот о государстве, к тому же только недавно оправилась от болезни, но я откажусь от любых радостей обыкновенной девушки ради счастья и благополучия моего народа.
- Вы храбрая и решительная женщина, миледи, сказал жрец-мятежник. Благодаря вашим отважным и уверенным действиям никто из нас не пострадал во время вчерашнего кризиса.
- Именно так, кивнул Дарвальд. Вы поступили совершенно правильно; мои люди доложили, что в городе не было никаких недовольных высказываний по этому поводу, даже среди солдат, участвовавших с варваром в походе.
- А я опасался, что недовольство будет, задумчиво произнес старый Лотиан. когда слышал, как его приветствовали у ворот.
- Ерунда! рассмеялся Дарвальд. Разведчик Сигмарка сказал мне, что все это подстроил Рудо, один из тюремных друзей киммерийца, которого он назначил командиром пехоты. Мои гвардейцы случайно наткнулись на него, когда он совершил грабеж в пивной, украв оттуда коробку с деньгами. Им удалось схватить его, и сейчас он снова вернулся в тюрьму, где ему и место!
- Прекрасно, нахмурившись, кивнула Калисса. Всем нам хороший урок. И много еще его тюремных друзей шляется по городу?
- О других ничего не известно, миледи, сказал жрец. Во всяком случае, в городе абсолютно спокойно. Могу свидетельствовать, что бывшие мятежники считают наше совместное правление идеально отвечающим всеобщим интересам. Я твердо убежден, что никаких

- волнений не предвидится, и нашему правительству ничего не угрожает.
 Я тоже так думаю, добавил Лотиан. Даже бегство варвара не грозит какими-нибудь нежелательными последствиями для нас...
- Что? воскликнула Калисса, выронив гребень из рук. Конан сбежал? А его шлюха Лидия? Тоже сбежала? Дарвальд неохотно кивнул.
- Каким-то образом они заманили ночного часового в свою камеру и стукнули чем-то тяжелым по голове, оглушив его. Замок на их цепи, приковывавший их к стене, они отжали сломанной ножкой стола, маршал опустил голову, как будто ему было стыдно за своего нерасторопного болвана часового. Они побежали вниз, в погреб, и очевидно, выбрались из замка через старый коридор, о существовании которого никто не знал, берущего начало из вашего фамильного склепа.
- Тревогу подняли? нервно спросила Калисса, резко встав с дивана и подойдя к окну. Красные Драконы уже действуют? Часовые у ворот что-нибудь заметили?
- К сожалению, их побег был обнаружен не сразу, миледи, виновато произнес Лотиан. И мы решили сначала посоветоваться с вами, прежде чем поднимать тревогу. Стражники у ворот всю ночь выпускали и впускали гуляющую публику, как я слышал.
- Так, немедленно объявить тревогу! И почему вы не сказали мне об этом сразу, как только пришли? Калисса гневным взглядом обвела присутствующих. Вы говорили мне всякие глупости, вместо того, чтобы сразу перейти к делу, как будто до сих пор считаете меня сумасшедшей! Это что, проверка? И кому теперь будет подчиняться армия советникам или безумной баронессе?
- Госпожа, мягко проговорил жрец Уллы. Нам кажется, что тревога сейчас может как раз вызвать волнения, которые еще неизвестно во что перейдут. Не лучше ли просто подождать и посмотреть...
- Подождать и посмотреть? дико рассмеялась Калисса. Как этот узурпатор вновь пустит в ход свои мельницы вероломства и коварства? Как он настроит город против нас? Вы забыли о его нечеловеческой силе и храбрости, вы не видели, как он швырял, словно кегли, вооруженных до зубов солдат? С такой силой, как Конан, надо считаться, предупреждаю вас! Если он выбрался из города, надо послать отряды искать его по всей провинции, надо сообщить Сигмарку и Оттиславу, если варвар еще не успел забраться в их палатки и перерезать им горло, как ягнятам.
- Госпожа! встав со стула, хрупкий старый Лотиан заговорил с удивительной твердостью. Призвать их на помощь значит показать перед ними нашу собственную слабость. Неужели мы действительно пошлем этих баронов рыскать по нашей провинции, наделив их неограниченными полномочиями? По последним данным, Сигмарк и Оттислав уже снимаются с лагеря. Если мы сохраним это дело в тайне, они могут уйти отсюда с миром...
- Тихо! Лицо Калиссы пылало от ярости. Вы хоть понимаете, что этот человек сделал с моей семьей... со мной? Как вы позволяете ему убежать и ждете от меня, что я буду хранить молчание?
- Я не знаю, каковы ваши намерения относительно этого варвара, госпожа, но в любом случае было бы небезопасным долго держать его здесь. спокойно произнес Дарвальд, поднявшись со стула. Мы вскоре были бы вынуждены убить его, что только придало бы ему ореол мученика. А так, я думаю, он уже отказался от своих претензий на баронство, если они у него были. Не имея благородной крови, он никогда не сможет править Динандаром, и он это уже понял. Я думаю, он просто убежал... маршал помолчал, глядя в глаза Калиссе. ...и тем самым решил наши проблемы.

Баронесса молчала, не зная, что сказать. Жрец встал со своего места и, подойдя к ней,

- положил Калиссе руку на плечо.
- Хорошо, что это произошло, миледи. Теперь будет, как вы сказали: господство кровавого меча закончилось.
- Ну, хорошо, сказала она наконец, взглянув в окно, где уже разгорался новый день. Пусть они уйдут.

* * *

Солнце заливало своим светом южные холмы, где отдыхали Конан и Лидия, много часов подряд мчавшиеся по равнине прочь от Динандара. Добравшись до чистого горного озера, они распрягли взмыленных коней, напоив их водой.

Острым камнем Конан разбил замок на оковах Лидии, затем, поддев их мечом, окончательно сорвал их, и тут же принялся за свои.

- Конан, расскажи мне сначала о твоих отношениях с женщинами Динандара. Если бы я знала правду о тебе и Калиссе, я ни за что не поехала бы так открыто с тобой в колеснице по городу!
- А что тут говорить? оторвавшись от работы, неохотно произнес Конан. Она была мягкая, добросердечная девушка, но потом сошла с ума и стала обвинять меня во всех своих бедах. Может быть, даже лучше, что бедная Эвадна избежала ее мести, Калисса могла бы подвергнуть ее мучительным пыткам.
- Нет, Конан, она любила тебя, грустно покачала головой Лидия. Если ты когданибудь снова станешь лордом, тебе придется научиться лучше обращаться со своими женщинами. Ты мог бы управлять Динандаром с Калиссой или с Эвадной. Но никогда со мной, Она вздохнула и посмотрела в ту сторону, где остался Динандар. Я думаю, Калисса будет лучшим бароном, чем был ее отец.
- Ей придется стараться, если она хочет удержать власть, сказал Конан, бросив в сторону сломанные оковы. Она больше не сможет воспользоваться поддержкой своих бессмертных предков для укрепления своей силы.
- Что ты имеешь в виду, Конан? Это связано с той древней реликвией, которую ты взял в склепе?
- Да, это меч самого Эйнара! Он и есть источник колдовства, сказал Конан, взяв в руки тяжелую бронзовую рукоятку волшебного меча. Амулет Калиссы сделан по этому образцу, видишь? Старый Бальдр поклонялся ему, как идолу, Размахнувшись, Конан забросил меч на середину озера, следом за ним отправив туда цепь и оковы. В следующий раз, когда старик Эйнар захочет поднять свой меч, чтобы повести своих мертвых воителей в бой, ему придется долго его искать!
- Может быть. Но страх перед ним еще долго будет жить в провинции, задумчиво сказала Лидия, глядя на чистую прозрачную воду. Не думаю, чтобы Калисса когда-нибудь решила использовать этот талисман.
- Нам больше нет до этого дела, Конан взглянул на свою любимую и взял ее за руку. Пойдем, девочка, у нас еще многое есть впереди. Ты когда-нибудь видела сверкающие блеском южные города? Может быть, там и сбудутся твои сокровенные мечты. Вор может быть богаче барона, а женщина, сильная духом и красивая, может подняться так высоко, как бывает только в мечтах. Пойдем, я покажу тебе новые места. Мир ждет нас!

Эпилог. Колесница

В восточной Немедии, где на границе Варакильских пустошей сочные зеленые луга переходят в сухую возвышенность, расстилаются земли, не заселенные людьми и не возделанные их трудом. Пастухи из ближайших деревень опасаются близко подходить к ним, веря, что урожай никогда не вырастет там, или что отравленная трава может стать причиной болезни и смерти животных.

Об этом месте ходили слухи, что когда-то там произошло гигантское страшное побоище, и над бывшим полем битвы до сих пор витают злые духи. Легенды рассказывают о змеином короле, чья мертвая голова лежит сейчас где-то в глубине зловещей безлюдной равнины.

Ни один любопытный путешественник не отваживается ступить ногой на эту. Но если бы нашелся такой храбрец, то он обнаружил бы там странные вещи: остатки погребальных костров из костей, выложенные широким кольцом среди пепельных груд. Если исследователь не поймет, как образовались эти холмы пепла с остатками разрушенных доспехов и обломками человеческих черепов, он может найти в самом центре кольца следы более маленького костра с ясно различимыми обломками грубой деревянной, обитой железом колесницы. Если путешественник окажется достаточно любопытным, то подойдет поближе и вдруг заметит сверкнувшую под слоем пепла золотую поверхность и смотрящий прямо на него блестящий немигающий изумрудный глаз.

Этот золотой ларец в виде змеиной головы Сет снова оставил в мире людей, дожидаясь, когда для него найдется новый хозяин. Так пусть до скончания века он остается нетронутым.